

**БАШКИРСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ АН СССР**

**Ордена «Знак Почета» Институт истории,
языка и литературы**

**АРЕАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО БАШКИРСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ
И ОНОМАСТИКЕ БАШКИРИИ**

БАШКИРСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ АН СССР

Ордена «Знак Почета» Институт истории,
языка и литературы

АРЕАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО БАШКИРСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ
И ОНОМАСТИКЕ БАШКИРИИ

Ареальные исследования по башкирской диалектологии и ономастике Башкирии: Сборник статей. Уфа: БНЦ УрО АН СССР, 1988. 136 с.

В сборник включены статьи, освещающие вопросы территориального распространения лексических, фонетических и грамматических явлений в башкирских диалектах и топонимии. В некоторых работах рассмотрены структура, семантика, словообразование, этимология, особенности опрощения отдельных лексем и географических названий.

Под редакцией

д-ра филол. наук Н. Х. МАКСЮТОВОЙ и
канд. филол. наук А. А. КАМАЛОВА

Рецензенты: канд. филол. наук Р. Х. ХАЛИКОВА,
канд. филол. наук Р. Г. АЗНАГУЛОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вопросы изучения диалектных и топонимических явлений в ареальном отношении впервые в башкирском языкознании были разработаны сотрудниками Института истории, языка и литературы Башкирского научного центра Уральского отделения АН СССР. В данный сборник включена часть этих разработок. Составители вполне отдают себе отчет в том, что в некоторых статьях рассмотрены особенности территориального распределения какого-либо лингвистического явления, а не весь их комплекс, характеризующий тот или иной ареал. Это является следствием существующего в языкознании двойного понимания сущности ареалогии как лингвогеографического и собственно ареального аспекта исследования. Тем не менее статьи данного сборника будут представлять большой интерес для ученых как первый опыт изучения диалектных и ономастических материалов в ареальном аспекте.

Разработка вопросов этимологии как слов, так и названий требует пристального внимания лингвистов. В работе Йожефа Тормы из Венгерской Народной Республики дана этимология слова *күсер*, возникшего, по его мнению, от названия населенного пункта Коч.

АРЕАЛЫ ГРАММАТИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ЗАЛОГОВ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА

Изучение диалектологического материала в ареальном срезе показало, что в говорах выявляется множество морфем, участвующих в образовании одной грамматической категории. По картографируемым материалам выделяются ареалы «Восток», который включает север и юг Башкирии, и «Юг» со включением юго-запада и центральной области.

В ареале «Восток» понудительный залог выражается посредством аффиксов *-кыз, -кез* (*кыз, -кез*), *-каз, -ғыз, -гез* (*-ғыз, -гез*), *-ғыр, -гер*. Морфема *-кыз, -ғыз* отражает древнее явление в образовании и эволюции понудительного залога. Аффиксальная морфема в фонетических разновидностях *-кыз, -киз, -ғыз, -гиз* характерна для тюркских языков, например татарского (*йат-кыз* 'уложь'), шорского, алтайского (*тур-ғыс* 'подними'), узбекского (*тур-ғыз* 'подними'), казахского (*өт-кез* 'проведи') и т. п.

Форма понудительного залога на *-кыз* является специфической особенностью ареала «Восток», которая выделяет его от остальных диалектов башкирского языка. Необходимо отметить, что морфемы *-кыз, -кез, -ғырт, -герт* присоединяются к ограниченному кругу корневых слов и обладают совокупностью значений разрешения, просьбы, позволения, повеления. Например, *йат-кыз* 'уложь', *йет-кез* 'дове́ди', *мен-гез* 'подними', *һүн-гез* 'туши', *бел-гез, бел-герт* 'сообщи, ставь в известность, учи' и т. п. Здесь обнаруживается параллельное употребление аффиксов понудительного залога в связи с одной и той же корневой морфемой. Например: *тор-зор, тор-ғоз* 'подними' (*Торзор иркәңде, йығылған урынына төкер* 'Подними сестренку и плюнь на место ее падения'); *там-дыр, там-ғыз* 'капни' (*Һөтөңдө әзерәк кенә тамғыз әле* 'Капни молока').

Форма понудительного залога на *-кыз, -кез* выступает определяющим признаком данной грамматической категории и не допускает форму с *-кер*, характерной для ареала «Юг». Таким

образом, изоглосса *-кыз, -кез* «Востока» противопоставлена говорам ареала «Юг», который характеризуется формой понудительного залога с аффиксом *-кыр, -дыр* (*йат-кыр, мен-дер, һүн-дер, бел-дер*). Данный ареал, в отличие от первого, допускает параллельное употребление варианта с *-кыз, -кез*. В тридцати опорных пунктах, расположенных по бассейнам рек Ик, Сюнь, Дема, Уршак, Сакмара, Ток, Урал (Яик), функционируют формы на *-кыр, -кыз* (*йат-кыр, йат-кыз, тот-кор, тот-коз*). Понудительный залог с морфемой *-кыр* является формой литературного языка.

Иерархия границ указанных изоглосс понудительного залога служит основой классификации форм понудительного залога в современном устном языке, диалектной речи. При переходе с одного ареала (с *-кыз* на *-кыр* или, наоборот, с *-кыр* на *-кыз*) на другой не ощущаются пограничные сигналы смещения форм, а четко проходят границы ареалов «Восток» и «Юг».

Грамматические средства понудительного залога в диалектах башкирского языка структурно многообразны, семантически неоднозначны, и частота употребления в речи данной залоговой формы велика.

Лингвогеографическое изучение башкирского языка выявило большой круг морфем понудительного залога, не зафиксированных в лингвистической литературе: *-һат, -һэт* с фоновариантами *-ҫәт, -сәт, -ҫат, -сат* (*күр-һәт, күр-ҫәт, күр-сәт* 'покажи'), *-ғаз, -гәз* с фоновариантами *-газ, -гәз* (*күргәз, күргәз*), *-ғат, -гәт* (*күргәт*). Эти аффиксы с корневой морфемой *күр* 'видеть' выражают значение понудительного залога с четко выраженной семантикой повеления. Пространственное распространение указанных морфосем не разграничено. Многие из этих вариантов территориально перекрещиваются. Из картографированных морфем *-һат, -ғаз, -гәт* формой-эталоном является *-һәт* (*күр-һәт* 'покажи'). Однако, по сведениям карт, его нельзя считать исходной и наиболее распространенной формой. Исходной формой, характерной для древнебашкирского языка, был форматив *-гәт, -гәз* ареала «Восток».

Корневая морфема *күр* 'видеть' выражает повеление, а морфема *-гәт, -гәз* в соединении с ним не выражает взаимодействие субъектов, характерное семантическому содержанию понудительного залога. Семантика понудительного залога достигается при помощи соединения повторной залоговой морфемы *-тер* (*күр-һәт-тер* 'заставь показать'). Это явление подтверждает высказанное А. А. Юлдашевым положение о том, что минимальное количество глаголов, причисляемых к грамматической категории понудительного залога, обнаруживает одно из двух общепризнанных основных значений понудительного залога при условии, если обозначаемое ими активное действие осуществляется при участии двух субъектов — одушевленных предметов, один из которых должен быть обязательно подлежащим (названием лица), соотнесенным с глаголом-сказуемым по нормам действи-

тельного залога, а другой независимо от своей роли в исполнении данного действия лишается информативности и именно по этой причине грамматически оформляется исключительно лишь как объект действия — как прямое или косвенное дополнение¹.

Разграничительная роль ауслутивных фонем -т (*күр-гәт*), -з (*күр-гәз*), -з (*күр-гәз*) в территориальном отношении весьма ощутима, и эти звуки во многих случаях выступают пограничными сигналами. На основе сведений карт, сигналом формы понудительного залога на *-һәт* в виде реализации фонетического варианта *-сәт* (*күр-сәт*) является бассейн Камы. Изоглосса *күр-сәт* отдельными вкраплениями (пучками, ветками) функционирует в бассейнах рек Буй, Танып, Сюнь. Плотным распространением *-һәт* (*күр-һәт*) определяются бассейны рек Сакмара, Урал, Уран, Ток, Нугуш, Большой Ик, а бассейны рек Дема, Ай, Уршак характеризуются употреблением *-сәт* (*күр-сәт*).

Ареал «Восток» одновременно употребляет изоглоссы с морфемами *-гәт* (*күр-гәт*) и *-гәз* (*күр-гәз*), *-сәт* (*күр-сәт*). Специфическая лингвистическая область Челябинского Зауралья, Западной Сибири употребляет форму понудительного залога лишь с формативом *-гәт* и не допускает другого варианта. Исключение составляют лишь отдельные опорные пункты по бассейнам рек Миасс, Исеть, в которых параллельно обнаруживаются изоглоссы *-гәз*, *-гәт* (*күр-гәт*, *күр-гәз*). Изоглосса с *-гәт* (*күр-гәт*) дает вспышки в междуречье Уфа и Ай, на юго-востоке картографируемой территории и на крайнем юге в междуречье Белой и Зилим в единственном пункте.

Юго-восточная территория (бассейны рек Белой и Сакмары) отличается параллельным употреблением всех трех форм понудительного залога: *күр-һәт*, *күр-гәз*, *күр-гәт*. Формы *күргәт*, *күргәз* выделяются на востоке, северо-востоке и бассейнах рек Сюнь, Ик.

Морфосемы *-зәр*, *-гез* понудительного залога в связи с корневым словом *кей* 'одевайся' (*кей-гез* и *кей-зәр* 'одежь') делят картографируемую территорию также на два больших ареала — «Восток» и «Юг». С территорий Челябинской, Курганской областей до бассейнов рек Сюнь и Ик горизонтальной линией проходит изоглосса понудительного залога на *-гез* (*кей-гез*) с фонетическим вариантом *-гез*. Вертикальная линия данной формы-изоглоссы, взявшая свое начало с верхнего течения реки Уфы (Караидели), доходит до города Уфы и в виде вспышки до бассейна рек Сакмара, Уршак, Дема, Урал.

Южные области характеризуются употреблением формы понудительного залога и на *-зәр* (*кей-зәр*). Однако ареал «Юг» характеризуется употреблением и формы на *-гез* (*кей-гез*). Явление дизъюнкции этих форм-изоглосс наблюдается по бассейнам рек Танып, Буй. Плотность в параллельном употреблении указанных форм выявляет территории по р. Урал. Вспышки проявляются в междуречье Уршак, Белая. Степень употребления в ареале «Юг» формы на *-гез* выше, чем формы на *-зәр*

(кей-зєр) в ареале «Восток». На основе сведений карт, которые показывают на широкое распространение формы понудительного залога на -гєз (кей-гєз), следует заметить, что она, как равноценный вариант кейзєр, имеет основание на включение ее в реестр грамматических показателей литературного языка.

Грамматические показатели форм залогов в их семантической проекции являются одной из задач, вызывающих разночтения, которые прежде всего относятся к формам взаимного и возвратного залогов башкирского языка. Известно, что залоговые формы глагола представляют собой модификации значения каузатива, выражающие отношения между лексическим или семантическим субъектом, т. е. исполнителем действия и самим действием. Географическое распространение грамматических показателей, отражающих действие субъекта, весьма специфично.

Показателем взаимного залога является аффикс -ш (-ыш, -еш, -ош, -өш, -уш, -үш). Взаимный залог посредством аффикса -ш (-ыш, -еш) формировался в древнейшее время, еще в эпоху тюркского праязыка². Этот аффикс сочетает значения взаимности в действии и кратности действия. Изоглосса взаимного залога с морфемой -ш (буйашам 'помогаю красить, участвую в крашении, покраске') проходит по территории южного, западного диалектов, т. е. по этому изоморфу географически объединяются весь юг, запад картографируемой территории. По своей грамматической форме в данный ареал присоединяется корневая морфема йыу 'вымой' в значениях возвратного, взаимного залогов: йыу-ын(ам) 'мою', йыу-ыш(ам) 'помогаю мыть'. Иное лексическое значение выражается этой же грамматической формой, где морфосем -ыш, выражающий значение взаимного залога (значение совместности), относится в первую очередь к действиям субъекта, направленным к самому себе. Например: Мин һәр көн кис йыуышам 'Я каждый вечер умываюсь, мою свое лицо'; Тиз генә йыуыш, битең бысранган 'Быстро вымой лицо, оно грязное'. Эта форма имеет парадигму спряжения: йыуышам 'умываюсь', йыуышаһың 'умываешься', йыуыша 'умывается'.

Распространенная на юге изоглосса с идентичным значением, но с грамматическим показателем -ын (йыуынам), ареалу «Восток» не характерна.

Таким образом, в ареале «Восток» форма взаимного залога йыуышам в одном конкретном значении (умываюсь) употребляется как возвратный.

Необходимо отметить, что форматив -ыш в указанной лексической основе выражает одновременно значения совместности, взаимности, т. е. посредством его выражается совместное отношение субъектов к объекту: Изән йыуышам 'Я помогаю мыть полы, я принимаю участие в мытье пола'. В ареале «Восток» аналогичная грамматическая форма с корневой морфемой буйа 'красить' выражает семантику взаимного залога как в ареале «Юг». Например: буйаш(ам) 'помогаю красить, принимаю участие

в покраске, крашении', *буйаша(һың)* 'помогаешь красить, принимаешь участие в покраске, крашении', *буйаш(а)* 'помогает красить, принимает участие в покраске, крашении'.

Изоглосса *буйа-т* (*буйатам* 'я крашу', 'крашу лишь сам') занимает территорию по бассейнам рек Исеть, Миасс, Караидель, Ай, Юрюзань, т. е. ареал «Восток». Грамматический показатель -т, при помощи которого обычно образуется понудительный залог, в ареале употребляется в значении основного залога, т. е. выражает семантику одного субъекта при полном отсутствии логического объекта, осуществителя основного действия. Например: *Мин бөгөн изән буйаттым* 'Я сегодня красил пол' — лично сам; *Мин ойок буйатам* 'Я крашу чулки' — лично сам. Здесь форма понудительного залога на этой лексической основе выражается усложненной морфоконструкцией, выраженной посредством дополнительного показателя -тыр, т. е. одна и та же основа принимает одновременно двойной аффикс понудительности -т, -тыр (*буйа-т-тыр* 'заставь красить'). Данная форма является одной из распространенных, активных форм в выражении понудительного залога в указанном ареале. Имеются случаи, когда смысл понудительного залога выражается при помощи тройного (утроенного) аффикса типа -зыр, -т, -тыр, Например: *Йаз-зыр-т-тыр* 'заставить заставить заставить писать', *һөр-зәр-т-төр* 'заставить заставить заставить пахать', *тый-зыр-т-тыр* 'заставить заставить заставить молчать' и т. п. Именно эту черту Н. К. Дмитриев считает свойственной категориям словообразования и одной из причин в квалификации залогов глагола в башкирском (и в тюркском языках) в разряде словообразования³.

Материалы карты показывают, что восточный ареал выделяется как компактная, своеобразная лингвистическая зона по функционированию не только грамматической категории залога, но и в употреблении каузатива вообще.

¹ Юлдашев А. А. Понудительный залог//Грамматика современного башкирского литературного языка. М.: Наука, 1981. С. 258.

² Серебрянников Б. А., Гаджиева Н. З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М.: Наука, 1986. С. 202.

³ Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 1847.

Камалов А. А.

ОТРАЖЕНИЕ НЕКОТОРЫХ ФОНЕТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА В ТОПОНОМИИ БАШКИРИИ И ИХ АРЕАЛЫ

Известно, что топонимия является составной частью лексики языка, ибо каждый топоним образуется при помощи слов. Изучая топонимию какого-либо региона можно определить как общие черты, так и особенности системы языка, функционировавшего в прошлом или существующего в настоящее время. В данной статье топонимия Башкирии анализируется с точки зрения отражения в ней диалектных особенностей башкирского языка. Основное внимание в ней уделено согласным звукам, рефлекс которых зафиксированы в географических названиях и составляют замкнутый ареал.

Соответствие б~м. Позиция звука б устойчивее в начале тюркского слова. В середине слова звук б представлен редко, а в абсолютном исходе он сохранился еще реже. Звук м, наоборот, в конце слова употребляется часто, в середине слова он продолжает сохранять свою репрезентативность, но слабее, чем в исходе слова, а в анлауте представлен мало¹. О происхождении этих звуков пока не сложилось единого мнения. Одни исследователи считают, что в начале слова первичным был звук б, который впоследствии перешел в звук м². По мнению других, исконным был звук м, который в дальнейшем развился в звук б³. Наиболее приемлемым является точка зрения М. Рясянена, согласно которой урало-алтайскому праязыковому состоянию был характерен звук б, алтайский праязык отличался от него параллельным употреблением звуков б и м⁴. Материалы современных тюркских, шире алтайских языков и их диалектов полностью подтверждают это положение М. Рясянена. Алтайские языки отличаются друг от друга только частотностью употребления звуков б и м и большей или меньшей представленностью этих звуков в той или иной позиции. Об этом более определенно сказано в монографии Н. Х. Максютовой «Восточный диалект

башкирского языка в сравнительно-историческом освещении»: «Звук б в башкирском языке характерен для начальной позиции, однако в говоре (т. е. в айском — А. К.) некоторые слова арабского происхождения произносятся с конечным б... Отсюда можно полагать, что они сохранили свое первоначальное звучание. В определенном кругу слов б соответствует м. Это явление общетюркского характера, оно свойственно почти всем тюркским языкам и диалектам. Только в одних диалектах и говорах преобладают варианты на м, в других — на б»⁵.

В башкирском языке и его диалектах звук б в начале слова представлен больше, чем звук м в той же позиции. Звук м в анлауте характеризуется в основном как диалектное явление, но не выполняет функцию дифференциального диалектного признака. В исследованиях по башкирской диалектологии зарегистрированы следующие случаи употребления звука м в начале слова: арг. *мау(ыл)* 'веревка, натянутая для развешивания одежды, предметов убранства' вм. лит. *бау*; *малсык* 'почва' — лит. *балсык*⁶; айск., гайн., дем., караидельск. *майтак* 'порядочно, изрядно' — лит. *байтак*; ик-сакм. *магана* 'столб' — лит. *багана*; *муртенеу* 'повредить поясницу' — лит. *биртенеу*; *моз* 'лед' — лит. *боз*; средн. *минжэк* 'пиджак' — вост. *бинжэк*, лит. *пинжэк*; дем. *матис* 'батист' — *батис*⁷; гайн. *мөрө* 'почка' — лит. *бөрө*.

В середине слова айск. *билмау* 'пояс' соответствует лит. *билбау*; *сәсмәу* 'косоплетка' — лит. *сәсбау*⁸; арг., дем. *корман* 'жертва' — лит. *корбан*; *кулмау* 'подвязка для рук из бисера' — лит. *кулбау*; *умыу* 'засосать' — лит. *убыу*; *түмән* 'низко' — лит. *түбән*; *эсмауыр* 'внутренности' — лит. *эс-бауыр*; арг., миас. *таман* 'к' — лит. *табан*; ик-сакм. *биртаман* 'сюда' — лит. *биртабан*; *күмәләк* 'бабочка' — *күбәләк*; средн. *комараһы* *осоу* 'побледнеть' — лит. *кобараһы* *осоу*; дем., средн. *саман* ат 'ленивая лошадь' — лит. *сабан ат*; *йымырлау* 'шевелиться, ползать' (о насекомых) — лит. *йыбырзау*⁹ и др.

Как показывают приведенные примеры, в начале слова звук м представлен во всех говорах, а в середине слова — только в айском, аргаяшском, демском, ик-сакмарском, миасском и среднем говорах башкирского языка. Таким образом, выясняется, что звук м в середине слова получил распространение на меньшей территории, чем этот звук в начальной позиции.

Соответствие б~м отражено также в географических названиях Башкирии. В анлауте топооснов звук м зарегистрирован в следующих названиях: *Маланлы кыуак сокоро*, *Малансаз*, *Малкан тауы*, *Малкан йылғаһы*, *Малыклы ауылы*, *Мулдак күле*, *Мазалы тауы*, *Мәләүез йылғаһы* и др. В середине топоосновы звук м отмечен в топонимах *Атмажа йылғаһы*, *Фимадулла һыулауы*, *Жормангәле үзәге*, *Түмәләс*, *Түмән ауылы* (русское название Нижняя), *Яумикә һазлыгы* и др.

Анализ территориального распределения топонимов со звуком м в анлауте и инлауте показывает, что в топонимии звук м в начале слова представлен в демском, ик-сакмарском, среднем

говорах, а также на севере и северо-западе Башкирии. На территории функционирования восточного диалекта башкирского языка не отмечены названия со звуком *м* вместо *б* в начале слова. В середине топонимов ареал звука *м* охватывает айский, аргаяшский, миасский говоры восточного диалекта, демский и средний говоры южного диалекта башкирского языка. Крайний северо-запад и юго-восток не представлены названиями с инлаутным *м*, соответствующим звуку *б*. Причины этого явления пока не могут быть объяснены.

Соответствие р ~ з. Звуки *р ~ з* являются дифференцирующим признаком алтайских языков, согласно которому звук *р* в середине и в конце некоторых слов тунгусо-маньчжурских, монгольских и чувашского языков соответствует звуку *з* в других тюркских языках¹⁰. Рефлексы пратюркского *р* наиболее полно представлены в современном чувашском языке¹¹. Как реликт древнего состояния, следы ротацизма сохранены также в других тюркских языках¹², в том числе и в башкирском. Примеры: *бур* 'мел' и *буз* 'серый, сизый', *йыра*, *йырын* 'овражек' и *йыза*, *йызын* (то же); *кәкере* 'кривой' и *кәкерсәк* 'зигзаг, дугообразный'; *карга* 'ворона' и *козгон* 'ворон', *кайыр* 'корье' и *кайыз* (то же); *каран* 'попынька, глубокое место речки' и *казан* 'котел, котловина'¹³; *ниргә* (нигер) 'один ряд сруба' и *нигез* 'фундамент'; диал. (арг.), *оро* 'колодец' и *өзө* (то же); *эйәр* (вариант *эйәр*) 'дождевой поток' и *Өйәзән* (гидроним, ср. древнетюркский *үгүз* 'река'); *сайыр* 'смола, сера' и *һағыз* 'сера'; *сырай* 'выражение лица, вид, облик' и *һызат* 'черта, свойство, особенность, черты лица'; *такыр* 'гладкий, голый, такыр' и *тигез* 'ровный, ровное место'; *терһәк* 'локоть' и *тез* 'колени'; *тиреҫ* 'перегной' и *тизәк* 'кал, помет, кизяк'; *торна* 'журавль' и *каз* 'гусь' (ср. тунгусо-маньчжурское *гаса* 'журавль'); *тура* 'прямой' и *төз* (то же); *үкер* 'мычать' и *үгез* 'бык'; диал. *уурынды* 'овражек'¹⁴ и гидроним *Өйәзән*, *Үзән* 'долина' и др. Кроме того, реликтовый звук *р* зафиксирован в основах *кар 'глаз' и *кыр 'девушка', составляющих сложные слова *күз-карак* 'присматривать' и *кыз-кыркын* 'девочки, девушки, девчата'. Подавляющее большинство слов с *р* получило распространение на всей территории функционирования башкирского языка. Ареал слов *оро* и *уурынды* ограничен территорией бытования восточного диалекта, *йыра* — ик-сакмарского говора южного диалекта башкирского языка.

В топонимии Башкирии следы ротацизма отражены в названиях с основой *йыра* 'овражек', *йырын* (то же), *каран* 'попынька', *кондор* (вариант *контор*, современный башкирский *кондоз*, чуваш. хәнтәр 'бобер'), *сар* (совр. башк. *һаз*, вариант *саз* 'болото'), *үрек* (совр. башк. *үзәк*), *Уран* (совр. башк. *үзән*), *шар* 'лесная болотистая местность', *шарлык* (то же), *ырма* (совр. башк. *ызма* 'дом, кочевье'), *ыры* (совр. башк. *язы* 'поляна'). Примеры: *Йософ йыраһы*, *Кайын йыра*, *Карагай йыраһы*; *Ажһыйыр йырыны*, *Байсура йырыны*, *Куялды йырын*, *Өлкән*

йырын, Ташлы йырын; Аргы каран, Каран, Каранйылга; Кондорош, Конторошло; Урек; Уран (др. назв. Соран); Ямансар (вариант Ямансаз), Шар, Яңыбай шары; Искырма (вариант Искызма); Маньяры (ср. Мәһйәзе йылгаһы). Общее количество подобных названий более 206.

В распространении названий с основами на *p* наблюдается такая картина: пратюркский звук *p* представлен во всем ареале башкирского языка. По плотности топонимов выделяются отдельные зоны. Например, в западной половине Башкирии (к западу от Уральского хребта) зафиксированы 73%, а в Зауралье — около 27% топонимов. Если же анализировать распространение топонимов со звуком *p* по зонам, то наиболее плотный их слой обнаруживается в бассейне реки Демы, где сосредоточено более 35% зафиксированных названий. Далее по степени убывания идут западная (около 15%), центральная (более 11%), северо-восточная (около 11%), юго-восточная (около 9%), восточная и южная (по 7%) зоны.

Топонимия в распределении следов ротацизма дает иную, отличную от апеллятивной картину. Топонимическая карта не перекрывается апеллятивной и границы топонимов с *p* смещены на запад. Центр ареала аналогичных топонимов находится в бассейне р. Демы.

В заключение можно констатировать о том, что ротацизм, широко представленный в современном чувашском, монгольских, тунгусо-маньчжурских, а также в корейском языках, охватывает лексику тюркских, в том числе и башкирского, языков. Поэтому его нельзя считать особенностью только болгарского, тем более одного чувашского языка. Здесь следует обратить внимание еще и на то, что следы бывшего ротацизма в башкирском языке больше представлены в апеллятивной лексике восточного диалекта и в ик-сакмарском говоре южного диалекта, не имевших непосредственных контактов с болгарскими племенами в прошлом. Следовательно, рефлексы ротацизма в нарицательных словах — явление генетического порядка, восходящее к отдаленным периодам развития тюркских языков.

Соответствие ш~й. Отмечается в уральской и алтайской семьях языков. Ср. селькуп. *шў* 'змея'¹⁵, тюрк. *шылан* и *йылан* (то же); финно-угор. *csillog* [šillog] 'блестит' и казах. *шалтыр* (вариант *жалтыр*) 'блестящий', башк. *йылтырган* 'слюда', турец. *йылдырган*, *йылдырак* 'сверкающий', турец. *йылдырым* 'молниеносный' башк. диал. *йылдырым* 'блесна', шор. *шакшы* 'хорошо'¹⁶ и башк. *якшы* (то же). Соответствие *ш~й* наблюдается также в диалектах башкирского языка. В этом отношении примечательны: дем. *шулап* 'колода, водосток' вм. средн. *йулап* (то же)¹⁷; кызыл. *шэйек* 'раскидистые ветки хвойных деревьев' вм. ик-сакм. и лит. *йэйек*¹⁸; кызыл. *шарак* (булю) 'сбросить вес' (о лошади) вм. *йарау*¹⁹; кызыл. *какашыу* 'загрязниться' вм. гайнин. *какайыу* (то же); кызыл. *шимдәу* 'добавить сахару в кислушку' вм. дем. *зимнәу*, *димнәу* (лит. *емләу* 'то же')²⁰, миас. *шәкәл* (варианты *шәкәләй*, *шәкәй*) 'бабки' вм. ик-сакм.

йәкәл (то же)²¹. Лексемы с *ш* зарегистрированы главным образом в кызылском, миасском и демском говорах башкирского языка.

Соответствие *ш~й* находит свое отражение и в топонимии. Примеры: *Шакшашимэ*, *Шакша* и *Якшашимэ*; *Шалтыран* и *Ялтыран*; *Шазы* (вариант *Шизе*) и *Язы*; *Шалан* и *Ялан*; *Шаугул* и *Яугул*; *Шауязы* и *Яуязы*; *Шигәлгә* и *Егәлгә*; *Шүлкә* и *Йүлкә*; *Шомранкул* и апеллатив *йомран* 'суслик', этноним *Йомран* табын; *Шыланны* и *Йыланны*; *Йәйек* и *Йәйк*, апеллативы *йәйек* и *шәйек*. Сравните еще: Чалдыранская равнина в Иране²², *Шалбуз дагы* (вариант *йалбус*) — тюркское название Эльбруса²³. Таким образом, соответствие *ш~й* (с вариантом *ч~й*) — явление, характерное для тюркских языков и их топонимии. В Башкирии топонимы со звуком *ш* имеют локальное распространение. Они встречаются в центральной, северной, южной, северо-восточной и юго-восточной зонах.

Тем не менее топонимический ареал значительно больше апеллативного, ибо топонимы с *ш* отмечены на севере, северо-востоке и юге Башкирии, где употребление апеллативов со звуком *ш* вместо слов с *й* не фиксировано.

Соответствие *т~к*. В тюркологических работах соответствие *т~к* не было объектом специальных исследований. В некоторых работах позиции *т~к* рассматривались отдельно. Только в «Материалах по исторической фонетике тюркских языков» М. Ряснана отмечено, что в данном соответствии первичным был звук *к*²⁴. Между тем изучение лексик тюркских, тунгусо-маньчжурских, монгольских и финно-угорских языков показывает, что в ряде слов звук *т* противопоставлен звуку *к*. Примеры (в начале слова): тунгусо-маньчж. *дулга* 'жилище', *як дулга* (<мо.) 'подпорка, стойка, столб (основной в зимнем и летнем жилище)' (вариант *долган*) и башк. *колга* 'шест'; маньчж. *тотан* 'пеликан' (<кит.) и тюрк. *котан* (то же); тунгусо-маньчж. *тэриэ* 'просторный' и башк. *киң*, *иркен* (то же), *киреү* 'растягивать'; нанай. *тораки* 'грач, галка' и башк. *карга* 'ворона' *кара карга* 'грач'; башк. диал. *таргай* 'сосна' и *терке* 'молодая сосна' (ср. манс. *тарыг* 'сосна') и общебашк. *карагай* (то же); монг. *гүвээ* 'бугор, холмик' (ср. венг. *кере* 'стог', башк. *күбә* 'копна' и *түбә* (вариант түпә) 'макушка, холм'; татар. *тычкан* (башк. *сыскан*) 'мышь' и тунгусо-маньчж. *кулгуна* (то же); тюрк. *тел* 'язык', башк. *бәләкәй тел* 'язычок' и тунгусо-маньчж. *голи* 'язычок', монг. *хэл* (то же); башк. *туры* 'гнедой' (о масти лошади) и монг. *хээр* (то же), тунгусо-маньчж. *којор* (то же); башк. *түзеү* 'терпение' и тунгусо-маньчж. *кири* 'терпеть'; башк. *түбә* 'род, родовое подразделение', *туба* — самоназвание карагасов²⁵, ногай. *куб* 'род', караим. *кебес* 'много, многое', *күп* — якутское название рода эвенков²⁶, башк. *терпе* 'еж' и *керпе* (то же); башк. *теләү* 'желать, просить' и татар. диал. *келәү*; башк. *теләусе* 'желающий, просящий' и татар. диал. *келәнче* (то же); башк. антропонимы *Теләш* и *Келәш*; башк. *тизәк* 'помет, кал, навоз' и *кизәк* 'кизяк'; башк. *кәлпәк* и казах.

талпак 'приплюснутая гора'²⁷; башк. тэртэ 'оглобли' и диал. (гайн.) кэртэҫас (то же); башк. тумалак 'круглый, кругляшок' и кирг. кумалак 'катышки'; башк. и чуваш. туйра 'молодой дуб' и бараб. кайры 'дуб'; башк. тун 'холмик' и диал. күң 'куча перегноя', казах. коң 'сухой навоз'²⁸; башк. диал. (ик-сакмарск.) тьу бейэ 'яловая кобыла' и кызыл, кьузык бейэ (то же) и др.

Из финно-угорских языков соответствием т/д~к/г охвачены венгерский²⁹ и коми языки. Сравните: коми—зыр, дор//дин 'край, место возле чего-нибудь'³⁰ и башк. кыр (то же); тюрк. тура 'город' и коми кар 'город, селение' (ср. тувин. хорай 'город').

В середине слова отмечены следующие случаи соответствия т~к: селькуп. арт 'поперек'³¹ и башк. аркыры (то же); башк. кырт өзөү 'резко рубить, резать', киртек 'зарубка' (ср. морд. кырда, вариант кирда), 'раз, крат', авест. kurət 'резать', осет. ùgard 'зарубка', литов. kirsti 'рубить', kirpti 'кроить', kirtis 'удар', лат. cirst 'рубить' /и башк. кыркыу 'рубить, резать'; тунгусо-маньчж. кетарā 'кривой' (варианты кётра, кэжкэ) и башк. кәкере 'кривой, кривизна'; тунгусо-маньчж. балта 'молот', башк. балта 'топор' и башк. диал. балға 'молоток'; тюрк. үт 'желчь', и тунгусо-маньчж. уүй (то же); башк. диал. мандыу, лит. мантыу 'поправляться, исправиться' и башк. диал. (гайн.) маңкыу (вариант маңғыу) (то же); башк. диал. өстө 'верхний', тувин. үстүү (то же) и башк. өскө (то же); башк. тэлтем 'разговорчивый', үстереү 'растить' и башк. диал. (сальют.) тэлгем (то же), үскәреү 'растить'³²; тюрк. арт 'перевал' и арка 'хребет'; западносиб. итмәк 'хлеб' и башк. икмәк (то же); западносиб. питләү 'запирать' и крымско-татар., башк. бикләү (то же); башк. кэртэ 'ограда' и диал. көркэ 'хлев' (ср. коми керка 'дом, изба')³³; башк. ашатлау 'перешагнуть' и ашаклау (то же); башк. атай 'отец' и якут. аҕа (то же); башк. диал. (гайн.) жаматай 'плохой' и кызыл. йамакай, ик-сакмар. йамак, лит. яман (то же).

В конце слова соответствие т~к встречается редко. Например: башк. сит 'край, чужбина', якут. сит 'край', тунгусо-маньчж. сит (варианты һитер, ситу, шуту) и башк. сик 'граница, край'; башк. диал. (ик-сакмар.) һыркак йел и айск. һыргат йел 'зимний резкий ветер'.

Ареалы слов на т и к не совпадают. Например: сальют. тэлгем противопоставлен слову тэлтем других говоров, ик-сакм. тьу бейэ — кызыл. кьузык бейэ; башк. теләу находится в оппозиции к татар. келәү; кизил. мандыу, башк. лит. мантыу — гайнин. маңкыу и т. д. В распределении апеллятивов на т или к установить определенную закономерность трудно. Но все же можно заметить, что к расположен восточнее ареала слов с т.

В топонимии Башкирии также отражено соответствие т~к. Вариант названий на к получил распространение на большей территории, чем топонимы на т. Примеры: Сабай күңе (на территории среднего течения р. Сакмары) вм. Сабай түңе; Ку-

роташ³⁴ (в Челябинском Зауралье) в м. *Тураташ*; *Келэу шишмәһе* (северо-восточная зона) в м. *Телэу шишмәһе*; *Эсәк күңе* (юго-восточная зона) в м. *Эсәк түңе*; *Тилмәк аймағы* (вариант *Килмәк аймағы*, северо-восточная зона) в м. *Килмәк аймағы*; *Кәмбәләкле йылғаһы* (ср. апеллятив *томба*) 'кочка'; *Күбәләк ырыуы* (ср. *Түбәләс ырыуы*, восточная зона); *Мәләт күле* (вариант *Мәләк күле*, демская зона); *Тизәк күле* (вариант *Кизәк күле*, северо-восточная зона); *Тәүәшле* (ср. *Керәшле*, юго-восточная зона); *Тарағайлыкул* (северо-восточная зона), в м. *Карағайлыкул*; *Корогол култа* (центральная зона) в м. *Корогол култа*; *Терпеле* (западная зона) в м. *Керпеле*; *Тумбағыш* (ср. апеллятив *кәмба*); *Теләүле* (западная зона, ср. *Келәүле*); *Теләнсе* (западная зона, ср. антропоним *Келәнсе*) и др.

Соответствие к~г. Система согласных звуков тюркских языков характеризуется наличием соответствия по глухости и звонкости. По степени представленности того или иного звука тюркские языки и диалекты условно делятся на 2 типа: огузский (азербайджанский, туркменский, гагаузский, южно-крымский диалект крымско-татарского языка и огузское наречие узбекского языка) и кыпчакский (казахский, каракалпакский, киргизский, ногайский и кыпчакское наречие узбекского языка и др.)³⁵. В башкирском языке и его говорах находят своего употребления слова как огузского (т. е. со звуком *г*), так и кыпчакского (т. е. со звуком *к*) типов. Слова огузского типа преимущественное распространение получили в гайнинском, демском, среднем, айском, аргаяшском, сальютском, кыпчакского типа — в иксакмарском, кызылском и миасском говорах башкирского языка. Слова первого типа образуют три небольших островных ареала на крайнем северо-западе, северо-востоке и в бассейне р. Демы в центре. Лексемы с глухим *к* образуют сплошной ареал, занимая весь юг, юго-запад, юго-восток и восток Башкирии. Граница между *к*- и *г*-ареалами проходит косой линией от юго-запада до северо-востока. Северную часть от этой границы занимают слова со звонким *г*, южную часть — с глухим *к*. Примерно такое же распространение звуков *к* и *г* характерно каракалпакскому языку, в северном диалекте которого выступает вариант со звонким *г*, в южном — с глухим *к*³⁶. Следует обратить внимание еще на то, что огузский тип слов имеет широкое распространение. В частности, он отмечается в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках. Ср. монг. *гунан* 'жеребец трех лет'; *гэм* 'недостаток' (башк. *кәмселек*), тунгусо-маньчжурское *гапи* 'кора' (башк. *кабык*).

В топонимии Башкирии представлены названия обоих типов. Топонимический ареал в своих основных чертах повторяет лексический. Но в ряде мест топонимический ареал выходит за пределы апеллятивного ареала. Например, *к*-ареал в топонимии охватывает Аскинский, Гафурийский, Дюртюлинский и Татышлинский районы, т. е. территорию распространения демского, среднего говоров южного диалекта, караидельского и таньпского

говоров западного диалекта, для которых в целом характерен кыпчакский тип. Примеры: огузский тип — *Гаямитдин тауы* (северо-западная зона) *вм. Кыямитдин тауы, Дүртгел тау* (центральная зона) *вм. Дүрткел тау*; кыпчакский тип — *Көлбазир койоһо* (центральная зона) *вм. Гөлбазир койоһо; Көлвикә күле* *вм. Гөлбикә күле; Көлйемеш сукыһы* *вм. Гөлйемеш сукыһы; Көлтөй туғайы* *вм. Гөлъямал туғайы; Көрөлдәк йылғаһы; Көрөлдәүек* (юго-восточная зона) *вм. Гөрөлдәүек; Керән йылғаһы* (юго-западная зона) *вм. Грань йылғаһы; Кәлей йылғаһы* *вм. Фәли йылғаһы; Кәлейғарт йәйләүе* (юго-восточная зона) *вм. Фәли карт йәйләүе; Кәли туғайы* *вм. Фәли туғайы; Кәлитүбә* (северная зона) *вм. Фәлитүбә; Кәле йырыны* (демская зона) *вм. Фәле йырыны.*

Соответствие т~д. По характеру оппозиции соответствие *т~д* аналогично предыдущей паре гласных, т. е. соответствию *к~г*, ибо оппозиция возникла на основе противопоставленности по звонкости и глухости. Территория распространения *т~д* и *к~г* в основном совпадает. Глухой звук *т* преимущественное распространение получил в южной половине Башкирии, звонкий звук *д* — на северной. Основной ареал звука *т* — ик-сакмарский, кызылский, средний говоры башкирского языка. Звук *д* выступает в айском, аргаяшском, гайнинском, демском, карайдельском и миасском говорах. Имеется зона вибрации, где наблюдается параллельное употребление слов как с глухим *т*, так и со звонким *д*. Она охватывает почти всю южную половину Башкирии, т. е. территорию функционирования глухого звука *т*.

По единодушному мнению ученых, глухой звук *т* был характерен более раннему периоду алтайских языков. Впоследствии в ряде случаев звук *т* перешел в звонкий *д*. Таким образом выясняется, что более древнее состояние башкирского языка, характеризующееся употреблением глухого звука *т* во всех позициях слова, сохранено в лексике ик-сакмарского, кызылского, среднего говоров башкирского языка. В то же время варианты слов со звонким *д*, локализуясь в основном на северной половине Башкирии, отмечаются и на юге, образуя там вибрационную зону. Это, по нашему мнению, свидетельствует о том, что переход *т~д* охватил зону употребления исконного *т*.

Топонимические данные полностью подтверждают высказанное положение. Все зоны представлены топонимами со звуком *д*, преобладающее большинство которых зарегистрировано на северной половине Башкирии. Примеры: демская зона — *Дәүәрәккүл, Деүәрәктал, Дирәноя, Дирәнкул, Дирәнуй, Дирәнуйа, Дирәнсокор, Дүгәрәккүл, Дүгәрәккыуак, Дүгәрәктал, Дүмәләс, Дүңгәк, Дүңгәклекул*; северная зона — *Чад, Иске Яндыз, Яңы Яндыз*; северо-западная зона — *Дүңгәклеһаз*; северо-восточная зона — *Дегәнәк төбәге, Дугайкүл, Дугай талы, Дүгәрәкъялан, Дүңгәкһез, Дәрәнгүл*; центральная зона — *Дүмгәкле ялан, Танып доһаһы*; южная зона — *Дөңгәүер* (вариант *Дүңгәүер*) *Дөрөмбәт сокоро, Дүңгәккүл, Дүңәрәккүл*; юго-восточная зона — *Дарыулы*

(вариант Тарыулы) йылғаһы, Дарыузы ташы, Дәрәнҗисеу, Дәрәнуй, Дәрәнүзәк.

Соответствие $h \sim c$. Данное соответствие является частью многочисленного соответствия $c \sim \zeta \sim h$, функционирующего в говорах башкирского языка. Основанием для отдельного рассмотрения соответствия $h \sim c$ является переход в ряде лексем исконного c непосредственно в звук h . Вопреки установившейся точке зрения о том, что звук h в башкирском языке образовался только путем перехода общетюркского c через промежуточную ступень ζ в звук h ³⁷, мы полагаем, что исконный звук c не всегда проходил полный цикл развития, и в ряде говоров и в определенном кругу слов он прямо перешел в звук h . В противном случае в ик-сакмарском говоре должен был бы функционировать звук ζ на месте общетюркского c . Материалы диалектологического атласа башкирского языка также свидетельствуют в пользу выдвинутого нами положения³⁸.

Анализ распределения лексем со звуком h в говорах башкирского языка показывает, что апеллятивы со звуком h имеют широкий ареал распространения, ибо они зафиксированы в айском, аргаяшском, демском, ик-сакмарском, кызылском, миасском, сальютском и среднем говорах. Интенсивность функционирования звука h в говорах не одинакова. Более плотный слой лексем с h приходится на территорию бытования ик-сакмарского, кызылского, миасского и среднего говоров³⁹.

В топонимии Башкирии довольно четко отражены регионы функционирования звука h , соответствующего исконному c . Ареал топонимов со звуком h в своих основных чертах совпадает с апеллятивным. Примечательным является то, что и в плотности топонимический ареал аналогичен лексическому, ибо большинство топонимов на h обнаруживается в восточном, северо-восточном, юго-восточном и южном зонах. Примеры: юго-восточная зона — Бүреләһ, Иһкезыярат һыуы, Иһәмбикә, Иһәмбәт ауылы, Йәнһәйет акланы, Көсак баһауы, Кыһык, Талкаһ, Төйәләһ, Уһакты, Һутник һазы, Һәллимәйорт, Яубаһар; северо-восточная зона — Миәһыу, Оһкондокул, Тумарзыһаһ, Урыһ Караболағы, Һабыр батқан игене, Һилейә, Һатый шишмәһе, Һиләмбер тауы, Һубыл (вариант Субыл), Һултан үзәге; южная зона: Иһәмбәт карт үзәге, Кармаһан тауы, Һапар йылғаһы, Һәйет юлы, Һәбилә тауы, Һырлыбай тауы, Һәмән кисеуе и др.

Соответствие $ш \sim c$. Пратюркский звук $ш$ во всех позициях слова в тюркских языках переходит в c . В башкирском языке переход $ш$ в c наблюдается в аргаяшском говоре восточного диалекта⁴⁰. Спорадическое употребление звука c вместо $ш$ встречается в миасском, сальютском говорах. В ик-сакмарском говоре параллельно функционирует звук c наряду с исконным $ш$ ⁴¹. В демском говоре переход $ш > c$ развился дальше, где вместо ожидаемого c выступает звук ζ ⁴². В гайнинском говоре также отмечается звук c вместо $ш$, в частности в слове *сойок* 'жидкий' вм. *шыйык*.

Таким образом, говоры башкирского языка в использовании звуков *ш* и *с* не дают четкого ареала. Но преимущественное употребление звука *с* вместо исконного *ш* фиксируется в восточном диалекте и гайнинском говоре западного диалекта башкирского языка.

Соответствие *ш*~*с* отражено в географических названиях. Например, в названиях типа *Йыяньшура* (*Йейэнсура*), *Куштугай* (*Кустугай*), *Машак* (*Масак*), *Монаш* (*Монас*), *Ушмашты* (*Усмашты*), *Шаткын* (*Саткын*), *Шимэ* (*Симэ*) и т. п. сохранен исконный звук *ш*, а в их фонетических вариантах выступает звук *с*. Конечно, не во всех словах и образованных с их помощью топонимах переход происходил в направлении *ш*>*с*. В ряде случаев исконным является звук *с*. Но существующее соответствие *ш*~*с* охватывает слова с исконным звуком *с* и по аналогии в них возникает реконструируемый пратюркский *ш*. По нашему мнению, такое преобразование происходило в гайнинском говоре в употреблении формы *Шэмши* вм. исконного *Шэмси*.

Таким образом, можно считать установленным, что фонетические особенности башкирских диалектов устойчиво переносятся и в сферу географических названий. Сравнительный анализ апеллятивных и топонимических ареалов показывает, что, как правило, границы их не совпадают, ибо географические названия с рефлексамми того или иного диалекта или говора башкирского языка обнаруживаются за пределами их современного функционирования.

¹ Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. I. Фонетика. М.: Наука, 1984. С. 182—185; 310—322.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Рясянен М. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1955. С. 22.

⁵ Максютова Н. Х. Восточный диалект башкирского языка в сравнительно-историческом освещении. М.: Наука, 1976. С. 33.

⁶ Там же. С. 96.

⁷ Миржанова С. Ф. Южный диалект башкирского языка. М.: Наука, 1979. С. 107, 185.

⁸ Максютова Н. Х. Указ. соч. С. 34, 96, 224.

⁹ Миржанова С. Ф. Указ. соч. С. 40, 107, 184, 185.

¹⁰ Рясянен М. Указ. соч. С. 24—25; Баскаков Н. А. Введение в изучение тюркских языков. М.: Наука, 1962. С. 41; Федотов М. Р. Чувашский язык в семье алтайских языков. Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1980. С. 138—156.

¹¹ Федотов М. Р. Указ. соч. С. 138—156.

¹² Чулгаев Я. О связях туркменского и древнетюркского языков с венгерским. Ашхабад: Ылым, 1985. С. 45; Федотов М. Р. Указ. соч. С. 138—156.

¹³ Камалов А. А. Некоторые вопросы изучения топонимии Башкирии// Ономастика Поволжья: Материалы III конференции по ономастике Поволжья. Уфа: БФАН СССР, 1973. Вып. 3. С. 206.

¹⁴ Максютова Н. Х. Указ. соч. С. 182.

¹⁵ Беккер Э. Г. Селькупская топонимия Томской области// Топонимика Востока: Новые исследования. М.: Наука, 1964. С. 127.

¹⁶ Абдрахманов М. А., Чистяков Э. Ф. Территориальные различия в фонетике и лексике шорского языка: По материалам полевых записей// Ма-

териалы к предстоящей научной конференции Новокузнецкого педагогического ин-та (Посвящается 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции). Сер. лингв. Новокузнецк, 1967. С. 31.

¹⁷ Миржанова С. Ф. Указ. соч. С. 190.

¹⁸ Там же. С. 45.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 188.

²¹ Там же. С. 44.

²² История стран Азии и Африки в средние века. М.: Наука, 1970. С. 444.

²³ Гукасян В. А. Значение диалектных данных в изучении истории языка//Вопросы диалектологии тюркских языков. Уфа: БФАН СССР, 1985. С. 58.

²⁴ Ряснян М. Указ. соч. С. 132, 202.

²⁵ Аристов Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности//Живая старина. СПб., 1896. Вып. 3 и 4. С. 346.

²⁶ Комаров Ф. К. Словарь русской транскрипции терминов и слов, встречающихся в географических названиях Якутской АССР. М.: ЦНИИГАиК, 1964.

²⁷ Койчубаев Э. К. Краткий толковый словарь топонимов Казахстана. Алма-Ата: Наука КазССР, 1974. С. 208.

²⁸ Аманжолов С. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Алма-Ата: Казучпедгиз, 1959. Ч. 1. С. 244.

²⁹ См. выше: *кере 'стог'*.

³⁰ Потова Е. И. Основные типы Коми-Зырянской топонимики//Вопросы топонимастики. Свердловск: УрГУ, 1962. С. 20.

³¹ Беккер Э. Г. Указ. соч. С. 127.

³² Максютова Н. Х. Указ. соч. С. 102, 183.

³³ Туркин А. Структурно-словообразовательный анализ коми топонимов//Советское финно-угроведение. 1980. № 4. С. 277.

³⁴ Шувалов Е. А. От Берлина до Парижа по карте Челябинской области: Топонимический словарь. Челябинск: Южно-Уральск. кн. изд-во, 1982. С. 101.

³⁵ Дмитриев Н. К. Грамматика кумыкского языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. С. 14.

³⁶ Насыров Д. С. Общая характеристика диалектных систем каракалпакского языка и опыт их классификации//Советская тюркология. 1974. № 4. С. 15.

³⁷ Киекбаев Дж. Г. О звуках *ç*, *з*, *h* и их развитии в башкирском, туркменском и якутском языках//Уч. зап. Башгосуниверситета. Сер. филол. Уфа, 1958. Вып. 5. № 5. С. 3—15; Ишбердин Э. Ф. О некоторых звуковых соответствиях в башкирских говорах//Вопросы диалектологии тюркских языков. Уфа: БФАН СССР, 1985. С. 147.

³⁸ Надергулов У. А. Ареальное распространение анлаутных *с*, *ç*, *h* по данным диалектологического атласа башкирского языка//Проблемы диалектологии и лингвгеографии тюркских языков. Уфа: БФАН СССР, 1986. С. 113.

³⁹ Словарь башкирских говоров: Восточный диалект: В 2-х т. Уфа: БФАН СССР, 1967. Т. 1; 1970. Т. 2.

⁴⁰ Максютова Н. Х. Указ. соч. С. 99—100.

⁴¹ Миржанова С. Ф. Указ. соч. С. 45—46.

⁴² Там же.

чески употребляется и при обозначении детей. Например: *Бутаканым кайткан ғуй* 'Ведь ребенок мой приехал'.

Рассматриваемое слово представлено также в языке башкир Оренбургской области, расселенных в основном в низовьях реки Сакмары. Например:

Бутаканы үлгән буз дейәләй,

Бузрап йөрөп көндө кис итәм.

'Провожу дни в горести и печали,

Как серый верблюд, лишившийся верблюжонка'.

Изел — азил (ДТС, 60) 'сущность, причина'. Например: *Изеле нимәлә һуң ул аның?* 'В чем же его причина?'

В настоящее время данное слово в башкирском литературном языке и в большинстве территориальных говоров не представлено. Вместе с тем в говоре башкир, расселенных в бассейне реки Инзер, выявлено слово *изем* с аналогичным же значением. Это же слово в форме *исем* функционирует в языке ток-соранских башкир Оренбургской области. Например: *Аңа исем генә буһын* 'Ему лишь была бы причина'.

Нам кажется, что данные слова по образованию восходят к древнетюркскому «*изел*».

Йаңшаҡ — йаңшаҡ (ДТС, 235) 'болтун, болтливый'. Например: *Бигерәк йаңшаҡ та ул, сама белмәй* 'Он слишком болтливый, не знает меры'. В настоящее время данное слово в литературном языке не представлено, оно выявлено в разговорной речи башкир, проживающих в бассейнах рек Демы, Инзера, а также в верховьях Агидели. Кроме того, слово *йаңшаҡ* обнаружено в говоре ток-соранских башкир Оренбургской области.

Йорт — йурт (ДТС, 282) 'дом, владение, местожительство, земля, страна'. Данное слово широко представлено как в литературном языке, так и в других территориальных говорах башкирского языка. Однако слово *йорт* в языке иргизо-камеликских башкир в основном употребляется в значении 'местожительство, родина'. Например: *Ситтә күп йөрөп, иллесе йылларза ғына йортка кайттым* 'Очень долго был на чужбине, вернулся на родину лишь в 50-е годы'. В этой зоне понятие «дом» преимущественно передается лексемой *өй*.

Киен — кин (ДТС, 307) 'затем, после'. В говоре данный послелог употребляется весьма активно, в литературном языке и в других территориальных говорах рассматриваемое понятие передается послелогом «*һуң*».

Калау — кала (ДТС, 410) 'класть, сложить, складывать'. Например: *Утын калау* 'сложить, складывать дрова'. В настоящее время данное слово в других зонах распространения башкирского языка не выявлено.

В устно-разговорной речи населения, особенно у ее пожилого поколения, иногда встречается слово *калга* 'крепость, застава'. Нам кажется, что между древнетюркским словом *кала* и башкирским *калга* имеется определенная семантическая общность. Известно, что наиболее характерными деталями крепостей и застав

являются стены, сложенные из бревен, камней или кирпичей. Объединяющими эти слова являются понятия 'сложить, складывать, класть', и по происхождению они восходят к единой древнетюркской основе.

Кап — *кап* (ДТС, 420) 'мешок'. Данное слово в своем древнем значении в говоре иргизо-камеликских башкир употребляется весьма активно. Например: *Каптың ауызы буштыр тип, корт урлама, киленсәк* 'Не кради, сноха, курут, хотя мешок и не завязан'.

В литературном языке и других говорах понятие «мешок» передается в основном словом *тоқ*. В настоящее время термин *кап*, представленный в других языковых зонах, является многозначным: 'куль', 'чехол', 'короб', 'мешок из дратвы', 'мешок из лыка'. Все эти понятия возникли в результате семантического развития первоначального значения древнетюркского *кап*.

Карый — *кари* (ДТС, 426) 'старый'. В настоящее время, кроме рассматриваемой зоны, в различных фоновариантах с аналогичной же семантикой наблюдается в демском, ик-сакмарском говорах южного и в айском говоре восточного диалектов башкирского языка.

Кроме того, в небольших языковых зонах пожилых людей, знающих наизусть коран, называют «карый». Например: *Ауылга карый килгән* 'Приехал в деревню карый'. Образование данного понятия обусловлено семантическим развитием значения древнетюркского слова *кари* 'старый'.

Корт — *курт* (ДТС, 469) 'волк'. В настоящее время данное слово в литературном языке и в других говорах не представлено. Оно сохранилось лишь в составе собирательного слова *кош-корт* 'живность, хищные звери и птицы'. Отдельные исследователи полагают, что в этнониме «башкорт» второй компонент «корт» восходит к древнетюркскому *курт* 'волк'.

В говоре иргизо-камеликских башкир рассматриваемое слово до сих пор не вышло из употребления. Например: *Беззәң йакта борон корт күп буган* 'В прошлом в наших краях волков было множество'.

Кускар — *кошкар* (ДТС, 451) 'баран'. В основном наблюдается в образцах устного народного творчества. Например: *Ак кускарҙин корбан салыр инем, үз илемә кайтып әйләнгәнәм* 'Если бы вернулся на родину, принес бы в жертвоприношение белого барана'.

Это слово с аналогичной семантикой зафиксировано также в разговорной речи башкир, проживающих в бассейне реки Инзер.

В литературном языке функционирует слово *кускар* со значением 'улитка'. Образование данного понятия, на наш взгляд, связано с семантическим переосмыслением, т. е. уподоблением улитки рогу барана. Это подтверждается и другими языковыми фактами. Например, башкиры, расселенные в верховьях реки

Агидели, улитку называют *кускар мөгөз* досл. 'бараний рог'. В говоре иргизо-камеликских башкир, во избежание омонимичности слов улитку называют «һыйырсай».

Талу — *талу* (ДТС, 529) 'отборный, избранный, особенный'. Например: *Кешеләрҙе лә талулап кына сакыра ул* 'Он и гостей приглашает только избранных'. Данное слово в других языковых зонах не обнаружено.

В башкирском литературном языке и в других говорах функционирует слово *талым*, а в сакмарском подговоре — *талгау* 'разборчивость в пище'. Нам кажется, по происхождению все эти слова восходят к древнетюркскому «талу», ибо общей семантической основой этих слов является понятие «разборчивость, отборность».

Төш — *туш* (ДТС, 590) 'противолежащий, напротив, наоборот'. Наример: *Ул бабай безең төштәге өйҙә тора* 'Тот дедушка живет в доме напротив нас'.

Данное слово в форме «тош» представлено в северо-западной зоне башкирского языка. Функционирование этого слова в данной зоне в определенной степени обусловлено влиянием на них контактирующего татарского языка. Известно, что в татарском языке древнетюркское слово «туш» сохранило свое первоначальное значение.

Тәғәм — *тегим* (ДТС, 547) 'кусочек, часть'. Например: *Кисәнән бирле тәғәм ризык капканым йүк* 'Со вчерашнего дня не ел ни кусочка пищи'.

В настоящее время данное слово с аналогичным значением представлено в языке башкир Оренбургской области и бассейна р. Демы БАССР.

В разговорной речи населения, проживающего в бассейне р. Караидели и в низовьях Агидели, слово *тәғәм//тағам* употребляется в значении 'пищи'. Например: *Тағам ал* 'бери пищу'. Образование данного понятия, на наш взгляд, связано с семантическим развитием первоначального значения древнетюркского слова *тегим*.

Шур — *шор* (ДТС, 524) 'солёный'. Например: *Сәҙе буйында шур күлләре бар* 'В долине реки Чиж имеются соляные озера'. Данное слово в литературном языке употребляется в значении «минеральная вода», «минеральный источник». Оно представлено в разговорной речи ток-соранских башкир Оренбургской области. В их языке активно употребляется выражение *сурлыға сор икмәк*, где словосочетание *сор икмәк* означает понятие 'солёный хлеб', а слово *сур* — 'чирей'.

Происхождение слова *сор* данного говора непосредственно связано с древнетюркским *шор* 'солёный'.

Кроме того, в исследуемом говоре имеются отдельные диалектизмы, претерпевшие по сравнению с древнетюркским языком значительные фонетические изменения.

Так, например, в языке иргизо-камеликских башкир функционирует слово *суза* 'длинная шерсть на шее и на коленях вер-

блюда'. Данное слово по происхождению восходит к древнетюркскому *йогду* (ДТС, 270) с аналогичным же значением. Здесь на основе закономерностей исторического развития фонетической системы башкирского языка произошли переход $y > c$ и стяжение $F > y$.

Значительную часть диалектизмов региона составляют слова, претерпевшие некоторые семантические изменения по сравнению с древнетюркским языком. Семантические сдвиги данной группы слов не были одинаковыми. В отдельных случаях произошло сужение их первоначального значения, а в других — семантическое переосмысление.

Образование данного типа диалектизмов в некоторой степени связано с многотипностью этнического состава иргизо-камеликских башкир. Известно, что этническое смешение населения приводит к семантическому развитию отдельных групп слов.

Аркау — в говоре 'матица, поперечная балка', в древнетюркском языке *аркав* (ДТС, 54) 'уток, поперечные нити ткани'. Например: *Изэн аркауы серегэн, алыштырырға гэрэк* 'Матица пола сгнила, надо заменить'. Данное слово в башкирском литературном языке и в других территориальных говорах употребляется в своем древнем значении.

Бирем 'взятка' — *берим* (ДТС, 96) 'обложение, платеж, долг'. В литературном языке данное слово обозначает понятие «задание». В разговорном языке юго-восточных башкир слово *бирем* употребляется в значении 'платеж, плата'. Из других говоров рассматриваемое слово со значением «взятка» sporadически встречается в языке ток-соранских башкир Оренбургской области. Например: *Судтан бирем биреп котолот калды* 'Спасся от суда отдав взятку'.

Бөгэт 'запруда, водоем' — *бөк* (ДТС, 117) 'перекрывать, запруживать'. Понятие 'запруда, водоем' в других зонах башкирского языка передается словом *быуа*. Образование данного слова, на наш взгляд, обусловлено семантическим развитием древнетюркского *бөк* 'перекрывать, запруживать'. Эти слова объединяются между собой на основе общности их функций (перекрывать, запруживать).

Бэркэ 'плотное, пленочное мясо' — *берк* (ДТС, 96) 'крепкий, прочный'. Например: *Бэркэ ит озак бешэ* 'Пленочное мясо варится долго'.

Известно, что пленочное мясо является наиболее плотным и жестким, видимо, это явилось определяющим при образовании слова *бэркэ*.

Данное слово выявлено в языке ток-соранских башкир Оренбургской области в значении «перикард» (мед.), отличительной чертой которого является «прочность». Например: *Йөрэк бэркәһе йарылған* 'Лопнул перикард'.

По образованию все эти слова восходят к древнетюркскому *берк* 'крепкий, прочный'.

Гелук 'одногорбый верблюд' — *көлүк* (ДТС, 314) 'вьючное

животное'. Известно, что для упряжки в основном использовались населением данные породы верблюдов. В отличие от других видов одногорбые верблюды более выносливы, а их горб состоит в основном из хряща, что делает их удобными для упряжки.

Возможно, данное их качество способствовало семантическому развитию древнетюркского *көлүк* в слово *гелүк* с обозначением конкретного вида верблюда.

Зэррә 'маленький, малюсенький' — *зәр* (ДТС, 639) 'золото и серебро'. Данное слово в говоре употребляется в основном в речи людей среднего и пожилого возрастов. Например: *Хәзер бороңголай зэррә өйләр йүк* 'Сейчас нет маленьких домов, как в прошлом'.

В настоящее время в других зонах распространения башкирского языка рассматриваемое слово не выявлено. Нам кажется, что в прошлом ареал распространения этого слова был несколько шире. Подтверждением этого является употребление слова *зәр* в поэзии башкирского поэта XIX в. Шамсетдина Заки. Например:

Кәдер зәр зәргәр
Кәдер жауһәр жоуһәре
Кәзерле алтын оҫта алтынсыға
Кәзерле алмас — асыл таштар белгесенә³.

'Золото дорого золотых дел мастеру,

Алмаз дорог тому, кто знает толк в драгоценных камнях.

Образование слова *зэррә* связано с перенесением значения древнетюркского *зәр*, где общим семантическим полем этих слов является понятие 'маленький'.

Йапрай 'широкий, обширный' — *йап* (ДТС, 235) 'очень гладкий, ровный'. В настоящее время данное слово в башкирском литературном языке не представлено. В среднем и ик-сакмарском говорах южного диалекта выявлены слова *йапрый*, *йапрайыу*, которые обозначают понятие 'топорщиться, растопыриться (чаще об ушах)'. Нам кажется, что все эти слова входят в одно семантическое поле и они восходят по происхождению к древнетюркскому *йап* 'очень гладкий, ровный'.

Кузә 'пицца, приготовленная из толченой пшеницы или ячменя' — *көзә* (ДТС, 321) 'помешивать'.

Кроме рассматриваемой зоны, в различных фонетических вариантах (*кузә*, *күжә*, *күзә*) данное слово в настоящее время представлено в языке башкир Оренбургской области. На первый взгляд, генетическое единство этих слов является не совсем близким. Однако основным условием при варке пицци из толченой пшеницы или ячменя является постоянное помешивание. Видимо, это действие постепенно превратилось в понятие самой пицци.

По наблюдениям С. Н. Шитовой и Р. Г. Гадельгареевой, в прошлом ареал распространения данной пицци среди башкир был весьма широким. Особенно она была распространена среди юж-

ных и юго-восточных башкир⁴. В настоящее время куээ является распространенной пищей тюркских народов Средней Азии и Сибири.

Кәүем 'группа людей, объединенных по родству' — каум (ДТС, 437) 'народ, люди'. Например: Экирләр кәүеме борон-борондан кыйыу зат булган 'Родовое подразделение Акиров издревле было боевым'.

Данное понятие в других зонах распространения башкирского языка передается словами аймак, ара, йорт, зат, кан, тармак, төп, түбә, туп, ос, сук, нәсел, ырыу, урам.

Слово кәүем, представленное в говоре иргизо-камеликских башкир, дополняет синонимический ряд этих слов, и его образование обусловлено семантическим развитием древнетюркского каум 'народ, люди'.

В прошлом рассматриваемое слово было представлено и в других зонах распространения башкирского языка. Например, оно активно употреблялось в поэзии башкирского поэта-просветителя конца XIX в. Мифтахитдина Акмуллы.

Хазина таптым тип, кәүемде исқә алмаһағыз,

Карындаш менән кәүемгә ят булырһың⁵.

'Сокровище найдя, коль забудешь о родных и близких, И кровной родне станешь ты чужим'.

Менәз 'нрав, характер людей и животных' — меңиз (ДТС, 342) 'облик, внешний вид человека; наружность, внешность'. Например: Йакшы менәзле ине безең ул килен 'У той снохи был хороший характер'.

В настоящее время данное слово в литературном языке не представлено, оно выявлено в говоре башкир, расселенных в бассейне р. Большой Кизил; употребляется в значении 'жеманиться, ломаться'. Эта лексема связана с древнетюркским словом меңиз.

Нәгез 'настоящий' — нағиз (ДТС, 355) 'ценный, дорогой, благородный, достойный'. Например: Без нәгез башкортлар 'Мы настоящие башкиры'. В других говорах данное слово не отмечено. Лексема нәгез, представленная в литературном языке, имеет значение 'самый, именно'.

Сакак 'бугор затылочной кости' — сакак (ДТС, 486) 'подбородок'. Данное слово, кроме рассматриваемой языковой зоны, выявлено в разговорной речи ток-соранских башкир Оренбургской области.

В литературном языке и в других регионах распространения башкирского языка это понятие передается словами соңка, соңкә. При сравнительном изучении данных слов с древнетюркским сакак обнаруживается их семантическая связь.

На наш взгляд, лексемы сакак, соңка, соңкә из одного семантического поля и восходят к древнетюркскому слову сакак 'подбородок'.

Сүрәк 'одна долька (часть) хлеба, испеченного семейкой' — чөрәк (ДТС, 155) 'чурек, лепешка'. В настоящее время рассмат-

риваемое слово в аналогичном значении представлено в говоре башкир Оренбургской области.

Текемләу 'подробно, досконально' — *теким* (ДТС, 550) 'много, множество'. Например: *һүҙҙе текемләп һөйләргә йарата ул* 'Он любит рассказывать подробно, досконально'. В литературном языке слово *текемләу* не употребляется, оно выявлено в разговорной речи башкир бассейна р. Сакмары со значением 'ворчать' и в форме *текмеләу* со значением 'интересоваться деталями, подробностями' — в сравнительно небольшой языковой зоне, в бассейне реки Зилима. Все эти слова по происхождению восходят к древнетюркскому *теким*.

Төрлөк 'одеяло, сшитое из разноцветных лоскутов' — *тюрлюг* (ДТС, 533) 'разный, различный'. Как в рассматриваемом говоре, так и в других языковых зонах понятие «разный, различный» передается словом *төрлө*, которое образовалось в результате фонетического развития древнетюркского *тюрлюг*.

Ылак 'ягненок, козленок' — *элик* (ДТС, 162) 'самка дикой козы'. Слово *ылак* в аналогичном же значении в настоящее время употребляется в разговорной речи башкир, расселенных в низовьях р. Сакмары Оренбургской области. По-видимому, лексема *илек* 'косуля', функционирующая в других говорах и в литературном языке, восходит по происхождению к древнетюркскому *элик*, которая образовалась в результате развития семантики этого слова.

Энтэк 'слабый, хилый' — *ендик* (ДТС, 174) 'глупый, дурной'. Слово *энтэк*, кроме иргизо-камеликского говора, употребляется в языке башкир Оренбургской области. Однако в данной зоне значение рассматриваемого слова несколько расширилось. Оно употребляется здесь как по отношению к человеку, так и к животным. Например: *Энтэк малай* 'хилый, слабый мальчик'; *Энтэк ат* 'слабая лошадь'.

В языке иргизо-камеликских башкир обнаруживаются древнетюркские слова, функционирующие лишь в составе устойчивых словосочетаний.

Так, древнетюркское слово *азар* (ДТС, 72) 'печаль, обида, неприятность' встречается лишь в выражении: *Баланың азары булһа ла бизәре булмаһын* 'Пусть дети вызовут печаль, обиду, чем отвращение'.

Слово *айак* (ДТС, 27) в своем древнем значении 'чаша, чашка' представлено в словосочетании: *Хуш айағы хужаға* 'Последняя чашка хозяину'. Из других языковых зон данное слово в своем древнем значении употребляется в миасском и ик-сакмарском говорах. В говоре для обозначения понятия «чашка» употребляются слова *сеүәтә*, *туҫтак*.

Слово *эски* (ДТС, 162) 'коза' свое первоначальное значение сохранило в говоре лишь в составе термина *эсек тун* 'шуба из козьей шкуры'.

В иргизо-камеликском говоре домиков-мазанок называют *саман өй*. В настоящее время данное выражение функционирует

в основном у башкир, расселенных в степной ток-соранской зоне Оренбургской области. Нам кажется, что происхождение этого словосочетания связано с древнетюркским *саман* (ДТС, 483) 'солома'.

Известно, что издревле в степных зонах проживания башкирского населения солома являлась одним из основных строительных материалов. Пожилые информаторы этих зон все еще помнят дома и дворовые постройки, сделанные из соломенной плетенки и обмазанные с обеих сторон глиной. Крыши таких домиков и построек тоже покрывались соломой и замазывались глиной.

Все эти факты в определенной степени указывают на семантическую связь выражения *саман өй* с древнетюркским *саман* 'солома'. Анализ диалектизмов говора показывает на наличие в нем значительного количества общих с древнетюркским языком слов. Эти материалы послужат в определенной степени источником при изучении вопросов исторической лексикологии башкирского языка и этапов ее дальнейшего развития.

---

¹ Древнетюркский словарь. Л., 1969.

² Юлтый Д. Избранные произведения. Уфа, 1957. Т. 1. С. 152.

³ Система жанров в башкирской литературе. Уфа, 1980. С. 44.

⁴ Шитова С. Н., Гадельгареева Р. Г. Злаки в повседневной, праздничной и обрядовой пище башкир в конце XIX — начале XX в. // Хозяйство и культура башкир в XIX — начале XX в. М.: Наука, 1979. С. 81—83.

⁵ Акмулла (стихотворения). Уфа, 1986. С. 121.

ОБ АРЕАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ НЕКОТОРЫХ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ДИАЛЕКТИЗМОВ

Настоящая статья, написанная на основе материалов говора среднеуральских башкир, посвящена описанию функционирования некоторых семантических диалектизмов в говорах и литературном языке. Несмотря на то, что они в определенной степени освещены в исследованиях по башкирской диалектологии¹, вызывают интерес в плане ареального распространения. Поэтому, исходя из картографированных данных раздела «Программа диалектологического атласа башкирского языка»², будет обращено внимание и на эту сторону вопроса.

В языке населения на территории проживания среднеуральских башкир выделяются северная и южная лингвистические зоны. Северная зона находит некоторую общность с татарским литературным языком и его отдельными говорами. Исходя из функциональных особенностей, лексико-семантические диалектизмы говора мы сочли целесообразным разделить на следующие две группы: 1. Собственные семантические диалектизмы говора; 2. Диалектизмы, отражающие общность говора с другими башкирскими и некоторыми татарскими говорами. При сравнении семантических диалектизмов говора с башкирским литературным языком и другими говорами выявляются слова-омонимы, различающиеся по значению. Ниже мы приводим слова, которые встречаются в составе первой группы.

1. Собственные семантические диалектизмы говора: *бүкә* (юж. зона) 'горбун', башк. лит. *бүкә* 'недоросток', *бүкә* (айск. дем., сред.)³ 'коротыш', *бүкә* (демск. сред.) 'зоб' (у птиц); *айыры*: *сәнәк айыры* (сев. з.) 'развилина в вилах; *айыры*: *сәсбау айыры* (сев. з.) 'ветви косоцветки женщины', *айыры* (караид., танып.) 'перекресток дорог'; *ак соқа* (юж. з.) 'белая мягкая кость позвоночника', *ак соға* (арг.) 'спинной мозг'; *артмак* (юж. з.) 'платок с деньгами, завязанный узлом в сумку со свадебными гостинцами', *артмак* (баш. лит., кыз.) 'переметная сумка у седла', *артмак*

(дем.) 'жерди, придавливающие соломенные крыши'; *бакайапрак* (сев. з.) 'лилия водяная', *бака йапрагы* (дем. сред.), *бака йафрагы* (дем.) 'подорожник'; *бипей* (сев. з.) 'бутон борщовника', *бипей* (айск., караидельск., сред.) 'цыпленок', *бипей* (айск.) 'гусенок'; *дэгэнэжйемеш* (сев. з.) 'боярышник', *дэгэнэжйемеш* (гайн.), *дэгэнэж йемеше* (арг., сальют., миас.) 'шиповник'; *дугай* (сев. з.) 'водоворот', *дугай* (сев.-вост.): 1. 'извилина, лука', 2. 'кустарник по берегам рек'; *дэуэней* (сев. з.) 'форма обращения детей к старшим сестрам родителей', *дэуэней* (сев. з.) 'бабушка по отцу', *дэуэтэй* (сев. з.) 'форма обращения детей к старшим братьям родителей', *дэуэтэй* (танып.) — башк. лит. *олатай* 'дедушка'; *иснэтеу* (юж. з.) — башк. лит. *искэртеу* 'предупреждать, предупредить', башк. лит. *иснэтеу* 'зеваться, зевота'; *йыуаса* (юж. з.) 'баурсак (мелкие шарики из теста, замешенного на яйцах, сваренные в масле)', *йыуаса* (кыз., дем., сред., ик-сак.) — башк. лит. 'гостинец', *йыуаса* (айск.) 'мучное национальное блюдо из пресного теста, замешенного на яйцах и масле'; *йэшен* 'зарница' — башк. лит. *йэшен* 'молния'; *керсек* (юж. з.) — башк. лит. *ылыс* 'хвоя', *керсек* (арг.) 'шишка', *керсек* (сред.) 'сыпь коры дерева'; *күмэс*, *күмэч* 'гостинец' — башк. лит. *күмэс* 'пресный хлеб из высокосортной белой муки', *күмэс* (дем., сред.) 'хлеб, выпеченный в золе', *күмэс* (сред.) 'маленькие буханки', *күмэс* (дем.) 'лепешка из хлебного теста', *күмэс* (арг., сальют.) 'лапша квадратной формы, пресный крендель'; *калтырса* (юж. з.) 'вспыльчивый, несдержанный человек' — лит. *калтырса* 'скальница, сучило', *калтырса* (кыз.) 'вид утки'; *картинэй* (сев. з.) 'бабушка по матери', *картинэй* (дем., танып.) 'бабушка по отцу'; *козок* (сев. з.) 'прорубь' — лит. 'колодец'; *койо* (в говоре) 'прорубь', *койо* (в говоре, сред., дем., ик-сак.) — *козок* 'колодец', *койо* (кубалак.) 'родник', *койо* (сред.) 'трясина', *койо* (сред. ик-сак.) 'грязь на улице'; *кыпаннау* (сев. з.) 'становиться, стать трудолюбивым, энергичным', лит. *кыпанлау* 'кокетничать, вертеться', *кыпандау* (вост. д.) 'вилять хвостом, хитрить', *кыпандау* (айск.) 'кокетничать'; *кыр шебеше* (юж. з.) 'тетерев', *кыр шебеше* (сев. з.) 'куропатка'; *мышый* (юж. з.) 'лось', *мышый* (сев.-вост., дем.), *бышый* (караид.) 'олень'; *сэтләүек*, *сәттәүек*, *чәтләүек* (в говоре) 'баурсак' лит. *сәтләүек* 'орех', *сәттәүек* (кубалак.) 'подсолнечник'; *тэгэс* (сев. з.) 'пиала', *тэгэс* (арг.) 'чашка (большая, общая для подачи супа, мяса)', *тэгэс* (айск.) 'чашка (чайная)' *тэгэс* (сред.): 1. *тәпән* 'посуда под мед'; 2. *иген һауыты* 'ларь', *тэгэс* (дем.) 'деревянная чашка средней величины', *тэгэс* (ик-сак.) 'большой лубочный короб для хранения хлеба'; *черкэй*, *черки* (сев. з.) 'мошка', *серкэй* (дем., караид.), лит. *серэкэй* 'комар'; *шөкмит*, *шукмит* (сев. з.) 'колючка шиповника', *шөкмит* (сев. з.) 'плод репейника', *шөкмит* (гайн.) 'репейник'; *шәңкә* (юж. з.) 'слабый, мягкий человек', *шәңкә* (айск., караид.) 'творожные ватрушки'.

2. Диалектизмы, отражающие общность говора с другими башкирскими и некоторыми татарскими говорами: *брон* (сев. з.), *борын* (караид., танып.), *борын* (кузнецкий говор тат. языка)⁴, мо-

рон (дем., сред.) 'нос'; *бүкән* (сев. з.), *бүкән* (айск., кыз.) 'стул', *бүкән* (сев. з.), *бүкән* (гайн., дем., сред., ик-сак.), *бүкән* (бирский, мензелинский, параньгинский говоры тат. языка) 'табуретка'; *гәрәбә* (в говоре), *гәрәбә* (дем., караид., танып.), *кәрәбә* (ик-сак., гайн.), *кәрәбә* (лямбирский, хвалынский, чистопольский говоры тат. языка) 'крупные бусы'; *дәгәнәк* (юж. з.), *дәгәнәк* (арг., сальют, миас.) 'куст шиповника'; *дәгәнәкйемеш* (сев. з.), *дәгәнәкйемеш* (гайн.), *дәгәнәк йемеше* (арг., сальют., миас.) 'шиповник'; *дүңгәк* (в говоре), *дүңгәк* (кыз., кубалаяк.), *түңгәк* (сред., ик-сак.) 'пень'; *дәүәтәй* (сев. з.), *дәүәтәй* (танып.) 'дедушка'; *көйөшөү* (юж. з.), *көйөү* (танып.) 'сердиться', ср. *көйөү* (арг., кыз., кубалаяк., сред.) 'ругаться'; *көшөл сыскан* (юж. з.), *көшөл тыскан*, *көшөл тычкан* (сев. з.), *көшөл* (сред.) 'крот'; *куржын* (сев. з.), *куржын* (караид., миас.) 'накипь на посуде'; *сук* (юж. з.), *сук* (айск.), *чук* (сев. з.) 'завязка, тесемка (у воротника, рубахи)'; *сымылдык* (сев. з.), *сымылдык* (ик-сак.), *сымылтык* (сред., караид.), ср. *чымылдык* (байкибашевский говор тат. языка) 'полог'; *сәпсек* (сев. з.), *сәпсек* (кыз., сред., ик-сак.), *сәпсек* (танып.) 'трясогузка'; *сәпсек* (юж. з.), *сәпсек* (айск., сред., ик-сак.) 'воробей', *терке* (в говоре), *терке* (айск., караид., танып.) 'молодые заросли сосны и ели'; *төймә* (юж. з.), *төймә* (кыз.), *түмә* (кузнецкий, чистопольский говоры тат. языка) 'пуговица (мелкая)'; *тустак* (юж. з.), *тустак* (сев. з.), *тустак* (сред.) 'деревянная чашка средней величины', *тустак* (сев. з.), *тустак* (дем., сред., караид.) 'чашка (чайная)'; *урам* (в говоре), *урам* (сев.-вост., сред.), *урам эсе* (миас., кыз.) 'двор'; *шеш* (в говоре), *шеш* (айск., миас.) 'стожар (три-четыре шеста, поставленные конусом)'; *шеш* (юж. з.), *шеш* (кыз., кубалаяк.) 'намордник'; *әтей* (в говоре), *әтей* (айск.), *әти* (тат. лит.) 'отец', *әтей* (в говоре), *әтей* (караид., сред.) 'свекор'.

Как видно из рассматриваемых лексико-семантических диалектизмов, язык среднеуральских башкир в большинстве случаев проявляет общность с говорами восточного, средним и ик-сак-марским говорами южного диалектов, в составе западного диалекта с караидельским и таныпским говорами башкирского языка, в некоторых случаях — с отдельными говорами татарского языка.

Более четкую картину распространения лексико-семантических диалектизмов в башкирских говорах можно представить на основе материалов диалектологического атласа башкирского языка. Нами составлены семь лингвистических карт и изучена локализация многозначных слов *аш*, *каралды*, *сыганак*, *киндер* и *азау* (результаты даются ниже).

Из «Диалектологического атласа башкирского языка» взяты следующие значения слова *аш*: 1) *мәжлес*, *һый* 'меджлис, угощение'; 2) *үсеп ултырган ашлык* 'хлеб на корню'; 3) *һуғылған ашлык* 'обмолоченное зерно'; 4) *эрен* 'гной'.

Примечательно то, что в целом каждое значение имеет свой самостоятельный ареал. Одни значения образуют большие, другие — узкие ареалы. Например, слово *аш* в значении *мәжлес*, *һый*

'меджлис, угощение', кроме Саратовской и Куйбышевской областей, распространено на всей территории башкирских говоров.

Значения *үсеп ултырган ашлык* 'хлеб на корню' и *һуғылған ашлык* 'обмолоченное зерно' имеют четко очерченный ареал в пределах Челябинской, Курганской областей и отчасти Белорецкого, Учалинского районов Башкирской АССР, что соответствует территории распространения аргаяшского, миасского и сальютского говоров восточного диалекта. В говорах южного диалекта эти значения не отмечаются.

Значение *эрен 'гной'* характерно для ряда опорных пунктов южной, восточной и центральной Башкирии, т. е. для кызылского говора восточного и ик-сакмарского, отчасти среднего говоров южного диалекта. Рефлексы рассматриваемого значения прослеживаются в миасском говоре внутри Башкирии и демском, аргаяшском говорах.

Картографированы следующие значения слова *каралды*: 1) *йорт королмаһы* 'надворные постройки'; 2) *кейем-һалым* 'одежда', 3) *урын эйбере* 'постельные принадлежности'.

Первое значение *йорт королмаһы* 'надворные постройки', как и значение *мәжлес, һый* 'меджлис, угощение', в основном объединяет все говоры восточного, западного и южного диалектов. А в ик-сакмарском говоре, т. е. в южной, юго-восточной Башкирии и Оренбургской области, оно встречается реже. В этих зонах наблюдается активное употребление значений *кейем-һалым* 'одежда' и *урын эйбере* 'постельные принадлежности'. Здесь в целом, включая и территории Куйбышевской, Саратовской областей, происходило смешение всех трех значений слова *каралды*.

Небольшие территории занимают значения слова *сығанак*: 1) *шишмә башы* 'исток родника'; 2) *сығым килгән урын* 'источник дохода'; 3) *терһәк* 'локоть'. Компактный ареал образует значение *терһәк* 'локоть' в пределах северо-востока, востока Башкирии и Челябинской, Курганской областей, относящихся айскому, миасскому, аргаяшскому говорам восточного диалекта. Рефлексы данной изоглоссы отмечаются в кызылском говоре восточного же диалекта.

Разреженными зонами реализовано значение *шишмә башы* 'исток родника' в северо-западных, ик-сакмарском (южн. д.) и кызылском (вост. д.) говорах. Рефлексы зафиксированы в демском, среднем (южн. д.), айском, миасском (Учалинский район БАССР) говорах (вост. д.) и в говоре среднеуральских башкир.

Значение *сығым килгән урын* 'источник дохода' в основном характерно для говоров южного и западного диалектов. Рефлексы отмечены лишь в миасском говоре на востоке Башкирии. Данное значение по плотности распространения намного уступает предыдущим двум значениям.

Своеобразную картину распространения имеют значения слова *киндер*: 1) *йетен* 'лен': *йетендән әзерләнгән тукыма* 'холст'; 3) *йеп* 'суровая нитка'; 4) *тарма* 'конопля'.

Значения *йетендэн эзерлэнелгэн тукыма* и *йеп* объединяют говоры всех трех диалектов. Второе значение более плотно локализовано в южной и юго-восточной Башкирии, в остальных частях образует разреженные зоны, а в Куйбышевской и Саратовской областях отсутствует вовсе.

Значение *тарма* 'конопля' главным образом функционирует в южном диалекте и в некоторой части северо-западных говоров. Граница его ареала проходит по линии средний бассейн Буя — верхний бассейн Агидели.

Также в основном южный диалект и северо-западные говоры находят общность реализацией значения *йетен* 'лен'. Рефлексы данного значения отражаются в кызылском, айском и миасском говорах восточного диалекта на территории Башкирии.

Зональные особенности по функционированию имеют следующие значения слова *азау*: 1) *озақ өйләнмәгән ир* 'старый холостяк'; *озақ кейәүгә сыкмай ултырган кыз* 'старая дева'; 3) *азау (йыллаган) бесән* 'годовалое сено'; 4) *азау (йыллаган) май* 'годовалое топленое масло'.

Центром иррадиации значения *озақ өйләнмәгән ир* являются айский, миасский (Учалинский район БАССР) говоры восточного, караидельский говор западного, демский говор южного диалектов. В остальных говорах или территориях оно встречается как спорадическое явление или полностью отсутствует.

Значение *озақ кейәүгә сыкмай ултырган кыз* занимает часть территории значения *озақ өйләнмәгән ир* в пределах айского, миасского и караидельского говоров.

Главным образом в говорах восточного диалекта локализовано значение *азау бесән*, отчасти в среднем говоре южного и караидельском говоре западного диалектов. Его рефлексы фиксируются в говоре среднеуральских башкир, ик-сакмарском и демском говорах. А в западной, южной Башкирии (отчасти), Пермской, Оренбургской, Куйбышевской и Саратовской областях рассматриваемое значение отсутствует.

Значение сочетания *азау май* размещено внутри территории распространения *азау бесән*. Но первое значение не отмечено в караидельском, среднем говорах и в говоре среднеуральских башкир.

Мы рассматривали лишь ареалы самостоятельного употребления тех или иных значений многозначных слов. Совместное употребление двух или трех значений дает несколько иную картину, т. е. ареалы их функционирования намного суживаются.

Таким образом, лингвогеографическое изучение взятых нами многозначных слов показывает, что по локализации многие из них объединяют все три (восточный, южный и западный) диалекта башкирского языка. Различие наблюдается в том, что в северо-западной, особенно в западной Башкирии некоторые лексико-семантические диалектизмы размещены менее плотно. Естественно, говоры имеют и собственные диалектизмы. Например, слово *сыганақ* в значении *терһәк* 'локоть' функционирует

только в говорах восточного диалекта, а слово *каралды* в значениях *кейем-һалым* 'одежда' и *урын айбере* 'постельные принадлежности' употребляется лишь в ик-сакмарском говоре южного диалекта башкирского языка.

¹ Баишев Т. Г. Башкирские диалекты в их отношении к литературному языку, М., 1955; *Башкирская лексика: Тематический сборник*. Уфа, 1966; *Вопросы башкирской филологии*. М., 1959; *Башкирский диалектологический сборник*. Уфа, 1959; *Башкирская диалектология: Говоры юго-востока Башкирии*. Уфа, 1963; *Максютова Н. Х.* Восточный диалект башкирского языка в сравнительно-историческом освещении. М., 1976; *Ишбулатов Н. Х.* Башкорт диалектологияһы: Башкорт дәүләт университеты һәм педагогия институттары өсөн. Өфө, 1979; *Он же.* Башкорт диалектологияһы: Укыу әсбабы. Өфө, 1980; *Миржанова С. Ф.* Южный диалект башкирского языка. М., 1979; *Вопросы башкирского языкознания*. Уфа, 1972; *Вопросы башкирского языкознания*. Уфа, 1973; *Ишбердин Э. Ф.* Историческое развитие лексики башкирского языка. М., 1986.

² *Программа по сбору материалов для диалектологического атласа башкирского языка* (Сост. Н. Х. Максютлова). Уфа, 1973.

³ Лексические материалы по башкирским говорам почерпнуты из «Словарей башкирских говоров»: Т. 1: Восточный диалект/Под ред. Н. Х. Максютловой, Н. Х. Ишбулатова. Уфа, 1967; Т. 2: Южный диалект/Под ред. Н. Х. Максютловой. Уфа, 1970.

⁴ Лексические материалы по татарским говорам взяты из «Диалектологического словаря татарского языка»/Под ред. Л. Т. Махмутовой. Казань, 1969.

АРЕАЛ И СТРУКТУРА НАЗВАНИЙ ПИЩИ В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ

В результате монографического и лингвогеографического изучения башкирских говоров в диалектологическом фонде отдела диалектологии и топонимики Института истории, языка и литературы Башкирского научного центра УрО АН СССР накоплен богатый материал по названиям пищи¹. Большую часть его составляют названия мясных и молочных продуктов, ранее исследованных автором статьи². В этой статье освещаются названия пищи растительного происхождения в связи с их географическим распространением, широко представлены также названия, обозначающие мучные изделия.

Такие общие понятия, как *он* 'мука', *камыр* 'тесто', распространяются повсеместно, а номинативные варианты выделяются при обозначении готовых продуктов и блюд.

Икмэк 'хлеб' с фонетическими вариантами *ипмэк*, *итмэк* в восточном, северо-западном диалектах, в говоре оренбургских башкир передает понятие и о злаковом и готовом продукте (*Икмэк булды ул йылдарза* 'Хлеб был в те годы'). Но для передачи понятия испеченного хлеба чаще употребляется *эпэй*, *эпэк*, *эпэкэй*, *ипи*, *ипекэй* (*Эпэй кишеп куй өстэлгэ* 'Нарежь и поставь хлеб на стол'. *Эпэкэйзе төшөрмэ, улым, изэнгэ* 'Не роняй, сынок, хлеб на пол').

Названия хлеба зависят от величины, качества, способа выпечки. Маленькая буханка хлеба в восточных районах республики имеет название *тыпыс*, а в центральных районах *йоморокай* (букв. 'круглый'). *Күмэс* на востоке и юге Башкирии означает булку из пресного теста, а в северо-западном регионе, а также у оренбургских башкир — обычный хлеб из кислого теста. В древности у башкир хлеб пекли в золе, от чего он и получил название *көлгүмэс* (букв. 'зола-булка'), *ут күмэс* (букв. 'огонь-булка'), *көлсэ*, *көлэсэ*. Впоследствии этот термин означал также хлебное изделие, испеченное на сковороде.

Сурәк — вид хлеба, испеченного семейкой в сковороде. *Сурәк* распространяется в сакмарском и ток-соранском бассейнах и выражает одну дольку семейки. Словосочетание *сурәкләп бешереу* значит 'печь чуреками'. *Сурәк* имеется и в других тюркских языках: в тюркском *чурек* — лепешка из муки лучшего сорта, смазанная после выпечки яйцом или маслом, туркменском *чөрөк* — хлеб, сдобная или пресная лепешка (*петир чөрөк* 'чурек из пресного теста', *хамыр чөрөк* 'чурек из кислого теста', *яғлы чөрөк* 'чурек слоеный из кислого теста'), в казахском языке *шурек* — вид баурсака, кара-калпакском — лепешка, в азербайджанском *цөрәк*//*чөрәк* — хлеб.

Калас — в сакмарском бассейне означает большую плетеную булку, а в восточных районах — хлеб высшего сорта.

Катлама в демском бассейне — пресная булка из сдобного теста. А на территориях айского, миасского бассейнов *каттама* — пресная булка из несдобного теста. В этом же регионе его синонимы *сөсөгүмәс*, *сөсикмәк*, в кызылском бассейне — *куликмәк*, *кулгикмәк*.

Өшә в ик-сакмарском бассейне употребляется тоже в значении булки из пресного теста. Имеются и варианты, образованные с аффиксами *-кәй* (*өшәкәй*), *-ләк* (*өшәләк*).

Кырынды — хлеб, испеченный из остатков в квашне теста. Слово образовано от *кыр* 'скрести' и аффиксов *-н-ды*.

Много вариантов имеет неудачно испеченный хлеб. Например, в Кунашакском районе Челябинской области *йым икмәк* — плохо испеченный, сырой хлеб, в ик-сакмарском бассейне его синоним *бысый*, *бысма*, *балсымак*, *пылсымак*, *пысым*, в восточном регионе — *ләс*, *ләскей*, *кайрак*, у башкир бассейна р. Кызыл — *һыуаған*, *беләү*, у миасских башкир — *шимбай*, *шеле*, *быс*, *быскый*, *бысым*. В ик-сакмарском регионе словосочетание *һыуы каралаған* означает 'перекисший хлеб'. Например: *Икмәктең һыуы караламаны микән* 'Не перекис ли тесто для хлеба' (Кугарчинский р-н, дер. Юлдыбаево). На территории айского, миасского говоров синонимичные варианты этих слов — *сәңгел асыған*, *кәрһәк*, *кәрһегән*, *кәрһегән*, а в ик-сакмарском, кызылском — *артаған*, *артау*, у сальютских башкир — *коржоу*.

Баш, *этәй башы* — закваска для хлеба, изготовленная из хмеля. Этот термин в восточной Башкирии имеет также варианты *кур*, *сүпрә*, *мил*, в ик-сакмарском регионе — *апра*, у гайнинских башкир — *кыуырлык*.

Лепешки — самые распространенные хлебные изделия у башкир. По способам выпечки, по свойствам теста лепешки также имеют много различных названий.

Төрткө, *төртлә* в сакмарском и ток-соранском бассейнах — лепешка, испеченная в котле. Ее пекут из пресного теста, делая на сырой лепешке мелкие ямочки пальцами, от этого и корень слова *төрт* 'ткнуть'. В этом же регионе бытует его синоним *йапма*.

Катырма, катырмак — лепешка, испеченная на сковороде без масла, распространена в южной Башкирии.

Катлама — лепешка, испеченная в печи, сложа одну на другую, чаще встречается у иргизо-камеликских и северо-западных башкир. Слово образовано от корня *катла* 'слоить, настлоить' и аффикса *-ма*.

Тоззокас — лепешка, сваренная в жирном бульоне. Ареал распространения этого слова — бассейн р. Миасс.

Кэйикмэк — лепешки из хлебного теста; пышки. Этот термин характерен для башкир караидельского бассейна. В среднеуральском регионе, в восточных районах Башкирии отмечены варианты *тэбикмэк, табикмэк* (от *таба* 'сковорода' и *икмэк* 'хлеб'), *лэпэшкэ//липүшкэ* в бассейне р. Кызыл.

Сөсө йэймэ, төсө йэймэ, сөсө жэймэ (южный и восточный диал.) — пресные лепешки, испеченные на сковороде. В сакмарском подговоре их синоним *кэкүркэ, кэкүрткэ*, демском бассейне — *кырккатмар*. В данном регионе он означает еще и ритуальную еду (на поминках в сороковой день после похорон пекут сорок лепешек для угощения).

Тэбейэ на территории ик-сакмарского говора — лепешка или булка из просяной муки (лит. — омлет), у среднеуральских башкир *йока* (букв. 'тонкий').

Сэллэк — тонкие лепешки из пресного теста. Это слово характерно для сакмарского подговора.

Различные виды блинов составляют значительную часть мучных блюд к чаю. В восточной и южной Башкирии и в Оренбуржье все виды блинов имеют общее название *коймак*. В зависимости от теста различаются *асы коймак, сөсө коймак*. В северо-западном регионе, караидельском районе БАССР *табикмэк, белен* — тонкие большие блины из жидкого дрожжевого теста, а *коймак* — блинчики.

Һырлама, сырлама — мелкие блины. Этот термин распространяется в Куйбышевской и Саратовской областях (ср.: в каз. *шырлама* — блинчики).

В башкирском языке много названий мучных блюд, испеченных с начинкой из творога, мяса, различных ягод и сладостей.

Бэрэмес — творожные или картофельные ватрушки. Слово распространено на юге Башкирии. А на восточной части региона — *шэңкэ, шэңке*, в северо-западных районах — *катлама*, у пермских башкир — *төплөкэй*.

Табашэңкэ, таба шэңкэһе в бассейне р. Ай — тонкие шаньги из сдобного пресного теста обычно с творожной начинкой (*таба* 'сковорода' и *шэңке* 'шаньги').

Таймакшэңкэ — шаньги со сметаной и сахаром, распространено в регионе айских башкир. Образовано также из двух слов *каймак* 'сметана' и *шэңкэ* 'шаньги'.

Төплөкэй — вид шанег, выпекаемых из сдобного пресного теста из нескольких слоев лепешек, начиненные домашним

творогом, замешанным с яйцом. Этот термин характерен для языка башкир караидельского бассейна. Он образован путем присоединения двух аффиксов *-лө* и *-кэй* к корню *төп* 'дно'.

В башкирских говорах многие термины рассматриваемого разряда представлены с корнем *-бөр, бөк-* 'завернуть, заворачивать'. Данное слово в таком же значении употребляется и в других тюркских языках: в ног. *боьрек, бүрәк* 'пирог', в турец. *вочек* 'слоеный пирог с мясом, с творогом', к.-калп. *бөрөк* 'мясной пирог', туркм. *бөрөк* 'пельмени'. Видимо, и русским языком пирог заимствован из тюркских.

Ләүәш, ләүәшләмә с фонетическими вариантами *йеүешләмә, кәүешләмә, теүешләмә* 'пирог' — активное название, распространенное в южных районах Башкирии (ик-сакмарский говор). *Балан ләүәше* 'пирог с калиной', *алма ләүәше* 'пирог с яблоками' и т. д.

Кышләүәш — букв. *кыш* 'зима' и *ләүәш* 'пирог'. Такое название дано потому, что для начинки *кышләүәш* употребляется красный творог, заготавливаемый на зиму. Он считается зимой лакомой пищей.

Бөккән, бөкә на восточном ареале означает небольшой пирог. Они образованы с корнем *бөк-* и с аффиксами *-кән, -ә*. В ик-сакмарском регионе есть слово *бөкә* — булочка из теста на яйцах и сметане. *Бөккән* имеет много лексических вариантов: *төрмә* в северо-западном ареале, *тәкә* у айских башкир, *кәкере* в Пермской области, *күгел* в караидельском бассейне. Как видно из примеров, некоторые (*тәкә, кәкере*) из них названы по ассоциации с другими предметами, в частности с бараньими рогами или вообще с горбинкой.

Кыстыбый в ик-сакмарском регионе имеет значение 'пирожок', а в других говорах — кушанье, приготовленное из тонких лепешек с начинкой из пшенной каши. Термин образован от глагольного корня *кыç-* 'прижать, прижимать' и аффиксов *-ты* и *-бий*.

Бәләш в восточном регионе — большой пирог, испеченный в сковороде, а у южных башкир — пирог из калины. Пример из полевых записей: *Бәләште тик баландан ғына бешерәләр, арыш камырынан йүкә бәйләп, баштит һәр нәмәнән була инде* 'Только лишь пироги из калины называют *бәләш*, а *баштит* бывает с различными начинками' (Ишимбайский район, д. Сайраново). Как показывает пример, пироги с различными начинками в этом регионе получили название *баштит, настит*.

Сәмбүсә — большой пирог с мясом. Ареал его распространения — бассейн р. Демы. А в ик-сакмарском бассейне употребляется его метатизированный вариант *сәмүнсә* 'пирог с ливером'.

Асыгауыз (букв. 'открытый рот') в ик-сакмарском регионе — мелкие беляжи с картофельной и мясной начинкой. Это название дано также по ассоциации.

Следующую группу слов составляют названия сладких печений.

Бауырһак с фонетическими вариантами *бауырһак*, *бауырһак* распространяется на всю территорию бытования башкирского языка, имеет много различных синонимов: *йыуаса* (ср. гов. — Аургазинский р-н, д. Берикмяк, Турсагазы; Мелеузовский р-н, д. Аптраково), *токман* (Аргаяшский р-н Челябинской обл.), *сәтләүек* (у среднеуральских башкир), *сәйгүмәс* (Белокатайский р-н, д. Ст. Маскары), *өрөлдәй* (у башкир бассейна р. Кызыл), *ноком* (в южной Башкирии), *каттама* (Кунашакский р-н Челябинской обл.), *майаш* (Караидельский р-н БАССР) и др.

Сәк-сәк (в северо-западной зоне Башкирии — *чәк-чәк*), 'чак-чак' локализуется в ик-сакмарском, ток-соранском бассейнах. Это блюдо одно из разновидностей баурсака. Шарики из теста, замешенного на яйцах, разрезанные мельче, чем на баурсак, жарятся в комбинированном жире и скрепляются медом, придавая форму маленького стога. Некоторые украшают еще и разноцветными конфетами. *Сәк-сәк* как национальное кушанье в настоящее время получило широкое распространение, и готовят его в лучших ресторанах республики.

Кәлйемә — название разновидности баурсака: тесто, замешенное на яйцах, тонко раскатывают, разрезают узорными формами и варят в масле хорошего качества. Обычно для баурсака или хвороста в башкирской кухне применяется топленое масло, комбинированное с растительным, гусиным и коровьим жиром. У иргизо-камельских башкир *кәлйемә* имеет синонимы *һырлама*, *кыйыкса*, *коштел*, в бассейне р. Кызыл — *нитурин*.

Вышеописанные виды мучных продуктов относятся к разновидностям хлебных, булочных, сдобных изделий. Но мука и крупа являются основными компонентами мясных, молочных, рыбных блюд. Так, творожные изделия с мучными составляют несколько видов кушаний. Творожные вареники в башкирских говорах представлены очень разнообразными лексическими вариантами. Приводим их некоторые названия: *колак бәләш*, *бабайголак* (сакмарский бассейн), *казан кәкереһе*, *казан бөйөрөгө* (айский, миасский бассейны), *казанголак*, *сүсмәрә*, *шүшмәрә* (иргизо-камельский бассейн), *сүмса* (ток-соранский бассейн), *бөкөрөй*, *бүрәк* (сакмарский бассейн), *зрәмсек билмине*, *казан бөйөрөгө*, *казан кәкереһе* (айский, юрюзанский бассейны), *кыстыбый* (северо-западный ареал Башкирии). Многие из названий основаны на словосложении.

Ғалма 'лапша четырехугольная' является обязательным компонентом к мясному блюду *бишбармак*, диалектальные названия которой локализируются по регионам.

Кулҗалма — вид кушанья из лапши с мясом, сваренным большими кусками (в иргизо-камельском регионе). Лапша подается вместе с мясом без бульона. В бассейне р. Кызыл употребляется его синоним *казак һалмаһы*, *кулдама*, *кул һалмаһы*, *кулһалма*, *куллама*, в Кунашакском районе Челябинской области — *казан гүмәсе*, в нижнесакмарском регионе — *тәңкә тукмас*, в ток-соранском — *җалмалит*.

Но для более простых, сваренных на скорую руку супов, лапшу не делают, а круто замешенное тесто размельчают руками; в кызылском бассейне это называют *өзлэн һалма*, в миасском — *өзмә һалма*, различая их лишь по форме (*оҙонса һалма*, *йоморо һалма*, *сокор һалма* и т. д.).

Йайҙак һалма — суп с лапшой без мяса, распространено в регионе миасского бассейна (*йайҙак* букв. 'холостой' и *һалма* 'лапша').

Бумас — затируха (для супа, обычно для пустого или молочного). Образование от глагольного корня *-ыу* 'тереть' и афф. *-мас*.

Сумар 'клецки' также компонент некоторых супов. В айском говоре — *кашык сумары*.

Саламай — мучная каша, сваренная в сметане. Это блюдо имеет много других названий. В книге Н. Х. Максютовой «Восточный диалект башкирского языка (в сравнительно-историческом освещении)» приводятся наименования этого блюда лишь из аргаяшского говора — *саламай*, *саламат*, *сүкәмәй*, *ызмык*, *һәүәләй*, *әүмәлә*, *әжәмәт*, *бызымык*, *боламса*, *боламык*, *боламсык*, *ылыш*, *ызмык*, *мазума*, *хәләүә*³. Изобилие синонимов объясняется, видимо, широкой употребительностью данной пищи в указанном регионе. Название *саламай* зафиксировано на территории миасского бассейна и в сакмарском бассейне ик-сакмарского говора южного диалекта. Но в Оренбургской области фиксируется термин *сүк*. Эту пищу готовят из жаренного в котле пшена, толченного со сметаной и молоком (ср. в к.-калп. *сүк* 'пшено', 'жареное пшено', в говорах чуйской долины кирг. яз. — жареное пшено со сметаной и молоком). Такая пища распространена и в средней полосе Башкирии. В Архангельском районе она именуется *онтак*, в Кармаскалинском — *тары ашы*. В южной части Башкирии, в ик-сакмарском говоре — *йомарсак*, в кызылском говоре — *йомарсай*. Но более простой вид мучной каши *боламык* распространен во всех районах. Это слово образуется с корнем *-бола*, *была-* (ср. в древнетюркском *bula* 'парить, тушить'), но с различными аффиксами: *боламык*, *боламсай*, *быламык*, *быламсык*, *быламыс*. В гайнинском говоре *онботка*.

Шыкыран (кызыл.) — мучная каша, сваренная с осадком топленого масла. Иногда она же называется *турта*.

Матык — мучная каша с добавлением картофельного пюре. Это слово распространено в северо-западном регионе Башкирии.

Крупная каша в говорах имеет лишь фонетические варианты *бутка* (южный диалект) и *ботка* (восточный диалект). *Өйрә*, *өрә*, *үрә* 'похлебка' тоже отличается только фонетическими вариантами, т. е. анлаутному дифтонгу *өй* южного и северо-западного диалектов в восточном соответствует *ү* (*үрә*).

Күзә, *гүзә* — похлебка из нетолченой пшеницы или ячменя, локализуется у иргизо-камеликских башкир.

Талкан 'толокно' — одна из разновидностей мучной каши.

Талкан — пицца из прокаленной пшеницы или ячменя, имеет общее название во многих тюркских языках. Сведения об этом кушанье, соответственно и названии, находим мы и в этнографических трудах. В частности, С. Н. Шитова в статье «Сибирские таежные черты в материальной культуре и хозяйстве башкир» пишет: «В Челябинском Зауралье и в некоторых местах юго-восточной Башкирии было принято варить похлебку из целых ячменных зерен (*куза, кужэ*). Из прокаленного и размолотого ячменя готовили *толокно (талкан)*... Исследователи отмечают традиционность этих кушаний и для населения Южной Сибири: алтайцев, шорцев, хакасов, тувинцев. У народов Алтая и Саян они имели те же названия, что и у башкир: *талган, кэче* — у хакасов; *талкан, көже* — у тувинцев; *талкан, кочо* — у алтайцев; *талкан* — шорцев. О их древности в Южной Сибири говорит тот факт, что некоторые из них (*буза, талкан*) являлись ритуальными или жертвенными блюдами и выставлялись в дни молений в качестве пищи духам»⁴.

Наименования ритуальной пищи обозначены особыми терминами, основу которых составляют традиционные названия.

Повсеместно известен весенний праздник под названием *карга буткаһы*. Это название характерно для башкир миасского и кызылского бассейнов. Его праздновали ранней весной с появлением травы обычно на небольших горах. В этот день женщины варили кашу, угощали присутствующих и оставляли ее на камнях или деревьях для птиц, отчего и возникло название этой обрядовой пищи. У айлинцев этот праздник — *каргатуй*.

Весной башкиры употребляют в пищу много дикорастущих трав. Особенно ценится в народе борщевик. На северо-западном регионе, например, есть неделя под названием *көпшэ жийыны*, в течение которой готовят пищу лишь из борщевика. *Кесерткән өйрәһе* 'суп из крапивы' считается обязательным и в наше время.

Осенью уборка урожая также не проходила без ритуалов. Хороший урожай отмечался угощением под названием *эуен ботка* (восточная Башкирия).

А у южных башкир был обряд *курмас курыу* 'угощение жареной пшеницей'. Осенью в больших котлах жарили зерна пшеницы мягких сортов (из нового урожая) с маслом и угощали всех, особенно детей. Были свои мастера этого дела. Эта трапеза также превращалась в праздник. В дер. Зианчурино Кувандыкского района Оренбургской области есть даже лес, названный *курмас*, где проводилась эта трапеза.

Туй 'свадьба' — один из самых значительных обрядов любого народа. Свадьба у башкир проходит не везде одинаково, но для всех свадеб характерно обилие пищи, в основном из мясных блюд (гусятины, баранины, конины, говядины), а также различных сладких блюд к чаю. Каждая семья по возможности старается для свадьбы готовить самые изысканные и вкусные блюда из национальной и интернациональной кухни. Свадьба

обычно сопровождается ритуалами, которые требуют употребления особой пищи. Так, на северо-восточном регионе *канйагаш* — скот, предназначенный на убой и привезенный для угощения свадьбы у невесты.

Во многих районах известно ритуальное угощение перед проходами свадьбы, называемое «*тэртмэ буткаһы*» (варится обычно из пшена). В зоне караидельского говора ритуальная каша известна под названием *бүртмэс*: от корня *бүрт-* 'набухать' и аффикса *-мэс* (ее подают гостям в недоваренном виде).

Һыпы — чаепитие во время свадьбы также можно отнести к ритуальному. Эта же семантика отражена и в термине *һыпы туй* — свадьба, где отсутствуют алкогольные напитки. Есть словосочетание *һыпы булһу* в значении *ашка кунак булһу*.

Өмэ 'помощь' также нужно отнести к народному обряду. *Өмэ* тоже сопровождается обильным угощением. Для этого обряда нет особо предназначенной пищи, но угощение обязательно. Кроме общего угощения, каждый участник коллективной помощи получает хороший кусок мяса, который имеет несколько образных наименований. Так, в южном диалекте *байһөйэк* букв. 'богатая кость' (в смысле вкусная), *рэт һөйэге*, *өмэ һөйэге*, *өлөш йүрмэ*, в восточном *мөсэ* (кызыл. гов.), *карсага һөйэге* (арг. гов.) букв. 'орлиная кость' (синоним мосол).

Одаривание победителя большим, вкусным куском мяса имело место также при проведении национального праздника *бэйге* 'скачки', которые являлись составной частью праздника *һабантуй* 'сабантуй'. Для такого угощения обычно варилась баранина, и победителю предназначалось первое переднее ребро, имеющее название *һебэ*, *һебэ кабырға* с лексическими и фонетическими вариантами *һөбэ*, *бүкэ*, *кулан кабырға*, *карсага һөйэге*, *карсиға һөйэге* (вост. диал.), в говорах южного диалекта *сөбэ*, *сөбэ*, *дөбэ*, *зөбэ*, *зобан кабырға*, *бағана кабырға*.

Зимний убой скота у башкир также сопровождается ритуальным угощением под названием *лапамит* 'обилие мяса' (ик-сакм.). Это мероприятие тоже имеет форму коллективной помощи, т. е. при забое скота участвуют мужчины, а женщины помогают хозяевам обрабатывать внутренности. Вся эта работа делается с утра, а вечером помогающие семьи собираются на трапезу. Лапамит отличается тем, что хозяева стараются приготовить много мяса из разных частей туши. Например, из записей: «*Бөйөрөнән дә, арка сөйәгенән дә, карынынан да, бауырынан да — һәр берәсенән дә салағың, ыштубы ауыз итсән һәр берен* (Ырымбур өлкәһе, Юлдаш ауылы). Провожая помогающих, хозяева дарят по большому куску вареного мяса.

Такое же обильное угощение готовят хозяева и при *каз өмәһе* 'помощь при осеннем забое гусей'. В настоящее время *каз өмәһе* принял вид общенародного осеннего праздника с участием всей деревни.

Ритуальное угощение имеет место также в некоторых бытовых

мероприятиях. *Нигез буткаһы* — каша, сваренная при закладке первого ряда бревен дома.

Кырк йәймә или *кырката* — пышка, сваренная в масле. Это ритуальное угощение на поминках через сорок дней. Такой обычай и соответственно термин распространен в нижнем течении р. Сакмары.

Характерно, что традиционные, связанные с молениями, ритуальные блюда составляют в основном пицци из злаков, мучные изделия — каши, лепешки (*карга буткаһы*, *кыркйәймә* и т. д.). А в остальных обрядах нет ограничения в мясных блюдах.

В этом разряде слов, видимо, следует рассматривать и наименования, относящиеся к компонентам продуктов питания. Злаковые и мучные отходы в говорах также получили различные названия по регионам.

Иләмтек 'отруби' — у гайнинских башкир Пермской области, *көрпә атрут*, *сызыл* — в среднем говоре, *өйөрсөк* — в бассейне р. Миасс, *эрбаш* — в ай-юрюзанском бассейне.

Мәкинә 'мякина' распространено у иргизо-камеликских башкир, у средне-уральских башкир его синоним *борак*, в кызылском бассейне — *әүерәү*, *кый*, *йел азағы*; *мок*, *азаткы*, *озаткы* — у башкир ик-сакмарского бассейна, *кәвәк* — у айских башкир, *кәуен* — в Баймакском районе и т. д.

Йәрсә — рожь, посеянная весной, имеет ареал кызылского бассейна.

Башак 'колос' в говорах, в частности в северо-западном регионе Башкирии, имеет еще значение 'солома, замешанная с отрубями' (употребляется для кормления скота).

О СПОСОБАХ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ ТЕРМИНОВ ПИЦЦИ В ГОВОРАХ

Лексический пласт, относящийся к названиям продуктов питания, готовой пицци, образуется двумя способами: аффиксальным и словосложением. Как показывает языковой материал башкирских говоров, аффиксация является основным способом в образовании данной категории слов.

Башкирские говоры очень богаты аффиксами. Они разнообразны, синонимичны даже в одном значении. Это наблюдается прежде всего при субстантивации и адъективации. Ниже мы попытаемся сгруппировать лексемы, образованные эквивалентными аффиксами.

Афф. *-ма* в именном словообразовании башкирского языка считается малопродуктивным⁵. Диалектный материал показывает, что в образовании терминов пищевых продуктов и готовых блюд он выступает наиболее активно, присоединяется преимущественно к глагольным основам: *катырма* (арг., сальют.) 'хворост', 'мелкие шарики из сдобного теста, испеченные в печи' от *катыр-* 'твердеть'; *төрмә* (сев.-зап. гов.) 'пирог' от *төр-*

'укутывать, заворачивать'; *һөзмә* (юж. диал.), *сөзмә* (караид., гайн.) 'отжатое кислое молоко' от *һөз-*, *сөз-*, 'отжать'; *куллама* (средн.), *кулдама* (кызыл.) 'лапша четырехугольной формы, сваренная с мясом' от *кулда*—'держат руками' (раньше эту пищу ели руками); *йәймә* (юж. диал.), *жәймә* (вост. диал.) 'лепешки' от *жәй-*, *йәй-* 'стелить, раскатать'; *ләүешләмә*, *тәүешләмә* (караид.) 'пирог с ягодной начинкой'; *кәүешләмә* (гов. ср. уральск. башк.) 'беляш-треугольник с картофельной и мясной начинкой'; *һалма*, *һалма* 'крупная лапша или тесто, измельченное руками для супа' от *һал-* 'класть', *өзмә һалма* (гов. ср. уральск. башк.); *кәйемә* (сакм.) 'хворост' от *кәйе-* 'коробиться'; *төртмә* (сакм.) 'лепешка, испеченная в котле' от *төрт-* 'ткнуть'; *һапма* от *һап-* 'покрывать'; *күптермә*, *кабартма* (ср., ик-сакм.) 'лепешки из кислого теста' от *күптер-*, *кабарт-* 'подниматься, распушиться'; *һырлама*, *һырлама* (иргиз) 'блинчики'; *йүрмә*, *йүрма* (ик-сакм.) 'мясная пища из кишок, сплетенных с нутряным салом'; *каттама* (сальют.) 'баурсак', 'мелкие булочки из пресного теста' от *кат-* 'твердеть'.

Афф. -мак, -мәк: *икмәк* с фонетическими вариантами *итмәк*, *ипмәк* 'хлеб' от *иг-* 'сеять'; *коймак* 'оладьи' от *кой-* 'лить'; *катырмак* (миасс.) 'мелкие шарики из теста, испеченные в печи'; *койтмак*, *куйылтмак* (кызыл.), *койортмак* (миасс.) 'свежий курт, смешанный со свежим молоком' от *кой-* 'лить'; *куйыртмак* (иргиз) 'кислое молоко, разбавленное свежим'; *катырмак* (средн.) 'лепешки, испеченные без масла' от *кат-* 'твердеть'.

В говорах обнаруживается несколько непродуктивных аффиксов, присоединяемых к глагольным и именным частям речи. Мы приводим их, не квалифицируя по значениям.

Афф. -мас, -мәс: *кәтермәс*, *катырмас* (айск.) 'мелкие шарики из сдобного теста, испеченные в печи'; *курмас* 'жареное зерно'; *ыумас* 'затируха'; *тукмас* 'мелко нарезанная лапша'.

Афф. -к, -әк, -ак, -зак// -лак: *әтәк* 'хлеб'; *сүрәк* (ик-сакм.) 'хлеб, испеченный семейкой'; *курзак* (кызыл.) 'жареный ливер или мясо' от *кур-* 'жарить'; *бүрәк* (сакм.) 'творожные вареники'; *сәлпәк* (сакм.) 'лепешки'; *кәбәк* 'мякина'; *борак* (ср. уральск. башк.) 'мякина'; *онтәк* (средн.) 'жареное просо, толченое с сахаром и молоком' от *онта-* 'измельчать'.

Афф. -ка, -кә (варианты -ке, -ге, -йә): *кәкуркә*, *кәкүрткә* (сакм.) 'хлеб, испеченный семейкой', в бурзянском, нугушском подговорах южного диалекта 'сдобные лепешки'; *ботка*, *бутка* 'каша' от *бота-*, *бута-* 'мешать'; *тәлкә*, *тәлге*, *тәлйә* 'кашица из саранок', *өшәкә*, *өшәкәй* (кызыл.).

Афф. -са, -сә, -сә: *кәләсә*, *кәләсә* (юж. диал.) 'хлеб, испеченный в золе' от *кәл* 'зола'; *йәрсә* (кызыл.) 'яровая рожь', *кыйыкса* (иргиз.) 'хворост' от *кыйык* 'лоскут', видимо, по форме нарезанных частей теста; *йыуаса* (вост. диал.) 'мелкие шарики из сдобного теста, испеченные в печи'; *сәмбүсә*, *сәмбүлсә* (ик-сакм.), *сумса* (дем.) 'ливерный пирог'; *ауырса* (иргиз.) 'подсоленное кислое молоко. заготавливаемое на зиму'.

Афф. -эс, -эш: күмэс 'булка из пресного теста' от күм- 'закопать'.

Афф. -э, -иэ: тэвэ, тэбиэ (дем.) 'омлет'; бөкэ (сев.-зап. гов.) 'пирог' от бөк- 'гнуть'; йока (арг.) 'лепешки'; көрпэ (средн.) 'мякина'; күжэ, күзэ (кызыл.) 'похлебка из нетолченой пшеницы или ячменя'.

Афф. -кай, -кэй в данном разряде слов сохраняет свое значение ласкательности, уважения к пище и прибавляется к основному названию: эпэкэй, ипекэй 'хлебушко'; төплөкэй (гайн., караид.) 'большие творожные шаньги'; йоморокай (дем.) 'булочка' от йоморо 'круглый'; өшэкэй, өшэлэк (ик-сакм.) 'маленькая буханка хлеба' от өшэ 'хлеб'.

Афф. -эй, -эй, -и: эпэй, эпей, ипи (вост. диал., сев.-зап. гов.) от эп-, ип- (возможно, фонетический вариант ик- 'сеять').

Афф. -ык, -ек: матык (сев.-зап. гов.) 'мучная каша с картофельным пюре'.

Афф. -ым, -м: ноком (сакм.) 'разновидность баурсака'.

Афф. -ан: талкан 'каша из муки прожаренной пшеницы или пшена'; шыкыран (иргиз) 'мучная каша'.

Афф. -лык: ашлык 'зерно'; асылык (арг.) 'закваска для хлеба'; кыуырлык (гайн.) 'дрожжи', кур в других говорах 'закваска для кислушки'.

Афф. -ыт: кагыт (сев.-зап. гов.) 'домашняя пастила из фруктов'. Карагат кагыты 'смородиновая пастила', кура йелэк кагыты 'малиновая пастила'.

Афф. -ан: айран (айск.) 'айран (сыворожка, отделяющаяся при взбивании масла или кислое молоко, разведенное водою) 'от айыр- отделить'.

Афф. -мыс, -мес: бэрэмес (кызыл., ик-сакм.) 'шаньги'; боламыс (айск.) 'мучная каша'; турамыс 'кусочек разрезанного мяса'.

Афф. -кө, -кы: төрткө 'вид лепешки'; асыткы (айск.) 'закваска'; ойотко (айск.) 'закваска для катыка'.

Афф. -ар: сумар 'клецки'.

Афф. -сөк: өйөрсөк (миасс.) 'мякина'; эремсек 'домашний творог'; боламсык 'мучная каша' (арг.).

Афф. -мык: боламык 'мучная каша'; ызмык (арг.) 'мучная каша, сваренная в сметане'.

Афф. -ай, -эй: бөкөрэй (айск.) 'вид творожных вареников', саламай (арг.) 'мучная каша в сметане'.

Афф. -т, -ат, -эт: йент (сакм.) 'пицца, приготовленная из сушеного и толченого творога с маслом и сахаром'; бөйэт (сев.-зап. гов.) 'домашняя колбаса из конины'.

Афф. -кэн: бөккэн (айск.) 'небольшой пирог' от бөк- 'гнуть'. Бэрэңге бөккэне 'картофельный пирог', муйыл бөккэне 'пирожок из муки черемухи'.

Афф. -дэй: өрөлдэй (кызыл.) 'баурсак'.

Афф. -һақ, -һак, -һак: бауырһак (айск.), бауырһак (ик-сакм.), бауырһак 'баурсак'.

Афф. -гэй: эжегэй 'творог с клубникой'

Следующий способ словообразования — это аналитический способ. Для сложных слов этой тематики характерны сложные имена детерминативного типа. В наименованиях пищи прослеживается четыре типа словосочетаний.

1. Словосочетание, состоящее из слова-определения и определяемого, где оба компонента выступают в безаффиксальной форме. В таких сочетаниях определяемое слово сочетается с определяющим — прилагательным: *кызыл эремсек* 'красный творог', *җарыҗыу* (сакм.) 'сыворотка кислого молока, кипяченого до сгущения', *күхһыу* (сальют.) 'сыворотка', *сөсикмәк* (миасс.), *төсө күмәс* (сакм.), *кәйикмәк* (караид.) 'лепешка из кислого теста', *йайзак һалма* (миасс.) 'суп с лапшой без мяса', *һары май* (вост. диал.) 'топленое масло' (букв. 'желтое масло'), *азау май* (вост. диал., ик-сакм.) 'прошлогоднее масло', *ак май* (кызыл.) 'масло, взбитое с катыком' (букв. 'белое масло'), *йоморо һалма* (миасс.) 'лапша в форме шариков', *озонса һалма* 'лапша продолговатой формы', *әсе ғоймак* (кызыл.), *асы ғоймак* (айск.) 'оладьи из кислого теста', *тыһыр бутка* (сакм.) 'подгорелая каша', *уак шәкәр* (кызыл.) 'сахарный песок' досл. 'мелкий сахар', *карурә* (айск.) 'пohлебка без молока', *агон* (миасс.) 'сеянка', *сөсәҗатык* (миасс.) 'свежий катык', *байһөйәк* (юж. диал.) 'порция мяса участнику коллективной помощи'.

2. Словосочетания, возникшие из двух существительных без аффикса, где определяемое слово — название пищи, а определяющее — существительное, содержащее характеризующий смысл. Эта конструкция не обладает активностью: *сокор һалма* (айск.) досл. 'ямочка лапша' (первоначально должно быть в форме *сокорзә һалма*), *ноком икмәк* (сакм.) 'мелкие шарики из сдобного теста', *кәлгүмәс* (арг., сальют.) 'булка, испеченная в золе' (первоначально должно быть *кәлдә бешкән күмәс* или же *кәлдә гүмәс*), *кул һалма* (сакм.) 'лапша четырехугольная', *кәлит буза* (арг.) 'буза — напиток из всухую каленого ячменя', *казыял* (айск., кызыл.) 'домашняя колбаса из конины', *айранмай* (гайн.) *тосмай* (ток-соран.) 'сливочное масло'. С данной категорией образований внешне совпадают еще такие формы, при которых первый компонент составляет слово, вкратце напоминающее способ приготовления называемой пищи, а второй компонент является основным смысловым словом без аффикса: *табашәңкә* (айск.) 'тонкие шаньги с творожной или картофельной начинкой, испеченные на сковороде' (первоначально должно быть *табала бешерелгән шәңкә*), *табәпәй* (*таба* 'сковорода' — *әпәй* 'хлеб') у гайнинских башкир 'толстые лепешки из кислого теста, испеченные на сковороде', *табикмәк* (айск.) 'лепешки из теста, приготовленного для хлеба', *чөгән бәләш* (гайн.) 'пирог с мясом и картофелем', *онботка* (гайн.) 'мучная каша'. Эта безаффиксальная форма образования именных словосочетаний особенно характерна для гайнинского говора.

Но весьма распространенной формой в образовании данной группы лексем является второй тип изафета, в котором первый

компонент — слово-определитель, второй — определяемое слово с притяжательным аффиксом: *казак һалмаһы* (Асқар) 'лепешка', *кашык сумары* (айск.) 'клецки', *казан кәкереһе* (айск.), *казан бөйөрөгө* (миасс.) 'творожные вареники', *тары ашы* (средн.) 'кушанье из толченой просы со сметаной или молоком и сахаром', *кул һалмаһы* (кызыл.), *казан гүмәсе* (сальют.) 'четырёхугольная лапша', *сэй гүмәсе* (айск.) 'баурсак', *әпәй башы* (айск.) закваска для хлеба' (*Әпәй башы куйзым уртансак асытырға*). *Эремек һыуы* (айск.) 'сыворотка', *карга ашы* (ик-сакм.) 'клецки', *күзә өйрәһе* (ик-сакм.) 'похлебка из нетолченого ячменя' и др. По этому же типу образуются группы словосочетаний от основного названия с аффиксом и его определителем: *ит*: *һарык ите* 'баранина', *йылкы ите* 'конина', *һыйыр ите* 'говядина', *балык ите* 'рыба'; *ботка*: *картуф боткаһы* 'картофельное пюре', *тары боткаһы* 'пшеничная каша', *дөгө боткаһы* 'рисовая каша'; *как*: *бөлдөргән кағы* (кызыл.) 'домашняя пастила из костяники', *карагат кағы* 'пастила из смородины', *үәринйә* 'варенье': *алма үәринйәһе* (вост. диал.) 'яблочное варенье', *карагат үәринйәһе* 'смородиновое варенье'; *бәләш*: *ит бәләше* 'пирог с мясом', *эсбауыр бәләше* (айск.) 'пирог с ливером', *өйрә*, *үрә*, *өрә*: *һөт үрәһе* (айск.) 'суп молочный', *йарма үрәһе* 'крупяная похлебка'.

3. Сложные слова, состоящие из основного смыслового слова и слова-определителя, в роли которого выступает глагол в причастной форме: *каклаған ит* 'вяленое мясо', *һөрһөгән ит* (арг.) 'вяленое мясо', *өзлән һалма* (кызыл.), *өзмә һалма* 'лапша, раскрошенная руками' и т. д.

4. Сложные слова, образованные из сочетания существительного с числительным: *бишбармак* букв. 'пять пальцев', *өсмөгөш* (айск.) 'треугольный небольшой пирожок с мясной и картофельной начинкой', *кырккаттансык* (айск.) «книжка у коровы».

Таким образом, ареальное и структурное изучение терминов пищи выявляет их региональные особенности в семантическом и морфологическом отношении.

¹ Материалы для статей извлечены из картотечного диалектологического фонда отдела диалектологии и топонимики Института истории, языка и литературы БНЦ УрО АН СССР, двухтомного словаря башкирских говоров (Т. 1. Уфа, 1967/Под ред. Максютовой Н. Х., Ишбулатова Н. Х.; Т. 2. Уфа, 1970/Ред. Максютова Н. Х.) и использованы полевые записи автора.

² Гильманова С. Т. Наименования молочных продуктов в говорах башкирского языка//Вопросы лексикологии и лексикографии башкирского языка. Уфа: БФАН СССР, 1982. С. 49—54; Она же. Наименования мясных продуктов в говорах башкирского языка//Вопросы тюркской диалектологии. Уфа: БФАН СССР, 1985. С. 131—133.

³ Максютова Н. Х. Восточный диалект башкирского языка в сравнительно-историческом освещении. М.: Наука, 1976. С. 155

⁴ Шитова С. Н. Сибирские таежные черты в материальной культуре и хозяйстве башкир//Этнография Башкирии. Уфа: БФАН СССР, 1976. С. 87.

⁵ Гарипов Т. М. Башкирское именное словообразование. Уфа: БФАН СССР, 1959. С. 78.

Хисамитдинова Ф. Г.

СТРУКТУРНО-СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА БАШКИРСКИХ ОЙКОНИМОВ XVII—XIX вв.

Одним из важнейших аспектов изучения географических названий является их структурно-словообразовательный анализ, так как изучение структуры, способов образования топонимов представляет интерес не только для ономастики, но и для лингвистики в целом, ибо топоним, как и всякое собственное имя, при образовании подчиняется законам того языка, которому он принадлежит. Определение закономерностей образования топонимов, выявление основных структурных типов помогают установить их грамматическое строение и таким образом способствуют правильной научной этимологии, отделению иноязычных топонимов от общего состава местных названий. Вот почему вопросам структуры, словообразования топонимов уделяется большое внимание в ономастике.

Вопросы структуры и словообразования топонимов той или иной территории, того или иного языка нашли отражение в работах таких ученых, как С. Роспонд, А. В. Суперанская, В. А. Никонов, Н. А. Баскаков, В. Н. Топоров, Н. В. Подольская, О. Н. Трубачев, Г. В. Корнилов, А. К. Матвеев, О. Т. Молчанова, А. А. Камалов и др.¹

Ойконимы, как названия объектов, созданных человеком, имеют свои структурные и словообразовательные особенности. Эти особенности связаны с тем, что названия населенных пунктов, во-первых, наиболее тесно связаны с историей населения, во-вторых, наиболее подвержены колебаниям и изменениям и, в-третьих, регламентированы.

В связи с этим следует отметить и тот факт, что в разные этапы исторического развития страны, народа, языка почти всегда существовали определенные структурно-словообразовательные типы ойконимов, т. е. структура ойконимов в определенной степени зависит от общественно-экономических, исторических условий развития общества.

Сказанное выше, конечно, непосредственное отношение имеет к структуре и словообразованию башкирских ойконимов. Башкирские ойконимы XVII—XIX вв., как и ойконимия любой территории, любого языка, имеет свои особенности возникновения, тесно связанные с историей башкирского народа.

Башкирские ойконимы XVII—XIX вв. по структуре можно разделить на две большие группы:

- 1) одноосновные и 2) двуосновные названия.

1. Одноосновные названия

В башкирской ойконимии XVII—XIX вв. одноосновные названия составляют самую представительную группу. Из 2408 зафиксированных названий башкирских деревень XVII—XIX вв. 1519 являются одноосновными.

С точки зрения происхождения все одноосновные названия можно сгруппировать на исконно одноосновные и эллиптированные ойконимы.

Исконно одноосновные ойконимы

К исконно одноосновным ойконимам относятся две группы названий: названия-термины и названия-метонимы. Названия термины в башкирской ойконимии составляют небольшую часть названий.

Генетические связи топонимов с географическими терминами общеизвестны. Ведь именно местные географические термины наряду с антропонимами, этнонимами являются важнейшим источником топонимобразования.

Местные географические термины занимают видное место и в топонимии Башкирии. Они входят в состав многих топонимов, в том числе и ойконимов.

Формы связи башкирских ойконимов с терминами различны. Наиболее типичны три случая:

1. Переход термина в ойконим без вспомогательных средств языка. Примерами могут служить названия: Тирмы (Тирмә) 'юрта' Зяйлево (Йәйләу) 'летовка', Карья (Кәрийә) 'деревня', Бурамина (Бурама) 'сруб' и др.

2. Образование сложных топонимов путем сочетания термина с определяющим словом: Янаулово (Яңауыл), Иске-Юрт (Иске йорт), Мусят-аул (Мөсәт ауыл) и др.

3. Образование ойконимов от терминов с прибавлением словообразовательных аффиксов: Карталы (Кәртәле) — от кәртә 'изгородь, огороженное место' и аффикса -ле, Кошлауш (Кышлауыш) — от кышлау 'зимовье' и аффикса -ыш, Куралы — от кура 'хлев', 'жилище', и аффикса -лы.

В башкирской ойконимии XVII—XIX вв. наиболее типичным по структуре являются сложные названия, образованные путем сочетания ойконимического термина с определяющими словами.

Вторую группу исконно одноосновных названий составляют ойконимы, образованные от топонимов способом метонимии, т. е. переноса: Карамалы (от гидронима Карамалы), Зирикликулева (от гидронима Ереклекул), Билянка (от оронима Билэн).

Одноосновные названия этого типа могут быть как аффиксальные, так и безаффиксальные.

Безаффиксальные ойконимы образованы способом переноса названий других географических объектов без изменения, т. е. в чистом виде. Сравните: рч. Варзи — д. Варзи, рч. Шиды — д. Шиды, рч. Бизяк — д. Бизяки и т. д.

Аффиксальных переносных названий в башкирской ойконимии представлено совсем незначительно. Это связано с тем, что аффиксация не является ведущей в тюркском топонимобразовании.

В башкирской ойконимии XVII—XIX вв. зафиксированы всего 9 названий с аффиксом: Маньшты (от Маньш), Ремашты (от Ремаш), Магашты (от Магаш), Майгашты (от Майгаш), Лаяшты (от Лаяш), Мечетлино — два названия (от Мәсет), Тукмаклы (от гидронима Тукмак), Байталлы (от гидронима Байтал). Во всех названиях представлены аффиксы -лы и его вариант -ты, которые связаны с общетюркским -лы/-ле. Общетюркский аффикс -лы/-ле и его варианты в топонимах выражают пространственное отношение, обозначают место изготовления чего-либо, место расположения, место наличия, изобилия чего-либо. В башкирской топонимии указанный аффикс и его варианты имеют те же значения и употребляются в основном в гидронимии (Ташлы, Карамалы, Каргалы и т. д.).

Однако, как свидетельствуют письменные источники, ряд названий населенных пунктов также образованы с помощью аффикса -ты. В частности, в «Лексиконе...» П. И. Рычкова о деревне Маньшты написано следующее: «Деревня Манаштина Китайской волости расположена на реке Инзер. Ее название происходит по имени реки Маньш...»². В «Экономических примечаниях» нашли отражение гидронимы Магаш, Ремаш, Лаяш³. Эти факты доказывают то, что ойконимы Маньшты, Магашты, Ремашты и другие им подобные образованы от гидронимов Магаш, Маньш, Ремаш и др. с помощью аффикса -ты, который указывает на то, что тот или иной населенный пункт стоит на той или иной реке, т. е. имеет пространственное значение.

Что же касается более поздних и современных гидронимов Маньшты, Лаяшты, Майгашты, Ремашты, то они, видимо, явились результатом обратной метонимии, т. е. переноса названия населенного пункта на гидроним. Исторически это соотношение можно представить так:

р. Лаяш —————> д. Лаяшты —————> р. Лаяшты.

Факты переноса ойконимов на гидронимы, оронимы, встречаются в топонимической системе многих территорий. В частности, на такой факт указывает И. А. Воробьева в русской топонимии Алтая⁴.

Одним из доказательств образования ойконимов типа Маньшты от гидронимов типа Маньш является и тот факт, что аналогичные названия рек без аффиксов фиксируются и в других регионах. В частности, известно, что на Кавказе, на Дону имеются река и два озера Маньч⁵.

Эллиптированные одноосновные ойконимы

Среди одноосновных названий XVII—XIX вв. эллиптированные ойконимы составляют самую большую группу. Эти ойконимы представляют собой усеченные двуосновные или трехосновные названия. Сравните: Мрясева, а в более ранних документах Мрясаул, Ирякте — Ирякте иләүе, Мансурова — Ясаул Мансур йорто⁶.

Эллиптированными названиями в ойконимии XVII—XIX вв. являются антропо- и этноойконимы.

С точки зрения происхождения все эллиптированные одноосновные ойконимы можно разделить на 2 группы.

Первую группу составляют названия, в которых усечению подверглись ойконимические термины: ауыл, иләү, йорт, кәрйә, хутор и др.: Мусятова (Мөсәт), Мустафина (Мостафа), Бикбулатова (Бикбулат), Миндишева (Миндеш). С. Паллас перечисленные деревни фиксирует как Муссят-аул, Мустафа-аул, Бикбулат-аул, Миндиш-аул⁷. А отмеченные в «Экономических примечаниях» населенные пункты Трухменева, Тавлыкаева, Таирова, Сеитова, Ялтырова в записях И. Лепехина отмечаются как кочевье Трухмена, юрт старшины Тавлыкая, Таир-аул, аул старшины Сеитбая, кочевье Ялтыра⁸.

В связи с действием в языке закона экономии термины в ойконимах уже в начале XIX в. почти отсутствуют. Преобладающее большинство названий стали эллиптированными.

В рассмотренном типе названий эллиптированию подвергаются и термины, обозначающие должности, титул того или иного лица.

Еще в XVII — первой половине XVIII в. могли существовать ойконимы типа Сәләймән старшина ауылы, Ясаул Мансур йорто, Илүш мулла ауылы, Мулла Байым йорто⁹. Уже к концу XVIII в. эллиптируются должностные термины и появляются формы: Сәфәр-аул, Мөслим-аул, Таир-аул и т. д. Затем эллипсису подвергается и ойконимический термин: Сафарова, Муслимова, Таирова.

Несколько иному эллипсису подвергаются названия, включающие в свой состав социальный термин мулла. В материалах 7 ревизии фиксируются ойконимы с указанным термином: Муллабаимова, Утеймуллина, Альметмуллина, Карамуллина¹⁰. В документах XIX в (сборник статистических сведений 1870 г.) перечисленные и аналогичные им названия даются уже в эллиптированной форме: Баимова, Утекеева, Альметева¹¹.

Вторую группу эллиптированных одноосновных ойконимов составляют названия, в которых усечению подверглись этнонимы.

Как свидетельствуют башкирские письменные источники, в составе многих ойконимов в прошлом присутствовали уточняющие этнонимы. Сравните названия 12 тангаурских деревень бывшего Верхнеуральского уезда: Ысмак Түңгәүере, Аскар Түңгәүере, Қырзас Түңгәүере, Мәһәдей Түңгәүере, Ишкол Түңгәүере, Тәпән Түңгәүере, Орсок Түңгәүере, Асқар Түңгәүере, Әхмәт Түңгәүере, Исламбай Түңгәүере, Искужа Түңгәүере, Қалмақ Түңгәүере¹². Однако в связи с утратой родоплеменных отношений в жизни башкирского общества, а также в силу действия в языке закона экономии и в связи с тем, что этнонимическая часть ойконимов стала функционировать в качестве термина, этноним в составе ойконимов начинает эллиптироваться. Аналогична судьба названий, которые еще совсем недавно включали в свой состав этнонимы кускар (Орсок Кускары, Изәш Кускары, Тал Кускары, Мирйән Кускары), кункас (Миәкә-Кункас, Қаран-Кункас, Күл-Кункас, Тамырлы-Кункас, Тау-Кункас), башай (Хозайбирзе Башайы, Қужан Башайы, Күсәр Башайы, Һәйеткол Башайы, Көһәмеш Башайы, Тупақ Башайы, Салауат Башайы), бишул (Үтәймулла Бишулы, Сөләймән Бишулы, Бабич Бишулы, Үтәгән Бишулы, Уңғар Бишулы), танғыр (Муса Танғыр, Алама Танғыр, Торна Танғыр) и др., в составе которых объединяющие их этнонимы на сегодняшний день эллиптировались.

Эллипсису не подверглись лишь отдельные названия: Бишауыл, Уңғар, Ялан Ямашы, Һақмар Бүреһе и др., которые в народе и сейчас продолжают функционировать в полной форме. Но подобных названий сохранилось очень мало. Эллипсис охватил все названия с этнонимами, которые превратились в термины.

Таким образом, эллиптированные ойконимы XVII—XIX вв. представляют собой названия, в которых усечению подверглись термины и слова, выполняющие функции терминов.

2. Двусосновые ойконимы

Данная группа названий в башкирской ойконимии XVII—XIX вв. составляет $\frac{1}{3}$, или 889 наименований из 2408, зафиксированных ойконимов. Анализ материала показывает, что образование данного типа ойконимов происходило либо непосредственным сложением двух основ, либо прибавлением какой-либо дополнительной основы к уже существующему ойкониму.

Все двусосновые названия XVII—XIX вв. можно разделить на терминированные и нетерминированные. В терминированных двусосновых названиях одним из компонентов являются ойконимические термины.

Терминированные двусосновые ойконимы

В образовании двусосновых ойконимов в XVII—XIX вв. участвовали следующие ойконимические термины: ауыл, кәрийә, кура, аласық, йорт, күтер, қышлау, қош, қыуыш, заимка и др. Перечисленные термины обычно выступают вторым, определяемым компонентом. Рассмотрим подробно, какие части речи

являлись определяющими компонентами, какие устанавливались взаимоотношения, синтаксические связи между компонентами двусосновного терминованного ойконима, какие структурные модели данного типа ойконимов были более характерны названиям населенных пунктов Башкирии XVII—XIX вв.

Терминованный тип башкирских двусосновных ойконимов объединяет несколько структурных моделей:

Модель 1: Прилагательное+термин

а) термин ауыл: Түбән ауыл 'нижняя деревня', Уртауыл 'средняя деревня', Яңауыл 'новая деревня';

б) термин йорт: Язгы йорт 'весеннее кочевье', Яңы йорт 'новое кочевье', Иске йорт 'старое кочевье', Чибинли-йорт;

в) термин кышлау/кыштау: Иске кыштау 'старое зимовье', Бәләкәй кыштау 'малое кочевье';

г) термин куш/кош: Карагуш 'черный кош', Корогуш 'сухой кош', Кабыккуш 'кош из коры';

д) термин аласык: Каралачикова 'черный летний домик', Куралачук 'сухой летний домик', Такталачук 'дощатый летний домик';

Модель ойконимов «прилагательное+термин» в ойконимии XVII—XIX вв. малопродуктивная. Зафиксировано всего 38 названий. Наиболее продуктивным являются названия, состоящие из прилагательных яңы 'новый', урта 'средний', иске 'старый' и термина ауыл 'деревня'.

Связь между компонентами данной модели определительная. Определяемая часть этих ойконимов — термины обычно содержат указание на поселения, а определяющие компоненты — прилагательные указывают на время возникновения и расположение населенного пункта. Отдельные определяющие компоненты — субстантивированные прилагательные указывают на материал, из которого изготовлено жилье (ср. Кабыккуш, Такталасык).

Модель 2: Существительное+ойконимический термин

Эта модель в башкирской ойконимии XVII—XIX вв. одна из самых продуктивных. В качестве первого компонента таких ойконимов зафиксированы как нарицательные, так и собственные имена (Тау+аул, Кубаул, Шокур-аул). В семантическом плане первые компоненты являются антропонимами, этнонимами, топонимами. Приведем примеры:

1) нарицательное существительное+термин ауыл 'деревня' (Муллауыл, досл. мулла+деревня, Бакчаул — сад+деревня, Каинаул — береза+деревня);

2) нарицательное имя+термин кала 'город' (Талгала, Имән-кала);

3) антропоним+термин ауыл (Муссят-аул, Мустафа-аул, Шокур-аул, Мухамет-аул);

4) этноним+термин ауыл (Кубаул, Шайтанаул, Маскаул, Чуваш-аул);

5) топоним+термин ауыл (Карама-аул);

- 6) этноним + термин йорт 'кочевье' (Терсяк-юрт, Айли-юрт);
- 7) имя нарицательное + йорт (Имян-юрт, Бужур-юрт);
- 8) топоним + йорт (Шарибаш-юрт, Утар-юрт, Лемез-юрт);
- 9) антропоним + термин кәрийә 'деревня' (Сәйет кәрийә, Жирем кәрийә (Чокурово);
- 10) антропоним + тирмә 'юрт' (Дюсмет — тирма).

Компоненты данной модели двуосновных названий связаны на основе первого тюркского изафета, т. е. детерминативы ауыл, кәрийә, йорт и другие употребляются без аффиксов принадлежности.

Вместе с тем следует отметить, что в письменных источниках XVII—XIX вв. встречаются двуосновные терминованные ойконимы, компоненты которых связаны II тюркским изафетом, т. е. термины ауыл, йорт, кәрийә и другие употреблены с аффиксом принадлежности. В башкирских источниках отмечаются Ирәкте иләүе, Мөслим ауылы, Илүш мулла ауылы. Ялтыр йорто, Качкын кышлауы. В русских источниках: Зимовье Сулпы 'Сулпы кышлауы', Зимовье Туляка 'Түләк кышлауы', Кош Тлянчи 'Теләнсе кошы/кушы', Кочевка Айсабая 'Айсабай йорто', Заимка Сагынбая 'Һағынбай заимкаһы'.

Первый компонент данной модели башкирских ойконимов XVII—XIX вв. указывает, во-первых, на принадлежность населенного пункта определенному лицу, роду, племени, во-вторых, указывает на наличие, обилие чего-либо в населенном пункте.

Модель 3. Числительное + термин

Данная модель в зафиксированной башкирской ойконимии XVII—XIX вв. представлена 6 названиями: Дүртюли (Дүрт-өйлө) (3), Уч-аул (Өсауыл), Бишей (Бишөй), Юзеево (Йөзөй), Биш-мунча (Бишмунса).

В качестве первых компонентов выступали числительные өс, дүрт, биш, йөз. Вторыми компонентами чаще всего является термин өй 'дом', встречаются термины ауыл 'деревня', мунса 'баня'.

Между компонентами двуосновных названий модели 3 — определительная связь.

В целом для ойконимии эта модель менее характерна, а для остальных видов топонимов она является довольно продуктивной. Ср.: Өсбил, Дүрткул, Меңайыр, Өскул и др.

Итак, анализ двуосновных терминованных названий показывает, что данная конструкция являлась довольно продуктивной в башкирской ойконимии XVII—XIX вв. Большинство названий населенных пунктов в свой состав включали тот или иной ойконимический термин. Если в названиях XVII—XIX вв. чаще всего употреблялись термины йорт, кош/куш, кышлау/кыштау, то во второй половине XVIII и XIX вв. основным становится термин ауыл 'деревня'. Это связано с тем, что к концу XVIII—XIX вв. башкиры уже полностью перешли к аульной системе поселения.

Нетерминированные двусосновые ойконимы

Этот тип ойконимов считается более поздним по происхождению. Действительно, в башкирской ойконимии XVI—XVII вв. он почти не фиксируется. Что же касается названий XVIII—XIX вв., то этот тип становится одним из самых распространенных.

Двусосновые нетерминированные ойконимы в большинстве своем образованы от уже функционирующих ойконимов прибавлением к ним определяющих слов, выраженных прилагательными, числительными, существительными. В семантическом плане уточняющими компонентами являются слова, указывающие на место расположения, размеры, время, этнический состав населенного пункта.

По структуре двусосновые нетерминированные ойконимы представляют собой сложные слова — композита и ойконимы — словосочетания, образованные способом соположения.

Все ойконимы данного типа можно разделить на 5 структурных моделей.

Модель 1. Прилагательное+существительное

Эта модель представляет собой сложное слово, т. е. детерминативную композиту, образованную из 2 компонентов. В основе модели «прилагательное+существительное» лежит паратактическое сочетание качественного определения, выраженное прилагательными иске 'старый', яңы 'новый', үрге 'верхний', түбәнге 'нижний' урта 'средний', зур 'большой', оло 'большой' бәләкәй 'маленький' с определяемым словом. Определяемое слово обычно является уже функционирующим ойконимом. Например: Оло Ишмәт — от оло 'большой' и Ишмәт — ойконим, Үрге Сәрәбай — үрге 'верхний' и Сәрәбай — ойконим, Иске Солтанбәк — иске 'старый' и Солтанбәк — ойконим.

В башкирской ойконимии XVII—XIX вв. ойконимов данной модели зафиксировано 346 единиц. Почти все они относятся к ойконимии конца XVIII—XIX вв. Что же касается названий XVI—XVII вв., то среди них подобных наименований зафиксировано всего 18. Это свидетельствует о том, что модель «прилагательное+существительное» в башкирской ойконимии появилась довольно поздно. Это и понятно, так как ойконимы указанной модели в основном являются наименованиями населенных пунктов, возникших позже уже имеющихся деревень. В семантическом плане первый компонент данной модели указывает на размер, время, месторасположение населенного пункта.

Первые компоненты — прилагательные данной модели ойконимов вступают друг с другом в коррелятивные пары. Сравните: иске — яңы, үрге — түбәнге, оло — кесе, зур, өлкән — бәләкәй, еске — аҫкы.

Модель 2. Числительное+существительное

В основе модели «числительное+существительное» сложных ойконимов лежат определительные словосочетания, где первый

компонент — порядковое числительное, а второй — определяемое слово являются уже функционирующим названием населенного пункта. В предложении такие названия выступают как один член предложения.

Модель «числительное+существительное» в ойконимии XVII—XIX вв. непродуктивная. Зафиксировано всего 30 названий, из них 20 наименований деревень: Первое Битюково, Второе Битюково, Первое Яраткулово, Второе Яраткулово, Первое Кулсарино, Второе Кулсарино и др. и 10 названий хуторов: Первое Иткулово, Второе Иткулово, Третье Иткулово, Четвертое Иткулово, Пятое Иткулово, Шестое Иткулово, Седьмое Иткулово, Восьмое Иткулово, расположенные на рч. Куркатавлы¹³ и др.

Данная модель ойконимов имеет более позднее происхождение. Перечисленные названия деревень фиксируются в материалах 7—10 ревизий, а наименования хуторов — в «Экономических примечаниях». В более ранних источниках подобных названий не отмечается, по-видимому, они имели иные названия. В частности, в «Экономических примечаниях» современные деревни Иткулова 1-я и Иткулова 2-я фиксируются как Ново-Кинзебулатова и Нугай (Бурзян), а выселки деревень Кулсарина, Битюкова, Яраткулова названий не имели. Они отмечаются в источниках в такой форме «выселок из деревни Кулсарина расположена близ рч. Сургуль...», «выселок из деревни Ераткулова находится при овраге М. Жизяк...»¹⁴.

Первоначально выселки, заимки, вероятно, не имели своих названий, они назывались как и основные деревни. Для дифференциации могли употребляться в их названиях порядковые числительные первый, второй, третий и т. д., которые в большинстве случаев указывают на порядок выселения из основной деревни. Так в 1795 г. в «Экономических примечаниях к генеральному межеванию Верхнеуральского уезда» фиксируются 4 деревни Бутаевы: Бутаева (Нуртазина тож), Первая Бутаева, Вторая Бутаева, Третья Бутаева. В четырех деревнях было всего 32 двора, 159 душ¹⁵.

Ясно, что деревня Бутаева (Нуртазина тож) — это основная деревня (топ ауыл), а Первая, Вторая и Третья Бутаевы — это ее выселки, названные так по порядку выселения.

Со временем эти выселки могли приобретать названия, чаще связанные с именем какого-то лица, а могли и сохранить старое наименование, состоящее из числительного и названия основной деревни.

Нельзя не заметить и такой факт, что названия отдельных населенных пунктов, включающие в свой состав числительные, представляют собой официальные наименования. В частности, населенные пункты Первое Тукатово, Второе Тукатово, Третье Тукатово имели неофициальные названия Тимербай, Түбэнге Түкэт, Урге Түкэт. Деревня Кулсарина 1-я называлась Халитова, Кулсарина 2-я — Биккулова, Яраткулова 1-я — Абдрахимова,

Яраткулова 2-я — Нигматова, Иткулова 1-я — Ново-Кинзебулатова, Иткулова 2-я — Нугай Бурзян.

Эти факты еще раз свидетельствуют о том, что модель «числительное+существительное» имеет более позднее происхождение.

Модель 3. Существительное+существительное

Данная модель ойконимов в названиях населенных пунктов XVII—XIX вв. является распространенной и продуктивной. Компонентами подобных двусловных названий являлись уже функционирующие ойконимы, топонимы других видов, этнонимы, антропонимы, т. е. имена собственные. Встречались названия и с апеллятивными компонентами.

В зависимости от того, какие лексические группы слов участвовали в образовании данной модели названий, их можно разделить на несколько групп.

Первую группу данной модели составляют названия, представляющие собой «гидроним+ойконим». Эта группа ойконимов образуется прибавлением к уже существующему названию гидронима, который указывает на месторасположение населенного пункта. Например, Уфа-Шигари, Артя-Шигари и др.

В документах первой половины XVIII в. фиксируется башкирская деревня Шигари на реке Уфе. В конце XVIII в. фиксируется выселок из этой деревни на р. Арте. Для дифференциации выселок, видимо, стали называть не просто Шигари, а Артя-Шигари, т. е. Шигари, расположенное на р. Арте. Ойконимия, как система, стремится к организации, уподоблению названий. В результате вместо первого ойконима Шигари появляется Уфа-Шигари, где первый компонент указывает на расположение населенного пункта на р. Уфе. Аналогичны в образовании ойконимы Ашкадар-Максут, Кайраклы-Максут и др.

Вторую группу модели «существительное+существительное» образуют названия, первым компонентом которых являются этнонимы, а вторым — ойконимы. Сравните, Дуван-Мечетлина (Дыуан Мәсетле), Мурзалар-Мечетлина (Мырзалар Мәсетле), Кузгун-Ахмерова (Козгон Әхмәр), Бурзян-Ильчигулова (Бәрийән Илсеголо) и т. д.

Первые компоненты подобных ойконимов образованы от этнонимов башкирских родов и племен и указывают на этническую принадлежность жителей данного населенного пункта. В названиях данной модели они, во-первых, объединяют наименования деревень определенного башкирского рода или племени. Например, первым компонентом почти всех ойконимов сартских деревень является этноним сарт: Сарт-Хазятова, Сарт-Хасянова, Сарт-Наурузова, Сарт-аул и др.

Во-вторых, первый компонент — этноним и дифференцирует названия с одинаковыми вторыми компонентами. Ср.: Мин-Ильчигулова — Бурзян-Ильчигулова, Дуван-Мечетлина и Мурзалар-Мечетлина, Бикметова — Саралы-Бикметова. Дифференцирующая роль первых компонентов подобных ойконимов станет

ясна, если учесть, что первая деревня Ильчигулова является минской, а вторая — бурзянской деревней. А в ойконимах Мурзалар-Мечетлина и Дуван-Мечетлина оба дифференцирующих этнонима налицо.

Подобные ойконимы нельзя смешивать с одноосновными названиями, образованными от сложных этнонимов, гидронимов. Сравните: Кыр-Тлявли, Кичи-Табын, Байбурзян, Кугарчинбулак, Каташкаран. Словообразовательные процессы в таких названиях населенных пунктов произошли еще на дотопонимическом уровне.

Между компонентами двуосновных ойконимов модели «существительное + существительное» характер связи — приложение. Оба компонента — существительные, имеющие номинативную форму. Такой тип названий Н. В. Подольская называет аппозитивный тип¹⁶.

Третью группу модели «существительное + существительное» составляют названия, первым компонентом которых являются гидронимы, а вторым — гидронимические термины баш 'исток' и тамак 'устье'. Сравните: Варяшбаш, Стерлибаш, Лемезтамак, Дымтамак и др. Эта модель в ойконимии Башкирии XVII—XIX вв. продуктивна. Зафиксировано 26 названий с термином тамак 'устье', 'горло', 23 — с баш 'начало', 'исток'. Названия этой группы обычно являются принадлежностью населенных пунктов, расположенных у истока или устья рек.

Компоненты данной модели между собой связаны первым тюркским изафетом.

Модель ойконимов «существительное + существительное» имеет еще одну своеобразную группу. Эта группа названий состоит из двух равноправных компонентов. Ср.: Сыны-Ильчимбетова, Азналы-Карамалы, Даут-Каипова и др. Подобные названия в литературе отмечаются как двойные названия¹⁷. Действительно, в основе подобных названий не лежат словосочетания. Между компонентами не существует синтаксической связи. В отдельных источниках второй компонент таких ойконимов подается через слово «тож»: Мухаметова (Сактаева тож), Ваньшева (Алпаутова тож), Атысова (Байляр тож), Юроктаева (Мокшина тож)¹⁸ и др. Двойных названий в башкирской ойконимии XVII—XIX вв. зафиксировано более 60 единиц.

В зависимости от того, какие лексические группы башкирского языка участвуют в образовании данной группы названий, их можно разделить на 6 подгрупп:

- 1) топоним + топоним (Кынгыр-Менеуз, Иляк-Шида, Кажмакты-Чат, Тунгак-Чат и др.).
- 2) топоним + антропоним (Бляу-Ялчинбай, Татир-Арслан, Чишма-Бураева),
- 3) антропоним + этноним (Батырша-Кубова, Утекей-Бишул, Богдан-Коши),
- 4) топоним + этноним (Казы-Ельдякова, Чумали-Катаева, Таубаш-Бадракова),

5) антропоним + антропоним (Даут-Каипова, Мухамет-Сактаева),

6) антропоним + гидроним (Азналы-Карамалы, Усман-Ташлы).

Из всех перечисленных групп в башкирской ойконимии XVII—XIX вв. наиболее продуктивной является модель «топоним (точнее — гидроним) + антропоним».

Большинство подобных ойконимов в более поздних источниках дается без одного из компонентов, т. е. выступает уже как одноосновные названия. Ср. Богданова-Коши — Богданова, Чумали-Катаева — Чумали, Карамалы-Валитова — Карамалы, Терсяк-Аракаева — Ыракай и т. д.

Как показывает материал, в основном эллипсису подвергаются компоненты, выраженные этнонимами. Это, очевидно, связано с тем, что к концу XVIII—XIX вв. родо-племенные отношения потеряли значение и необходимость в экономической и общественной жизни башкир и поэтому стали забываться. Эллиптированию подверглись и антропонимические компоненты двусловных ойконимов. Это связано с тем, что аулам обычно присваивались имена старшин, биев, военных и религиозных предводителей. С изменением старшины чаще всего имя прежнего старшины уходило в забвение, поэтому оно вполне могло выпасть из ойконима.

Итак, анализ башкирских ойконимов XVII—XIX вв. в структурно-словообразовательном аспекте позволяет сделать следующие выводы:

1. В структурном плане все башкирские ойконимы XVII—XIX вв. можно разделить на 2 большие группы: одноосновные и двусловные.

С точки зрения происхождения все одноосновные названия подразделяются на исконно одноосновные и эллиптированные.

2. Двусловные ойконимы подразделяются на терминованный и нетерминованный типы.

3. Каждый из типов ойконимов имеет свои определенные словообразовательные модели.

4. Для башкирской ойконимии XVII—XIX вв. самой продуктивной является синтаксический путь словообразования. Очень много эллиптированных названий. Аффикация для башкирской ойконимии XVII—XIX вв. почти не характерна.

---

¹ Роспонд С. Структура и стратиграфия древнерусских топонимов//Восточнославянская ономастика. М., 1972; Суперанская А. В. Структура имени собственного. М., 1969; Никонов В. А. Заметки по оронимии Киргизии//Ономастика Средней Азии. М., 1978; Баскаков Н. А. Принципы избирательности наименований гор у алтайцев Горного Алтая//Оронимика. М., 1969; Подольская Н. В. Типовые восточнославянские топоосновы: Словообразовательный анализ. М., 1983; Топоров В. Н., Трубачев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962; Корнилов Г. Е. О типах топонимов в агглютинативных языках//Вопросы языкознания. 1967. № 1; Матвеев А. К. Русская топонимика финно-угорского происхождения на территории севера Европейской части СССР: Автореф. дис. ...д-ра филол. наук. М., 1970; Камалов А. А. Гидронимия

Башкирии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 1969; *Султаньяев О. А.* Топонимика Кокчетавской области: лингвистический анализ. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1969; *Молчанова О. Т.* Структурные типы тюркских топонимов Горного Алтая. Саратов, 1982; *Молла-заде С. М.* Топонимия северных районов Азербайджана. Баку, 1979; *Scheinhardt H.* Typen türkischer Ortsnamen. Heidelberg, 1979. P. 201—208.

² *Рычков П. И.* Лексикон или словарь топографической Оренбургской губернии // Рукописный отдел ГБЛ, ф. 313 (Федорова), 1777. Ч. II. С. 8.

³ ЦГАДА, ф. 1355, д. 940, 1861.

⁴ *Русская топонимия* Алтая. Томск, 1983. С. 67.

⁵ *Словарь географических названий СССР*. М., 1983. С. 153.

⁶ *Паллас С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи. Спб., 1773. Ч. II. Кн. 1. С. 68; *Батырша хатының атка күсермә нөсхәһе* // Башкорт әзәбиәтенең текстологияһы мәсьәләләре. Өфө, 1979. 137—139 б.

⁷ *Паллас С.* Указ. раб. С. 57, 49, 65, 68, 69.

⁸ *Лепехин И. И.* Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта И. Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 гг. Спб., 1772. Ч. 2. С. 95, 105, 115.

⁹ *Батырша хатының атка күсермә нөсхәһе*. 137—139 б.

¹⁰ ЦГА БАССР, ф. 138, оп. 2, д. 220, 257, 309, 172.

¹¹ XLV Уфимская губерния. Список населенных мест по сведениям 1870 г. Спб., 1877. С. 14, 39.

¹² Полевые записи 1984 г.

¹³ ЦГАДА, ф. 1355, оп. 2, д. 935.

¹⁴ *Там же*, д. 1886.

¹⁵ *Там же*, д. 935.

¹⁶ *Подольская Н. В.* Указ. раб. С. 11.

¹⁷ *Там же*.

¹⁸ ЦГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1886, 1875, 1879, 1881.

КОММЕНТАРИИ К ГЛАГОЛАМ ДВИЖЕНИЯ «СЛОВАРЯ БАШКИРСКИХ ГОВОРОВ»

Семантика башкирского глагола до сих пор не является объектом всестороннего изучения. Для ясного представления сущности семантического исследования глаголов, большое значение имеет изучение полевой структуры глаголов движения, которые являются одними из самых распространенных и разнообразных в семантической системе современного башкирского языка. Глаголы движения и их самое различное семантическое содержание полно представлены в языке художественной литературы, письменных памятников, произведений устно-поэтического творчества. Одним из важных источников изучения глаголов движения следует считать диалекты и говоры башкирского языка. В этом отношении богатый материал дает «Словарь башкирских говоров» [Т. 1: Восточный диалект. Уфа, 1967; Т. 2: Южный диалект. Уфа, 1970]. Данный двухтомный словарь содержит около 95 глагольных единиц, обозначающих движение/перемещение в пространстве, а также 7 глаголов действия, в которых преобладает оттенок движения, применяющийся с определенной целью.

Некоторые из этих диалектных лексем в результате взаимодействия с литературным языком обогатили его фонд. Например, глагол *һауалау* (инзерский говор, южный диалект) — 'подниматься вверх; летать очень высоко (о птице)': 'Карлугас *һауалаһа*, айһаз була тейләр 'Если ласточка *летает* очень высоко, то будет безоблачно'; Йэй ҙә үтеп китте, ахыры, *һауалай* бит торналар (Р. Фарипов «Торналар») 'Кажется, и лето пролетело, уж *очень высоко летают журавли*'. При комментарии-анализе: во-первых, рациональным приемом будет распределение глагольных лексем по семантическим полям и классам, микроклассам (эти глаголы движения могут быть разделены на две² и более группы); во-вторых, характеристика фонетических, лексических, семантических, заимствованных диалектизмов будет производиться не разобщенно, а в пределах полей и классов. Для более диффе-

ренициального изучения значений глаголов движения не исключена возможность привлечения диалектных форм глагольных лексем из других источников³.

Образование семантических полей и классов требует, прежде всего, выделения ядра и доминанты, но здесь это правило местами будет исключаться: в «Словаре башкирских говоров» преобладают термины и в основном глаголы движения.

1. Семантическое поле глаголов движения по горизонтали

Семантическое поле глаголов движения по горизонтали исследователи обычно подразделяют на семантические классы: 1) с дифференциальной семой «приближение к объекту»; 2) с дифференциальной семой «удаление от объекта». Но по причине малочисленности глаголов с названными семами в башкирском языке нами деление на указанные классы не производится.

Глагольные лексемы *кереу* 'входить' (айский, аргаяшский, сальютский, миасский говоры, восточный диалект; тюйский, средний, таныпский, демский, караидельский говоры, южный диалект, 2-е значение слова), *кайтауаннау* 'часто ездить домой' (бурзянский говор, южный диалект), *кайтауылдау* 'вернуться, возвращаться' (миасский говор, восточный диалект), *базыу* 'ступать' (кармаскалинский говор, южный диалект), также синонимы *айакһыу*, *айаксылау* (айский, кызылский говоры, восточный диалект) с общим значением 'много ходить' можно назвать конкретными глаголами движения по горизонтали. В это поле входит и микрокласс с дифференциальной семой «движение (начало движения) с некоторыми особенностями, характерными ребенку»: *калтаңдау* 'попытка ребенка двигаться (ходить)' (кызылский говор, восточный диалект, 1-е значение слова), *айакланһыу* 'начальная стадия передвижения ребенка, но уже с уверенностью' (таныпский говор, южный диалект), *тәпәйләу* 'с положительной эмоциональной оценкой к началу движения ребенка' (айский говор, восточный диалект; инзерский говор, южный диалект).

Условно сюда можно включить другой микрокласс с дифференциальной семой «особенности движения по горизонтали»: 1) 'ползатъ': *йылышыу* (караидельский говор, южный диалект) и *шылышыу* (миасский говор, восточный диалект; бурзянский, демский, икский говоры, южный диалект); 2) 'хроматъ': *акһаузау* (кубалакский говор, восточный диалект), *аҫкандау*, *акҫандау* (кызылский, айский говоры, восточный диалект); *тупсаңнау* (икский, сакмарский говоры, южный диалект); 3) 'ходить на четвереньках': *моканнау*, *мукайлау* (тюйский говор, южный диалект), *мүкәйәу* (демский говор, южный диалект), *мөкәйләу* (басувский говор, южный диалект), *дүрттағандау* (айский, кубалакский говоры, восточный диалект). Этот ряд можно дополнить такими диалектизмами: *бәүкәлдәу* 'качаться при ходьбе' (миасский говор, восточный диалект), *талпаннау*

'ходить раскорякой' (средний говор, южный диалект), *кәңгелдәу* 'шататься' (айский говор, восточный диалект; демский, куюр-газинский говоры, южный диалект), *йаңбашлау* 'шагать вертлявой походкой' (басувский говор, южный диалект), *һулпандау*, *һалпандау* 'идти, переваливаясь с ноги на ногу' (айский говор, восточный диалект), *ашактау* 'семенить' (аргайшский говор, восточный диалект), *сәпәтеу* 'выражировать' (айский говор, восточный диалект), *бастырыклау* 'ходить по пятам' (инзерский говор, южный диалект). Данный микрокласс может обогащаться многими другими лексемами, так как это самый распространенный семантический тип глаголов движения в диалектах и говорах.

2. Семантическое поле глаголов темпа движения

Глаголы данного семантического поля по принципу длительности процесса движения подразделяются на следующие семантические классы: с замедленным темпом движения; с ускоренным темпом движения. Здесь глаголы имеют уже дифференциальную сему скорости движения.

Семантический класс глаголов замедленного темпа движения

Он представлен диалектизмами: *тергәннәу* 'ослабеть, еле ходить' (инзерский, туйский говоры, южный диалект), *һансау* 'еле двигаться' (средний говор, южный диалект), *мөлкөлдәу* 'медленно двигаться' (айский говор, восточный диалект), *туңкандау* 'двигаться через силу, напрягаться' (айский, кубалаякский говоры, восточный диалект), *кәкәндәу* 'очень медленно двигаться' (айский говор, восточный диалект), *Байпаңдау*//*пайпаңдау* 'качаясь, еле волочить ноги' (икский говор, южный диалект), *тазырандау* 'ходить с большим животом, медленно волочить его' (кызылский говор, восточный диалект), *һәлләндәу* 'еле ходить с большим, болтающимся из стороны в сторону животом' (салютский говор, восточный диалект), *мыймылдау* 'делать умеренные движения' (кызылский говор, восточный диалект).

Семантика данных глаголов интересна тем, что она характеризует людей через особенности их движения, а также ассоциации с повадками крупных животных.

Семантический класс глаголов ускоренного темпа движения

Наиболее разнообразно в «Словаре башкирских говоров» представлен класс глаголов ускоренного темпа движения: 1) *тумдырау* 'ходить очень быстро' (караидельский говор, южный диалект), *оландау*, *озандау* 'бегать' (айский говор, восточный диалект, 2-е значение), *сапмалау* 'быстро бежать' (ик-сакмарский говор, южный диалект), *сыптырыу* (һыпыртыу) 'убежать в стремительном темпе' (демский говор, южный диалект), *һалдырыу* 'бежать без оглядки, наутек, с полной самоотдачей' (бурзянский, средний говоры, южный диалект), *зайлау* 'проноситься быстро, со свистом' (басувский говор, южный диалект); лексемы *баһтырыу* 'гоняться' (кызылский говор, восточный диалект), *бастыры-*

шыу 'гнаться друг за другом' (аргаяшский, миасский говоры, восточный диалект; инзерский говор, южный диалект) имеют несколько другое значение, т. е. они обозначают перемещение субъекта в пространстве, осуществляемое путем воздействия другого субъекта на этот субъект. В то же время глагол движения *бахтырыу* является фонетическим диалектизмом, потому как «...h соответствует ç в позиции между гласным и согласным т...»⁴.

Особый микрокласс образуют глаголы с ускоренным темпом движения, характеризующие бег лошади: *мыймылдатыу* 'плавнo понестись — помчаться' (бурзянский говор, южный диалект), *сабауылдау* 'бег, сменяющийся ходьбой' (кызылский, кубалаякский говоры, восточный диалект), *йугыртыу* 'бежать рысью' (кубалаякский говор, восточный диалект), *тезэңнәу* 'идти иноходью' (иргизский говор, южный диалект), *сакмалау* 'идти иноходью и при этом подпрыгивать' (аргаяшский, миасский говоры, восточный диалект), *сабыулау* 'скакать во всю мощь' (инзерский говор, южный диалект).

3. Семантическое поле глаголов движения по вертикали

Это самое противоречивое по составу семантическое поле, потому как сюда могут входить: во-первых, лексемы, прямые значения которых есть движение по вертикали вверх и, во-вторых, лексемы, переносные значения которых обозначают движение по вертикали вниз.

Семантический класс глаголов движения по вертикали вверх

По данным «Словаря башкирских говоры», сюда могут входить глаголы *ауалау* 'подниматься на небо или наверх' (кызылский говор, восточный диалект; бурзянский, ик-сакмарский говоры, южный диалект), *сирпеп менеу* 'подниматься вверх на веревке' (инзерский говор, южный диалект), *һауалау* 'подниматься вверх' (инзерский говор, южный диалект).

Семантический класс глаголов движения по вертикали вниз

Этот класс в отличие от предыдущего насыщен наиболее разнообразными глаголами. Их можно разделить на три группы: 1) глаголы, характеризующие произвольное и непроизвольное движения вниз человека или редко какого-то животного, предмета: *колау* 'упасть, свалиться' (кызылский, кубалаякский говоры, восточный диалект), *аунау* 'свалиться, упасть' (айский, аргаяшский говоры, восточный диалект; демский говор, южный диалект), *осоу* 'падать' с эмоциональным отношением к процессу (миасский говор, восточный диалект; сакмарский говор, южный диалект), *сугеу* 'валиться' (демский говор, южный диалект); также входят глаголы *тәгәрәу* (все говоры восточного диалекта; юрматинский говор, южный диалект) и *тәңәрәу* (кызылский говор, восточный диалект) с экспрессивными оттенками глагола 'падать';

2) глаголы, характеризующие движение по вертикали вниз

в определенной среде: *жөңкөү* 'нырнуть' (инзерский говор южный диалект); *түбәннәү* 'перемещение рыб (умеренный спуск вниз) на зимовье' (ик-сакмарский говор, южный диалект).

3) глаголы, характеризующие особенности движения вниз: *суңкалау* 'падать задком' (сакмарский говор, южный диалект), *умактау* 'упасть через голову' (миасский говор, восточный диалект) и т. п.

Наглядными примерами семантической противоречивости можно считать глаголы *осоу* (сакмарский говор, южный диалект) и *тәгәрәү* (юрматинский говор, южный диалект), *тәңәрәү* (кызылский говор, восточный диалект). В прямом значении лексема «*осоу*» образует семантический класс глаголов движения по воздуху, как ядро, а в переносном значении он входит: в семантический класс глаголов темпа движения и глаголов движения по вертикали вниз. Глаголы *тәгәрәү* и *тәңәрәү* по своему основному значению относятся к семантическому полю нейтральных глаголов движения, т. е. лексем, не выражающих ни темпа, ни кратности, ни направления движения. Глагол *тәгәрәү* 'катиться' является формой-эталоном, а *тәңәрәү* — его фонетический вариант (кызылский говор, восточный диалект), поскольку «...звук *ң* в корне отдельных слов чередуется с *г*...»⁵ Включение глаголов *жөңкөү* 'нырнуть' (инзерский говор, южный диалект), *түбәннәү* 'перемещение (спуск вниз) рыб на зимовье' (ик-сакмарский говор, южный диалект) в класс глаголов движения по вертикали вниз весьма условно; эти лексеммы могут составить периферию класса глаголов движения по водной среде.

4. Семантическое поле нейтральных глаголов движения

Данные глаголы передают движение как нейтральное в смысле направленности, темпа, кратности, в то же время как повторяющееся, привычное, постоянное и общее, недифференцированное на определенные качества. Таковы, например, глаголы вращательно-колебательного движения: *һәмкелдәү*, *һәмгелдәү* 'колебаться', *эйеү* 'колебаться' (кызылский говор, восточный диалект), *сусаннау* 'качаться' (средний говор, южный диалект), *калканнау* 'качаться (о доске)' (средний, ик-сакмарский говоры, южный диалект), *калкандәү* 'то подниматься, то опускаться (о доске)', *сәмгелдәү* 'колебаться' (кызылский, кубалаякский говоры, восточный диалект), *аушаннау/аушаньу* 'качаться' (ик-сакмарский говор, южный диалект), *тибрәнеү* 'качаться' (кубалаякский говор, восточный диалект), *өрөлөү* 'вращаться' (кызылский, кубалаякский говоры, восточный диалект), *айзаньу*, *эйзәнеү* 'кружиться' (кызылский говор, восточный диалект). Фонетической особенностью кызылского говора является переход $k > g$, как в ГД *һәмкелдәү/һәмгелдәү*, а в лексемах *айзаньу/эйзәнеү* происходит процесс чередования *a* с переднерядным *э*, что чаще всего характерно первому слогу слова⁶.

В качестве субъекта движения лексем *тезләү* 'течь ручьем' (инзерский говор, южный диалект), *кондорау* 'течь и светить яр-

ким светом' (северо-восточный говор, восточный диалект), *сөбөрзәу* 'течь сплошным потоком' (айский, миасский говоры, восточный диалект) выступают жидкости (вода, кровь, слезы и т. п.), которые передвигаются путем сплошного прикосновения к поверхности суши (или же тела и т. п.). Но в то же время в их семантике отсутствуют направленность и темп движения. Может показаться, что *тезләу* несет оттенок быстрого темпа движения, но это неверно. Этимология его восходит к звуковому эффекту, возникаемому от течения ручья.

Диалектные лексемы *түгәрзәу* (айский говор, восточный диалект), *түкмәсәу* (сакмарский говор, южный диалект), *дәңәрәу* (миасский говор, восточный диалект), *тумалау* (миасский говор, восточный диалект; икский говор, южный диалект) обозначают непрерывное движение круглого предмета или человека с такой внешностью. Естественно, что здесь не указываются темп, способ, направление движения.

В разряд нейтральных глаголов можно включить и лексему *бузамыкланыу* 'тронуться (о льде)' (сакмарский говор, южный диалект), семантика которой акцентирует начало движения в пространстве.

Глаголы *ыргандау* 'прыгать' (восточный диалект), *тарзандау* 'прыгать' (айский говор, восточный диалект) являются частично нейтральными. Они передают способ движения — движение в прыжке. Но они нейтральны в смысле направленности движения, однако имеют дифференциальную сему способа движения.

Диалектизмы *олағыу* 'уйти очень далеко' (восточный диалект), *бутау* 'исходить вдоль и поперек' (караидельский говор, южный диалект), *ишеу* 'странствовать, путешествовать' (аргашский говор, восточный диалект) также не выражают направления, скорости, не указывают на способ перемещения. В этом их отличие от глаголов предыдущей группы. Таким образом, данные глаголы тоже нейтральны и являются глаголами абстрактного движения.

5. Глаголы, относящиеся к другим семантическим полям глаголов движения

К глаголам движения можно отнести лексемы *кәлейеу* 'пикировать' (бурзянский говор, южный диалект; аргашский говор, восточный диалект), *сипәләу* — лит. вариант *һибәләу* 'моросить' (миасский, айский говоры, восточный диалект). Первый входит в периферию класса глаголов движения по воздуху (выражает особенность движения), второй — в периферию класса глаголов движения по вертикали вниз (характеризует темп дождя).

Лексемы *кыйғалау*, *шыйыу* 'скользить' (средний говор, южный диалект), *һуқаңнау* 'то тонуть, то всплывать' (демский говор, южный диалект), *түлдәу* 'убежать' (кызылский говор, восточный диалект) имеют сложную семантическую структуру, т. е. в них преобладают семы глаголов действия. К ним можно

причислить глаголы *йелпенеу* 'развеваться' (средний говор, южный диалект), *тужаңнау* 'быть подвижным' (демский говор, южный диалект), *кунаклау* 'сесть на насест' (демский говор, южный диалект).

Выводы

Рассмотренные глаголы движения подразделяются на следующие семантические поля: 1) семантическое поле глаголов движения по горизонтали; 2) семантическое поле глаголов темпа движения (семантический класс глаголов замедленного темпа движения; семантический класс глаголов ускоренного темпа движения); 3) семантическое поле глаголов движения по вертикали (семантический класс глаголов движения по вертикали вверх, семантический класс глаголов движения по вертикали вниз); 4) семантическое поле нейтральных глаголов движения.

Исходя из диалектных материалов можно выделить еще такие семантические классы: глаголы преодоления преграды в движении; глаголы движения по определенной среде, которые составят предмет специальных исследований.

Трудность выделения глагольных лексем состоит в том, что глаголы движения в диалектах и говорах башкирского языка тесно связаны с глаголами действия. Это обусловлено, прежде всего, самой реальностью: глаголы движения могут входить в семантические поля глаголов действия. Например, глагол *йелпенеу* — первое значение 'развеваться' (глагол действия), а второе — 'то опускаться, то подниматься' (глагол движения).

По данным «Словаря башкирских говоров» возможно составление словаря-минимума глаголов движения (см. Приложение).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Словарь-минимум глаголов движения башкирского языка

Словарь-минимум составлен по данным «Словаря башкирских говоров»⁷. Он позволяет определить наиболее распространенные в диалектах и говорах башкирского языка типы глаголов движения. В основу словаря-минимума положен функционально-полевой принцип, т. е. глаголы движения распределены по семантическим полям (семантическое поле глаголов движения по горизонтали, семантическое поле глаголов движения по вертикали и т. д.), которые, соответственно, подразделяются на классы и микроклассы.

Основной принцип подачи глаголов — семантический принцип: глаголы движения в пределах класса подаются по объему семантической нагрузки, т. е. по мере постепенного усиления значения. Например, если глагол *калтандау* означает робкую попытку движения ребенка, то *айаклануу* подчеркивает уже

начальную стадию движения ребенка, но совершаемую с определенной уверенностью. Таким образом, возникает некоторый иерархический микроряд *калтандау*→*айакланыу*.

Структура словарной статьи отличается своей оригинальностью, так как включает: а) нумерацию; б) глагол; в) значение (в русском варианте): г) источник; д) пометы. Например, 1. 4. (4) *базыу* — ступать (кармаскалинский говор, южный диалект); фонетический диалектизм (лит. вариант *баָсуу*). При более дифференцированном подходе получим: а) 1 (номер семантического поля), 4 (номер глагола в данном семантическом поле), (4) (порядковый номер глагола в словаре-минимуме); б) глагол — *базыу*; в) значение — ступать; г) источник — кармаскалинский говор южного диалекта; д) помета — фонетический диалектизм — лит. вариант *баָсуу*.

Словарь-минимум включает 95 единиц глаголов движения и 7 глаголов действия, близких к ним по значению.

1. Семантическое поле глаголов движения по горизонтали

1. 1. (1) *кереу* — входить (айский, аргаяшский, сальютский, миасский говоры, восточный диалект; тюйский, средний, таныпский, демский, караидельский говоры, южный диалект, 2-е значение).
1. 2. (2) *кайтауаннау* — часто ездить домой (бурзянский говор, южный диалект).
1. 3. (3) *кайтауылдау* — вернуться, возвращаться (миасский говор, восточный диалект).
1. 4. (4) *базыу* — ступать (кармаскалинский говор, южный диалект); фонетический диалектизм (лит. вариант *баָсуу*).
1. 5. (5) *айакһыу*,
1. 6. (6) *айаксылау* — много ходить (айский, кызылский говоры, восточный диалект).

Микрокласс с дифференциальной семой «движение/начало движения с некоторыми особенностями, характерными ребенку»

1. 7. (7) *калтандау* — попытка ребенка двигаться (ходить) (кызылский говор, восточный диалект, 1-е значение).
1. 8. (8) *айакланыу* — начальная стадия передвижения ребенка, но уже с уверенностью (таныпский говор, южный диалект).
1. 9. (9) *тэпэйләу* — с положительной оценкой к началу движения ребенка (айский говор, восточный диалект; инзерский говор, южный диалект); эмоциональный оттенок.

Микрокласс с дифференциальной семой «особенности движения по горизонтали»

1. 10. (10) *шылышыу* — ползать (миасский говор, восточный диалект; бурзянский, демский, икский говоры, южный диалект).
1. 11. (11) *йылышыу* — синоним предыдущего глагола (караидельский говор, южный диалект); фонетический диалектизм.
1. 12. (12) *акһаузау* — хромать (кубалакский говор, южный диалект).
1. 13. (13) *асқандау*,
1. 14. (14) *аксандау* — синонимы предыдущего глагола (кызылский, айский говоры, восточный диалект); фонетические диалектизмы.
1. 15. (15) *тупсаңнау* — прихрамывать (икский, сакмарский говоры, южный диалект).
1. 16. (16) *моканнау*,
1. 17. (17) *мукайлау* — ходить на четвереньках (тюйский говор, южный диалект); фонетические диалектизмы.
1. 18. (18) *мукәйәу* — синоним предыдущих глаголов (демский говор, южный диалект).
1. 19. (19) *мөкәйләу* — фонетический вариант глагола мукәйәу (басувский говор, южный диалект).
1. 20. (20) *дүрттағандау* — ходить на четвереньках (айский, кубалакский говоры, восточный диалект).
1. 21. (21) *бәүкәлдәу* — качаться при ходьбе (миасский говор, восточный диалект).
1. 22. (22) *талпаннау* — ходить раскорякой (средний говор, южный диалект).
1. 23. (23) *кәңгелдәу* — шататься (айский говор, восточный диалект; демский, куюргазинский говоры, южный диалект).
1. 24. (24) *йаңбашлау* — шагать вертлявой походкой (басувский говор, южный диалект).
1. 25. (25) *һулпандау*,
1. 26. (26) *һалпандау* — идти, переваливаясь с ноги на ногу (айский говор, восточный диалект), фонетические диалектизмы — варианты.
1. 27. (27) *ашактау* — семенить (аргаяшский говор, восточный диалект).
1. 28. (28) *сәпәтеү* — виражировать (айский говор, восточный диалект).
1. 29. (29) *бастырыклау* — ходить по пятам (инзерский говор, южный диалект).

2. Семантическое поле глаголов темпа движения

А. Семантический класс глаголов замедленного темпа движения

2. 1. (30) тертәннәү — ослабеть, еле ходить (инзерский, тюйский говоры, южный диалект).
2. 2. (31) һапсау — еле двигаться (средний говор, южный диалект).
2. 3. (32) мөлкөлдәү — медленно двигаться (айский говор, восточный диалект).
2. 4. (33) тунқандау — двигаться через силу, напрягаться (айский, кубалаякский говоры, восточный диалект).
2. 5. (34) кәкәндәү — очень медленно двигаться (айский говор, восточный диалект).
2. 6. (35) б..//...пайпаңлау — качаясь, еле волочить ноги (икский говор, южный диалект).
2. 7. (36) тазырандау — ходить с большим животом, медленно его волоча (кызылский говор, восточный диалект).
2. 8. (37) һәлпәндәү — еле ходить с большим, болтающимся из стороны в сторону животом (сальютский говор, восточный диалект).
2. 9. (38) мыймылдау — делать умеренные движения (кызылский говор, восточный диалект).

Б. Семантический класс глаголов ускоренного темпа движения

2. 10. (39) тумдырау — ходить очень быстро (караидельский говор, южный диалект).
2. 11. (40) оlandaу — бегать, бежать (айский говор, восточный диалект, 2-е значение); фонетические варианты.
2. 12. (41) озандау — быстро бежать (ик-сакмарский говор, южный диалект).
2. 14. (43) сыптырыу, 2. 15. (44) һыпыртыу — убежать в стремительном темпе (демский говор, южный диалект); фонетические варианты.
2. 16. (45) һалдырыу — бежать без оглядки, наутек, с полной самоотдачей (бурзянский, средний говоры, южный диалект).
2. 17. (46) зайлау — проноситься быстро, со свистом (басувский говор, южный диалект).
2. 18. (47) баһтырыу — гоняться (кызылский говор, восточный диалект).

2. 19. (48) бақтырышыу — гнаться друг за другом (аргаяшский, миасский говоры, восточный диалект; инзерский говор, южный диалект).

Микрокласс глаголов с ускоренным темпом движения, характеризующих бег лошади

2. 20. (49) мыймылдатыу — плавно понестись — помчаться (бурзянский говор, южный диалект).
2. 21. (50) сабауылдау — бег, сменяющийся ходьбой (кызылский, кубалаякский говоры, восточный диалект).
2. 22. (51) йуғыртыу — бежать рысью (кубалаякский говор, восточный диалект).
2. 23. (52) тезэңнәу — идти иноходью (иргизский говор, южный диалект).
2. 24. (53) сакмалау — идти иноходью и при этом подпрыгивать (аргаяшский, миасский говоры, восточный диалект).
2. 25. (54) сабыулау — скакать во всю мощь (инзерский говор, южный диалект).

3. Семантическое поле глаголов движения по вертикали

А. Семантический класс глаголов движения по вертикали вверх

3. 1. (55) ауалау — подниматься на небо или наверх (кызылский говор, восточный диалект; бурзянский, ик-сакмарский говоры, южный диалект).
3. 2. (56) һауалау — подниматься вверх (инзерский говор, южный диалект).
3. 3. (57) сирпеп менеу — подниматься вверх по веревке (инзерский говор, южный диалект).

Б. Семантический класс глаголов движения по вертикали вниз

3. 4. (58) колау — упасть, свалиться (кызылский, кубалаякский говоры, восточный диалект), произвольное движение вниз.
3. 5. (59) аунау — свалиться, упасть (айский, аргаяшский говоры, восточный диалект); демский говор, южный диалект; характеризует движение вниз тяжелого, крупного субъекта.
3. 6. (60) осоу — падать (миасский говор, восточный диалект; сакмарский говор, южный диалект); эмоциональное отношение к процессу.

3. 7. (61) тэгэрэү — падать (все говоры восточного диалекта; юрматинский говор, восточный диалект); имеют экспрессивный оттенок; фонетические диалектизмы.
3. 8. (62) тэңэрэү — падать (демский говор, южный диалект).
3. 9. (63) сүгеү — валиться (инзерский говор, южный диалект).
3. 10. (64) жөңкөү — нырнуть (инзерский говор, южный диалект).
3. 11. (65) түбәннәү — перемещение рыб (умеренный спуск вниз) на зимовье (ик-сакмарский говор, южный диалект).
3. 12. (66) суңкалау — падать задком (сакмарский говор, южный диалект).
3. 13. (67) умактау — упасть через голову (миасский говор, восточный диалект).

4. Семантическое поле нейтральных глаголов движения

4. 1. (68) һәмкелдәү, — колебаться (кызылский говор, восточный диалект); фонетические диалектизмы.
4. 2. (69) һәмгелдәү — колебаться (кызылский говор, восточный диалект).
4. 3. (70) эйеү — синоним предыдущих глаголов (кызылский говор, восточный диалект).
4. 4. (71) сусаннау — качаться (средний говор, южный диалект).
4. 5. (72) калканнау — качаться (о доске) (средний, ик-сакмарский говоры, южный диалект).
4. 6. (73) калкандәү — то подниматься, то опускаться (о доске) (кызылский, кубалакский говоры, восточный диалект).
4. 7. (74) сәмгелдәү — колебаться (кызылский, кубалакский говоры, восточный диалект).
4. 8. (75) аушаннау, — качаться (ик-сакмарский говор, южный диалект).
4. 9. (76) аушаныу — качаться (кубалакский говор, восточный диалект).
4. 10. (77) тибрәнеү — качаться (кубалакский говор, восточный диалект).
4. 11. (78) өрөлөү — вращаться (кызылский, кубалакский говоры, восточный диалект).
4. 12. (79) айзаныу, — кружиться (кызылский говор, восточный диалект).
4. 13. (80) әйзәнеү — кружиться (кызылский говор, восточный диалект).
4. 14. (81) тезләү — течь ручьем (инзерский говор, южный диалект).
4. 15. (82) кондорау — течь и светить ярким светом (северо-восточный говор, восточный диалект).
4. 16. (83) сөбәрзәү — течь сплошным потоком (айский, миасский говоры, восточный диалект).
4. 17. (84) түгәрзәү, — непрерывное движение ' круглого

4. 18. (85) түкмәсеү, — предмета или человека с такой
 4. 19. (86) дәнәрәү, — внешностью (все говоры восточного
 4. 20. (87) тумалау, — диалекта; сакмарский, икский гово-
 ры южного диалекта).
4. 21. (88) бузамыккла — тронуться (о льде) (сакмарский говор,
 ныу, — южный диалект).
4. 22. (89) ырғандау, — прыгать (айский говор, восточный
 4. 23. (90) тарзандау — диалект).
4. 24. (91) олағыу — уйти очень далеко (айский говор,
 восточный диалект).
4. 25. (92) бутау — исходить вдоль и поперек (кара-
 идельский говор, южный диалект).
4. 26. (93) ишеу — странствовать, путешествовать (арга-
 яшский говор, восточный диалект).

5. Глаголы, относящиеся к другим семантическим полям глаголов движения

5. 1. (94) кәлейеу — пикировать (бурзянский говор, юж-
 ный диалект; аргаяшский говор, вос-
 точный диалект).
5. 2. (95) сипәләу — моросить (миасский, айский говоры,
 восточный диалект); литературный
 вариант *һибәләу*; фонетический
 диалектизм.

6. Глаголы действия, близкие по значению к глаголам движения

6. 1. (1) кыйгалау, — скользить (средний говор, южный
 6. 2. (2) шыйыу — диалект).
6. 3. (3) һуқаңнау — то тонуть, то всплывать (демский
 говор, южный диалект).
6. 4. (4) түлдәу — убежать (кызылский говор, восточ-
 ный диалект).
6. 5. (5) йелпенеу — развеяться (средний говор, южный
 диалект).
6. 6. (6) туқаңнау — быть подвижным (демский говор,
 южный диалект).
6. 7. (7) кунаклау — сесть на насест (демский говор, юж-
 ный диалект).

¹ Словарь башкирских говоров: В 2 т. Т. 2: Южный диалект/Под ред. Н. Х. Максютовой. Уфа, 1970. С. 288.

² *Темішев Э. Р.* Глаголы движения в тюркских языках//Историческое развитие лексики тюркских языков. М.: Наука, 1961. С. 232—294.

³ *Максютова Н. Х.* Восточный диалект башкирского языка в сравнительно-историческом освещении. М.: Наука, 1976. 292 с.; *Башшев Т. Г.* Башкирские диалекты, в их отношении к литературному языку. М.: МГУ, 1955. 112 с.; *Башкирская лексика*: Тематический сборник. Уфа, 1966. 224 с.; *Миржанова С. Ф.*

Южный диалект башкирского языка. М.: Наука, 1979. 272 с.; Ишбулатов Н. Х. Башкирская диалектология: Учебное пособие. Уфа, 1979. Ч. I. 88 с. (на башк. яз.); Уфа, 1980. Ч. II. 74 с.

⁴ Максютова Н. Х. Восточный диалект башкирского языка в сравнительно-историческом освещении. С. 265.

⁵ Там же. С. 262.

⁶ Там же. С. 259.

⁷ Словарь башкирских говоров: В 2 т. Т. 1: Восточный диалект/Под ред. Максютовой Н. Х., Ишбулатова Н. Х. Уфа, 1967. 300 с.; Т. 2: Южный диалект/Под ред. Максютовой Н. Х. Уфа, 1970. 327 с.

Л. В. Данилова

О НАЗВАНИЯХ ЧУВАШСКИХ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ БАШКИРСКОЙ АССР

При изучении названий чувашских населенных пунктов* Башкирской АССР нельзя обойти молчанием такой весьма важный и сложный вопрос, как процесс взаимодействия и взаимовлияния различных языков, диалектов и говоров на территории Башкирской АССР. Необходимо подчеркнуть, что эти процессы происходили на уровне диалектов, а не литературных языков, и поэтому при объяснении определенных лингвистических фактов непременным условием является сравнение диалектных данных.

Исследователями (Р. Шакуров, А. Камалов, Л. П. Сергеев, И. Андреев и др.) было установлено, что в топонимии районов, заселенных чувашезычным населением, выделяются следующие пласты: тюркские (этимологию их можно объяснить материалами башкирского и татарского языков), русские и интернациональные, а также собственно чувашские.

В данной статье мы задались целью проанализировать тюркский пласт в названиях чувашских населенных пунктов Башкирской АССР.

Сложность изучения данного вопроса заключается, во-первых, в том, что контактировавшие здесь диалекты и говоры чувашского, башкирского и татарского языков являются близкородственными; во-вторых, каждый из этих языков представлен различными диалектами и говорами. Так, чувашский здесь представлен низовым, верховым и промежуточным диалектами; башкирский — восточным, западным и южным диалектами; татарский — западным (мишарским), средним и восточным. Эти диалекты на территории Башкирской АССР имеют множество

---

* Этот термин здесь мы употребляем намеренно, потому что термин «чувашские ойконимы» может быть понят как «чувашский слой топонимов». Представляет также большой интерес чувашские варианты названий татарских и башкирских населенных пунктов. К сожалению, этот вопрос пока остается вне поля зрения ученых, хотя его изучение предоставил бы большой материал для чувашского языкознания при освещении исторической фонетики.

говоров и подговоров, характеризующихся как фонетическими, так и лексическими особенностями.

Представители различных чувашских диалектов и говоров чаще всего имели контакты с демскими башкирами, башкирами-табынцами и минцами, крещеными татарами (представители мишарского и среднего диалекта), и, следовательно, в лексике, в том числе и топонимии чувашских говоров, обнаруживаются характерные для их языка особенности.

Привлекая материалы названий чувашских населенных пунктов Башкирской АССР, попытаемся рассмотреть прежде всего процесс заимствования — закономерного явления, возникающего при взаимодействии и взаимовлиянии языков и попытаемся это доказать, опираясь на структурные, этимологические и фонетические особенности названий чувашских населенных пунктов.

В связи с вышесказанным необходимо сделать некоторое отступление.

В топонимии ведется полемика относительно проблемы, как называть иноязычный слой топонимов каждого народа. Э. Бегматов, посвятивший данному вопросу специальную статью, а вслед за ним — его ученик С. Наимов считают, что при оценке «заимствованности» топонимической лексики необходимо учитывать следующий фактор — принадлежность творцу, т. е. кем, каким народом были даны эти названия¹.

По мнению этих ученых, использование иноязычного апеллятива для номинации топонимов не означает, что данный топоним заимствован из других языков. Действительно, в топонимии Узбекской ССР часто встречаются такие ойконимы, как Нурабад, Галаба, Гулистан и др., которые образованы использованием персидско-таджикских апеллятивов *нур* 'луч', 'светлый', *галаба* 'победа, успех', *гул* 'цветок', но творцом названий этих объектов являются узбеки, следовательно, их нужно отнести к узбекскому слою топонимии Узбекистана.

В целом присоединяясь к мнению этих авторов, хочется здесь конкретизировать один момент. Языковые, а также исторические процессы, происходившие на различных территориях, не были идентичны. И поэтому, на наш взгляд, оценка заимствованности топонимической лексики, во-первых, должна проводиться, исходя из объективных условий и объективных данных. Ибо критерии, предложенные одними учеными, могут быть не приемлемыми для других территорий. Во-вторых, не всегда в топонимии удастся установить народа-создателя или творца топонимов. Это особенно относится к древнему слою. Возьмем, к примеру, чувашское название населенного пункта Башкирской АССР — Эре хёрри ялё или Эре хёрри (в официальных документах значится как с. Нижне-улу-Елга Еркекеевского района). Данное селение существует приблизительно 300 лет, следовательно, и его название имеет такой же возраст.

Однако, как свидетельствуют исторические документы, «деревня Улу-Илга расположена на речке Ря». Значит, чувашское название Эре хёрри (букв. деревня на берегу Эре) представляет собой вариант гидронима Ря. Такое изменение произошло за счет протетического перед сонорными гласного, характерного для тюркских языков: чуваш. *ыраш* — рус. рожь, *ёрет* — ряд и др. По сведениям дореволюционных историков В. Э. Ден², Д. П. Европеуса, Р. Г. Игнатьева³ и др., на территории современной Башкирской АССР проживали угры, югры (т. е. угро-финские племена), следовательно, их след обнаруживается в названиях рек, различных водоемов и др. В связи с этим не лишне вспомнить, что в произведении греческих писателей, по данным И. В. Лыткина, Волга называлась Ра (у Птоломея, Марцелленуса — Ра, у Агафемероса — Рас), у мордвы Рав, Раво, Рава «Волга», «река», и считается старым финно-угорским словом⁴.

По нашему мнению, этот гидроним на территории Башкирской АССР имеет более древние корни, возможно, индоевропейские, если не рассматривать его на ностратическом уровне, ср. в древнегреческом *rus* 'сильное течение реки'.

Следовательно, установление народа-создателя или языка-источника топонимии требует проведения специальных историко-этимологических исследований, а результаты их не всегда могут быть однозначными. Существование лексических параллелей в широком ареале распространения объясняется рядом причин: 1) наличием миграционных терминов, а также топооснов; 2) генетическим фактором; 3) типологическим сходством слов в разносистемных языках.

Необходимо отметить, что в настоящее время на территории Башкирской АССР насчитывается около 240 населенных пунктов, в которых проживают чуваша (компактно или в смешении с представителями других народов). Как известно, чуваша компактно стали заселяться на башкирских землях начиная с середины XVII в. и, по материалам переписи 1870 г., здесь уже насчитывалось 79 населенных пунктов.

По нашим данным, из 240 названий населенных пунктов более 20% являются заимствованными из башкирского и татарского языков. Но это процентное соотношение в XIX в. было иное и составляло почти 85%. Башкирские названия давались обычно деревням по названиям рек и урочищ, на которых они селились. «Так как башкиры суть древние обитатели края, то главным образом названия вод, урочищ и пр., принадлежат им, а затем уже русским и прочим переселенцам»⁵. Поэтому из 79 названий чувашских населенных пунктов, которые вошли в перепись населения 1870 г., 55 имели башкирские названия наряду с русскими. Например, таковы названия деревень Камышлы (Алмантаева), Ильтерьякова (Бегенеш), Николаевка (Именликулева), Кистенли (Ивановка), Кистенли (Богдановка Верхняя), Васильевка (Бызык), Бижбуляк, Седякбаш (Яковлевка), Мат-

веевка (Елбулак). Васильевка (Кекень-Илга), Новая Карамала (Кызыл-яр-тамак) и др.⁶

Чувашский комоним Кекен произошёл от башкирского гидронима Кекен йылга, Именлекуль — от Имәнли күл, Кайракла от Кайраклы. Происхождение чувашского гидронима Елей (сырми) можно объяснить на материале башкирского языка Чувашский ороним Кайкәр (варё) происходит из башкирского *кый-гир* 'степь' и др. (К сожалению чувашские топонимы Башкирии мало изучены, этим в свое время попутно занимались Р. Шакуров, А. Камалов⁷, но отсутствуют специальные исследования, посвященные данной теме).

В составе ойконимов имеются элементы и топоформанты, отсутствующие в чувашском языке и его диалектах. Например, слово чишма в комонимах Сукчишма, Яланчишма в чувашском языке отсутствует, оно наличествует в татарском в виде *чишма*, башкирском *шишма* в значении 'родник'. В данном значении в чувашском языке и его говорах употребляются *çал//çал куç* 'родник; источник'. Элемент *алка//йалка* в составе названий чувашских населенных пунктов как Хушалака, Уйалака, Кайаналака также может быть объяснен лишь на материале башкирского языка. Так, в башкирском *йылга* обозначает «река», а в значении *йылга* в чувашском языке и его диалектах употребляется слово *сырма*.

Многие названия чувашских населенных пунктов восходят к башкирскому языку-основе. Ср.: Нартасы ялэ — *Нарат асты* 'под сосной', Түртүль ялэ Дюртюли — *дүрт өйлө* 'имеющий четыре дома', Уйалка — *уйалкы* 'низменная местность', Суккул ялэ — *сууык күл* 'холодное озеро', Пишпёлек/Бижбуляк — *биш-бүләк* 'пять наделов; пять участков леса', Ямансас/Ямансас — *йаман һаз* 'непроходимая топь', Пайкилтё/Байгильдино — *бай килде* 'богатый пришел', Пишкайән/Бишкаин — *биш кайын* 'пять берез' и др.

Некоторые названия чувашских населенных пунктов сохранили характерные фонетические особенности контактирующих диалектов и говоров. В частности, это относится к *ч > с*, *й > з*, *к > х*, *с // з > д*.

Л. П. Сергеев пишет, что целевой глухой согласный *ч* в чувашских говорах башкирской АССР заменяется чувашским фрикативным *ç* (т. е. *ç*), и приводит примеры: *пăçрат* 'пачкать' (пычрат), *пăçарăк* 'грязь' (пычрак), *каракаç* 'лиственница' и др.⁸

Отдельные чувашские названия населенных пунктов сохранили в себе особенности йекающего наречия. Ср.:

Чувашский гидроойконим	Русский вариант гидронима и топонима	В языке источнике
Йёркен(чэ)	Зирган	Йергән
Йёкен(пуç)	Зиган	Егән//Йегән//Зиган
Йерёккү//Йёрёкку//	Зириково	Йерек//Ерекле
Йереккү		йерек 'ольха'
(Пёчэк) Йенкрель	(Мало) Зингереево	?

В то же время в таких чувашских ойконимах, как *Ҫирёклё* (русск. *Зириклы*) и *Ҫирёклё раҫсулки* (пос. *Зириклы*) и др., сохраняется чувашское произношение *ç*, наряду с тем, что в башк. *Йерекле тамак* — чув. *Ҫирёклётамак*. *Йеканье* свойственно для башкирского литературного языка.

Еще одно интересное фонетическое явление представляет собой *к > х*. Обычно общетюркские лексемы с фонемой *к* соответствуют в чувашском языке словам на *х*: *кыз > хёр* 'девушка', *кондоз > хантёр* 'бобр', *кыш > хёл* 'зима' и др. Этой закономерности подчинились и некоторые чувашские кононимы Башкирии. Ср. *Ахпуҫ* (башк. *Ык*), *Хушӑлка* (башк. *Кушыйлга*), *Хӑмӑшлӑкуль* (башк. *Камышлыкүл*), *Хурамал* (башк. *Карамалы*) и др. Однако довольно много названий чувашских населенных пунктов по этой линии не претерпели никаких изменений, ср. *Кайраклӑ* (тюрк. *кайраклы*), *Кекен* (*Кекен-илга*), *Кутеме*, *Куганак* (башк. *Куганаң*), *Кантасла* (*Кондозлы*), *Каратмас* (*Корятмас*).

Об употреблении фонемы *к* в чувашских говорах Башкирской АССР *Сергеев Л. П.* пишет, что в отдельных словах вместо ожидаемого проточного *х* произносится смычный *к*: *каш* 'который', *зрек* 'водка' и др., и что употребление *к* вместо *х* надо рассматривать здесь как вторичное явление, а не архаизм, и оно восстановилось, по его мнению, под влиянием татарско-башкирской фонетической системы в результате двуязычия носителей говоров⁹.

Мы в свою очередь можем сказать, что приведенные нами выше ойконимы на *к* не представляют собой вторичное фонетическое явление, а заимствованы из башкирского и татарского языков без изменения в том виде, как они употребляются в языке-источнике.

Еще одним интересным фонетическим явлением можно считать *с ~ з > д*. Произношение названия чувашского населенного пункта *Нукасак* отличается от официально-делового (русск. *Нагадак*). По нашему мнению, здесь явное отражение башкирского произношения, в котором закономерным является *д > з*, например, *Сазаклы* — *Садаклы*, *Ишбирзе* — *Ишбирде*, *Изель* — *Идель*, *Изрес* — *Идрис* и др. По всей вероятности, чувашский ойконим произошел из башкирского антропонима *Нуғазак*// *Нағазак*.

Все описанные выше фонетические явления, т. е. *ч > с*, *с/з > д* и др., характерны для южного диалекта башкирского языка¹⁰, с представителями которого чуваша жили в течение нескольких веков в тесном контакте.

Процесс взаимовлияния и взаимодействия различных языков, диалектов и говоров на территории Башкирской АССР породил еще одно интересное фонетическое явление, т. е. *б > н > б*, *д > т > д*, *з > с > з*. Если вышеописанные явления (т. е. *б > н*, *д > т*, *з > с*) в основном были продуктами предшествующей эпохи развития чувашской топонимической системы Башкирской АССР,

то последние ($n > б$, $t > д$, $c > з$) — результат современного взаимовлияния.

Л. П. Сергеев в своей статье, посвященной татарским и башкирским изоглоссам в чувашском языке, отмечает явление субституции ($б > n$) начальных звонких в словах типа башк. *бабай* > чув. *папай*, башк. *байтал* > чув. *пайттал* и др.¹¹

Такое явление в дореволюционный период заимствования иноязычных слов происходило повсеместно и распространялось оно и на заимствования из русского языка, ср. *бочка* > *пичке*, *бревно* > *пёрене*. Как отмечал В. Г. Егоров, в чувашском языке преобладают глухие шумные согласные. Исключительно глухое произношение их утвердилось здесь в качестве фонетических законов, не допускающих исключения, в следующих пяти случаях: 1) в абсолютном начале слова, 2) в абсолютном конце слова, 3) перед всеми согласными — перед шумными и сонорными безразлично, 4) после шумных согласных, 5) в звонком положении, когда шумные согласные являются долгими¹².

В связи с этим чувашской адаптации, естественно, подвергались и иноязычные топонимы. Ойконимы Бишкаин, Бижбуляк, Белебей, Дюртюли и другие произносились в чувашских говорах Башкирской АССР как Пишкаин, Пишпёлек, Пелепей, Түртүльялэ и др.

Однако в последние годы нам приходилось наблюдать обратное явление — звонкое произношение начальных согласных в вышеприведенных же топонимах: Бишкаин, Белебей, Бижбуляк, Дюртюли и др. Безусловно, это вторичное явление и оно связано со следующими экстралингвистическими факторами: 1) в годы Советской власти с массовым проникновением русских и интернациональных слов произошло усвоение чуждых для чувашского языка звуков: *б*, *г*, *д*, *з*, *ж*, *ц*, *ч*, *ф* (в связи с этим алфавит чувашского языка пополнился новыми буквами, обозначающими их). Теперь русские слова бригадир, адмирал, доктор, центнер, гектар и многие другие чувашами произносятся и пишутся так же, как и в русском. Это создало возможность в свою очередь усваивать иноязычные слова, не подвергая чувашской адаптации; 2) повышение общеобразовательного уровня, стойкое и интенсивное развитие чувашско-русского двуязычия, окружающая языковая среда, а также письменная речь (как известно, многие официальные названия чувашских населенных пунктов отражают не чувашское произношение, а скорее всего башкирское, татарское и русское) оказывают сильное влияние на чувашскую речь, в связи с чем происходит такая фонетическая интерференция.

Сложная языковая среда на территории Башкирской АССР, где, с одной стороны, сталкивались представители неродственных языков (мордва, марийцы, эстонцы, русские, калмыки и др.), с другой — близкородственные (татары, башкиры и чувашаи), отразилась и на топонимии данного края, в свою очередь ее влияние обнаруживается и в названиях чувашских населенных

пунктов. Чуваши, как представители более позднего населения, прежде всего полностью восприняли предшествовавшую им топонимическую систему башкир, и поэтому этимология многих чувашских комонимов может быть объяснима лишь привлечением материалов башкирского языка и его диалектов. Впоследствии происходило развитие и обогащение чувашских комонимов за счет средств чувашского и русского языков.

Многовековое башкирско-чувашское контактирование отразилось на лексике, а также фонетических особенностях чувашских говоров Башкирской АССР. В послереволюционный период сильное влияние на эти говоры оказывает русский язык, а также современный чувашский литературный язык. Но влияние русского языка на чувашские говоры Башкирии гораздо сильнее, чем на чувашские диалекты Чувашской АССР, и поэтому здесь происходят фонетические явления, не свойственные территориальным диалектам. Наряду с этим мы склонны считать, что некоторые фонетические явления в этих говорах отражают не языковые процессы, происходившие в самих чувашских говорах, а процессы, которые произошли в говорах башкирского и татарского языков. То есть, многие лексические единицы, в частности топонимы, позволяют нам более или менее уверенно говорить о процессе взаимодействия этих языков. При этом в названиях чувашских населенных пунктах сохранились следы древнего состояния контактировавших говоров.

---

¹ Бегматов Э. Топонимияда уз ва ўзлашган катлам масаласи//Ўзбек тилининг лексик-грамматик хусусиятлари: (Вопросы собственного и заимствованного пласта в топонимии). Ташкент, 1981. С. 71; Найимов С. Н. Ойконимы Бухарской области: Автореф. дис... канд. филол. наук. Ташкент, 1984. С. 14.

² Ден В. Э. Население России по пятой ревизии//Ученые записки Московского университета. М., 1902. Т. 2. С. 203.

³ Игнатъев Р. Г. Названия вод, урочищ и проч. как памятник югров в Уфимской губернии//Записки Оренбургского отдела императорского Русского географического общества. 1881. Вып. IV. С. 118—169.

⁴ Лыткин В. И. К этимологии слов угры и югры//Этимология — 1968. М., 1971. С. 205.

⁵ Уфимские губернские ведомости. 1876. 5 марта.

⁶ Здесь написание этих ойконимов дано в соответствии с документами переписи 1870 г. См.: Списки населенных мест по сведениям 1870 г. Т. 44. Уфимская губерния. Спб., 1877.

⁷ Шакуров Р. З. Топонимия бассейна реки Демы: Дис. ...канд. филол. наук. М., 1973; Словарь топонимов Башкирской АССР-Башкорт АССР ының топонимдәр һүзлеге. Уфа, 1980; Камалов А. А. О топонимии Башкирии//Советская тюркология. 1980. № 1.

⁸ Сергеев Л. П. Татарские-башкирские изоглоссы в чувашском языке//Расцвет, сближение и взаимообогащение культур народов СССР. Уфа, 1970. С. 255.

⁹ Сергеев Л. П. Указ. соч. С. 253.

¹⁰ Миржанова С. Ф. Южный диалект башкирского языка. М.: Наука, 1979.

¹¹ Сергеев Л. П. Указ. соч. С. 249—257.

¹² Горшков А. Е. Роль русского языка в развитии и обогащении чувашской лексики. Чебоксары, 1963. С. 124; Егоров В. Г. Современный чувашский литературный язык. Чебоксары, 1971. С. 25.

НАЗВАНИЯ ГОЛОВНЫХ УБОРОВ В ГОВОРАХ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА

Разряд лексики, включающий наименования головных уборов, в башкирских диалектах даёт достаточное основание для суждения о богатстве и разнообразии профессиональной лексики башкирского языка.

В говорах башкирского языка сохранились названия старинных, ныне уже не существующих головных уборов, которые постепенно переходят в пассивный словарный фонд.

Названия головных уборов башкир можно разделить на следующие группы: а) названия головных уборов, которые надеваются на голову; б) названия головных уборов, которые накрываются на голову (различные шали и платки).

К названиям первой группы относятся следующие виды головных уборов.

Бүрек* круглая меховая шапка, покрытая черным сукном; шьется всегда из бараньего меха с выпушкой из меха бобра или лисицы и одевается поверх тюбетейки. Этот вид национального головного убора функционирует на всей территории распространения башкирского языка.

Кама бүрек — шапка, отороченная мехом выдры. Варианты *кама бүрек*, *камалы бүрек* также функционируют на всей территории распространения башкирского языка.

Камсат бүрек — букв. камсат 'камчатский', бүрек 'шапка'. Камсат бүрек шьется с бархатным верхом, оторачивается мехом камчатского бобра. Эту шапку носят и мужчины, и женщины, чаще носят старухи поверх платка. Как женский головной убор, камсат бүрек распространен в восточной и южной части республики, а за пределами Башкирии — у челябинских башкир.

---

* Материалы извлечены из диалектологического фонда отдела диалектологии и топонимики Института истории, языка и литературы ВНЦ УрО АН СССР.

Колаклы бүрек 'шапка-ушанка' — шапка на меху с широкими наушниками и плотно прилегающей задней частью. Варианты *колаксын бүрек*, *колаксынды бүрек* функционируют в западной и северо-восточной части республики.

Кырпыулы бүрек — шапка с оторочкой. Его варианты *кыр-ма бүрек*, *кыр-пыу-һыз бүрек* распространены в северной, северо-западной, северо-восточной частях республики, а в центральных и южных районах — *кырпыузы кәпәс*, *кыр-мый кәпәс*, *кыр-маулы гәпәс*.

Тәүкәл бүрек — стеганная на вате круглая шапка, отороченная мехом (иногда и без меха), которая распространена в демском, инзерском, тапыпском регионах.

Тырпыса бүрек — стеганная на вате круглая шапка, отороченная каким-нибудь мехом; зафиксирована на северо-восточном регионе республики.

Колаксын — шапка-ушанка, букв. 'колак 'уши', -сын словообразовательный аффикс. Колаксын шьется из бараньего или лисьего меха и покрывается черным или красным сукном, с небольшим козырьком впереди, длинными ушами, прикрывающими боковые части лица, затылок, шею и лоб. Исключительно зимняя шапка — *колаксын* распространен в горах южного Урала, повсюду за Уралом, особенно на юге и изредка на юго-западе Башкирии¹. В говорах встречаются следующие варианты — *колакты гәпәс*, *колаксынды гәпәс*, *колаксык*, *колаксан*, *колакса*, *колаксын кәпәс*, *колак кәпәс* и др.

Тире кәпәс — букв. шкура + шапка. Шьется из меха ягненка, покрывается черной материей с выпушкой того же меха. Этот термин функционирует в юго-восточном регионе республики.

Төлкә кәпәс — лисья шапка с бархатным верхом, отороченная лисьим мехом, а внутри на бараньем меху; исключительно зимняя шапка, распространена повсеместно.

Кейез гәпәс — войлочная шапка. В говорах встречаются обозначения двух форм войлочных шапок: полушаровидные с полями умеренной величины, которые распространены в северо-восточных регионах; конусообразные, с небольшими полями, главным образом распространены в западной и северо-западной части республики.

Корайыш — мужская шапка, сшитая из материи и отороченная мехом. Варианты — *корайыш кәпәс*, *хәрәйеш* распространены в ик-сакмарском, караидельском, среднем говорах южного диалекта, а также в говорах башкир Оренбургской области.

Көләпәрә — меховая или ватная шапка в форме капюшона, с острым верхом, закрывающая уши, шею. Варианты — *көләпә*, *колапара* функционируют в ик-сакмарском, среднем говорах южного диалекта.

Малахай — шапка-ушанка, шьется из меха молодого барана с широкими наушниками и обшивается зеленым бархатом. Ма-

¹ Руденко С. И. Башкиры. Л.: Наука, 1925. Ч. 2. С. 124.

лахай распространен в среднем, а *колаклы малахай* — в ик-сакмарском говорах южного диалекта.

Тупый — в основном стеганная на вате шапка, отороченная мехом, иногда и без меха. В центральных и южных районах республики *тупый* является мужским головным убором, в этих регионах встречается вариант *колаклы тупый* 'шапка-ушанка'. В северных и северо-восточных районах республики вязанную из шерсти шапку называют *тупый*, она является женским головным убором.

Кэләпуш — букв. *кәллә* (перс.) 'голова', *пуш* — 'покрывать'. *Кәләпуш* — древний женский головной убор с украшенным наспинником. Варианты — *калапуш*, *кәләпә*, *кәләпәш* распространены в основном в бассейне р. Демы.

Түбәтэй 'тюбетейка', образовано от *түбә* 'макушка' и словообразовательного аффикса *-тэй*. *Түбәтэй* в одних говорах является мужским, в других — женским головным убором. Мужчины обычно носят *түбәтэй* под шапкой, а женщины — под платком или под кушъяульком. В северо-восточных и северо-западных районах республики *түбәтэй* надевают пожилые женщины под платок, а в южных районах *түбәтэй* является мужским головным убором.

Ко второй группе относятся названия головных уборов, которые накрываются на голову (различные шали, платки). В говорах башкирского языка встречаются следующие варианты платков и шалей.

Калыншәл — букв. *калын* 'толстый', *шәл* 'шаль'. Варианты — *санашәле*, *олошәл*, *калыншал*, *йыуаншал* зафиксированы в регионах распространения говоров восточного и южного диалектов.

Тулашәл 'домотканая суконная шаль', которая распространена в южных районах республики.

Һуғылғаншәл 'тканая шаль из козьего пуха' и из тех же ниток плетутся как кружево края шали, которые оканчиваются длинными кистями. Такие шали распространены также в южных районах республики.

Йөншәл 'шаль, вязанная из шерсти', функционирует в западных районах.

Бәйзәмәшәл 'вязаная шаль', зафиксирована в регионах распространения бурзянского и кызылского говоров башкирского языка.

Дебетшәл 'пуховая шаль', изготавливается из козьего пуха, украшается ажурной каймой. *Дебетшәл* функционирует во всех регионах распространения башкирского языка. Варианты в говорах — *мамыкшәл*, *мамыкшал*.

Кәшемиршәл 'кашемировая шаль', произошло от названия шалей, платков, которые изготавливались и завозились из штата Кашмир (Индия). Кашемировые шали, кашемировые платки функционируют во всех регионах распространения башкирского языка.

Селтәршәл — букв. *селтәр* 'кружево', *шәл* 'шаль'. Изготавли-

ется из белой нитки или из шерсти. Селтэршэл распространен в основном в западных и восточных районах республики.

Йелбэзэкле шэл, йелверләки шэл 'шелковые шали', зафиксированы в регионе распространения среднего говора.

Шәлйәулык 'цветастый, шерстяной полшалок' (букв. *шэл* 'шаль', *йәулык* 'платок') зафиксирован в регионах распространения ик-сакмарского, демского, караидельского, аргаяшского, сальютского, миасского говоров башкирского языка.

Следующим широкораспространенным видом головного убора женщин являются различные платки.

Кәшемир йәулык 'кашемировый платок'. Варианты — *кешмир йәулык, кәшмир йәулык, киземир йәулык, кәзәмир йәулык, кешәмир йәулык* распространены во всех говорах башкирского языка.

Франсус йәулык 'платок из фабричной ткани с яркими разноцветными узорами'. Варианты — *фырансус йәулык, франсис йәулык, фырансус йәузык* также распространены во всех говорах.

Фөлөр йәулык 'флеровый платок'. Изготавливается из тонкой, прозрачной, преимущественно шелковой ткани. Варианты — *фөлөр йәузык, филйүр йәузык, һөлөр йәузык* распространены в регионах восточного диалекта и в регионе ик-сакмарского говора южного диалекта.

Батис йәулык 'батистовый платок', варианты — *батисак, батисак йәулык, матис йәулык* функционируют во всех регионах распространения башкирского языка.

Һыңар йәулык 'обыкновенный платок' (букв. *һыңар* 'дружка', *йәулык* 'платок'), встречается в говорах восточного и южного диалектов.

Колак йәулык 'косынка' (букв. *колак* 'уши', *йәулык* 'платок'), зафиксирован в регионе распространения среднего говора башкирского языка.

Кыйыкса 'косынка', этот термин функционирует у иргизо-камеликских башкир.

Кушйәулык 'спаренный платок', представляет собой полотнище из одного или двух неразрезанных фабричных платков с характерной пестрой расцветкой на красном фоне. *Кушйәулык* — головной убор молодой женщины, с пришитым к нему украшением — подбородником. Термин образован от основ *куш* 'пара, парный', *йү-* и аффикса *-лык* 'платок'. Варианты — *бөркәнсек, куш, кушйәузык, кушфлур* функционируют в регионах распространения восточного и южного диалектов, за пределами Башкирии — в Челябинской и Курганской областях.

Как видно из вышеприведенного, названия мужских и женских головных уборов, в основном происходят от названия материала, из которого они изготовлены.

В структуре терминов головных уборов слова *кәпәс* и *бүрек, шәл* и *йүлык*, как правило, выступают определяемым, а в качестве определения употребляются слова, указывающие на наиболее характерные особенности каждой из разновидностей ша-

пок, шалей и платков. Например: *колакты гәпәс* (колак 'уши', -ты аффикс, *гәпәс* 'шапка'; *колакты* — определение, *гәпәс* — определяемое); *колаксын кәпәс*, *колаксын бүрек* (колак-сын — определение, *кәпәс*, *бүрек* — определяемое); *меҗкен бүрек* (букв. *меҗкен* 'бедный', *бүрек* 'шапка', *меҗкен* — определение, *бүрек* — определяемое); *төлкө гәпәс*, *төлкө бүрек* ('лисья шапка', *төлкө* 'лиса' — определение, *гәпәс*, *бүрек* — определяемое); *колаклы бүрек* (букв. 'шапка с ушами', *колаклы* — определение, *бүрек* — определяемое); *камсат бүрек* (*камсат* 'камчатский' — определение, *бүрек* — определяемое); *кейезгәпәс* ('войлочная шапка', *кейез* 'войлок' — определение, *гәпәс* — определяемое); *колакһыз бүрек* (букв. 'шапка без ушей', *колакһыз* — определение, *бүрек* — определяемое); *кырма бүрек* (*кыр-* 'край чего-либо', -ма аффикс, *кырма* — определение, *бүрек* — определяемое); *калыншәл* (*калын* 'толстый', *шәл* 'шалъ', *калын* — определение, *шәл* — определяемое); *олошәл* (*оло* 'большой', *шәл* 'шалъ', *оло* — определение, *шәл* — определяемое); *селтәршәл* (*селтәр* 'кружево', *шәл* 'шалъ', *селтәр* — определение, *шәл* — определяемое); *дебетшәл* ('пуховая шалъ', *дебет* — определение, *шәл* — определяемое); *кәшемир йаулык* ('кашемировский платок', *кашемир* — определение, *платок* — определяемое); *батис йаулык* ('батистовый платок', *батис* — определение, *йаулык* — определяемое); *фөлөр йаулык* ('флеровый платок', *фөлөр* — определение, *йаулык* — определяемое); *колакйаулык* (колак 'уши', *йаулык* 'платок', *колак* — определение, *йаулык* — определяемое) и др.

Следует отметить, что есть термины, которые образованы без определяемого слова *кәпәс*, *бүрек*, *йаулык*, *шәл*. Например: *тупый* 'стеганная на вате шапка', *малахай* 'шапка-ушанка', *кәпәк* 'круглая меховая шапка', *тәүәт* 'шапка-ушанка'; *батисак* 'батистовый платок', *кыйыкса* 'косынка', *үәл* 'пуховый платок', *паутинка* и др.

Анализируемые названия головных уборов в зависимости от материала и способа изготовления можно разделить на следующие группы: 1) по материалу — *күнкәпәс* 'кожаная шапка', *тирегәпәс* букв. 'шапка из шкуры', *кейезгәпәс* 'войлочная шапка', *батис йаулык* 'батистовый платок', *кәшемир йаулык* 'кашемировский платок', *йөншәл* 'шалъ, вязанная из шерсти', *дебетшәл* 'пуховая шалъ'; *төлкөгәпәс* 'лисья шапка', *куйан бүрек* 'заячья шапка', *каракул бүрек* 'каракулевая шапка', *камсат бүрек* 'шапка из меха камчатского бобра', *һуҗар бүрек* 'шапка из меха куницы'; 2) по характеру изготовления: *кырма бүрек*, *кырмый бүрек*, *кырпыулы бүрек*, *кырмаулы бүрек* 'шапки с меховой оторочкой'; *селтәршәл* 'кружевная шалъ', *сәсәкте шәл*, *сукты шәл*, *сасакты шәл* 'шали с кистями', *телле шәл* 'зубчатый край пуховой шали' и др.

Названия головных уборов башкир, кроме фонетических и морфологических явлений (*кәпәс* — *гәпәс* — *кәпәк*; *көләпә* — *көләпәрә* — *колапара*; *кырма* — *кырмый* — *кырпыулы* — *кырмаулы*), отражают еще грамматические особенности башкир-

ского языка, которые проявляются в словообразовании и словосочетании.

Названия головных уборов в говорах башкирского языка в основном образованы путем словосложения.

Термины головных уборов башкир находят свою аналогию у многих тюркоязычных народов. Например: казах. *бөрік* 'шапка', узб. *кулакчин* 'шапка-ушанка', кирг. *кулакчан* 'шапка-ушанка', кирг. *малакай* 'шапка-ушанка', к.-калп. *малақай* 'шапка-ушанка', караим. *йавлукъ* 'платок', гаг. *йаалык* 'платок', кум. *явлукъ* 'платок', кум. *кишмур явлукъ* 'кашемировый платок', казах. *жаулық* 'платок', туркм. *яглык* 'платок', йүпек *яглык* 'шелковый платок', кирг. *тыбыт жоолук* 'пуховый платок', кирг. *жибек жоолук* 'шелковый платок', кирг. *жуң яглик* 'шерстяной платок', казах. *түбіт шалы* 'пуховая шаль', казах. *жібек шалы* 'шелковая шаль', к.-калп. *кестелеген жаулық* 'цветастый платок' и др.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Археология и этнография башкир. Уфа, 1962.
Башкирско-русский словарь. М., 1962.
Башкорт һөйләштәре һүзлегә. Уфа, 1967. Т. 1; 1970. Т. 2.
Каракалпакско-русский словарь. М., 1958.
Русско-киргизский словарь, М., 1956.
Русско-казахский словарь, М., 1954.
Русско-туркменский словарь, М., 1956.
Туркменско-русский словарь, М., 1962.
Русско-узбекский словарь, М., 1954.
Казахско-русский словарь, М., 1954.

СЕРЫЕ, КРАСНЫЕ, СИНИЕ, ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ЦВЕТА В ОНОМАСТИКОНЕ НЕКОТОРЫХ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ

Группу серых цветов* составляют прилагательные *боро*, *буурыл*, *кер*, *кула*, *сур*, *чал*, группу красных — *кызыл*, *күрен*, синих — *көк*, *чаңкыр*, промежуточных — *јеерен*, *коңыр***.

СЕРЫЕ ЦВЕТА

Боро

На вопросе о происхождении *боро*, его значениях в языках мы останавливаться не будем. Об этом достаточно специальной литературы, часть из которой была процитирована в «Топонимическом словаре Горного Алтая»¹. Укажем, что данное прилагательное зафиксировано в топонимах Горно-Алтайской авт. обл.: г. *Боро* (система р. Уймень), р. *Боро-Бургазы* (нижний исток Чуи), ущ. *Боро-Бургазы*, г. *Боро-Бургазы*, ур. *Боро-Бургазы*, г. *Боро-Бургазы-Бажы* (н. п. Кокоря), р. *Боро-Көл* (л. п. Чулчи, вытекает из оз. Боро-Көл), р. *Боро-Суу* (система Келея), г. *Боро-Суу*, р. *Боро-Суу* (п. п. Чулчи), лог *Боро-Суугаш* (н. п. Келей), р. *Боро-Сыңдрак* (п. п. Чолушмана), место *Боро-Тал* (н. п. Чибит), ур. *Боро-Тал*, г. *Боро-Тал*, г. *Боро-Таш*. *Боро* в топонимах могло иметь значения 'серый, сероватый, серый с оттенками белого, черного, желтого тонов; темно-серый с сединою (о масти — сивый); бурый'². Вот описание реки Боро-Суу: «... Поднимается по речке Боро-Суу, п. Чулчи, с темной водой, пересекаем ее и поднимаемся на перевал...»³. Ср. в алтайском языке: *кара-боро* 'черно-бурый', *кара-боро түйкү* 'черно-бурая

* Серые цвета являются мало насыщенными хроматическими тонами, они редко бывают чистыми, обычно отливают желтизной и синевою.

** В поле промежуточных цветов, включены те, что оказываются между желтым (сары) и красным (кызыл), иногда ближе к красному, иногда к желтому.

лисица', боро кушкаш 'воробей', боро тоозын 'серая пыль', боро ат 'серая лошадь', боро борү 'серый волк' (ср. кирг. көк карышкыр 'серый волк', монг. хөх чоно 'серый волк'), боро бачыртка 'дрозд', кичинек боро кушкаш 'чететка'. Известно, что в кирг. боз приобретает терминологическое значение 'сухая степь без сочной растительности (покрытая ковылем, полынью и т. д.)', например, боз жер-боз топурак 'земля без сочной растительности'. В монг. языках бор/боро имеет более широкое значение — 1) сивый (о масти); серый, 2) смуглый (о цвете лица), 3) перен. 'невзрачный; простой, непривлекательный', 4) в составе ботанических и зоологических названий', типа калм. бор уди 'род ивы', бор зарм 'гречиха', бор аю 'бурый медведь', бор туула 'заяц-беляк' и т. п.

В Маадай-Кара боро употребляется редко, по сравнению, скажем, с ак или кара: боро тал 'серый тальник' (с. 83), боро таш 'серый камень' (с. 84), боро байтал 'серая кобылица' (с. 100), боро бее 'серая кобылица'⁴ (с. 101).

В алтайских личных именах боро представлено следующими примерами: Боробаш 'сероголовый', Борогыз 'смуглая девушка', Боробала 'смуглый ребенок', Борозок 'сероватый, смугловатый', Бороуул 'смуглый парень'. Хакасское имя профессора Н. Ф. Катанова было Пора.

Указанное прилагательное присутствует в топонимии во всем тюрко-монгольском мире: кирг. Боз-Айгыр, Боз-Ала-Таш, Боз-Бармак, Боз-Белчир, Боз-Бешик, Боздум-Булак, Боз-Жаз, Боз-Жалпак, Боз-Жар, Боз-Жорго, Боз-Кыр, Боз-Ой, Боз-Талаа, Боз-Таш, Боз-Теке-Сай, Боз-Текир, Боз-Төр, Боз-Түндүк, Боз-Учук, Боз-Чаар-Бел, Боз-Чоку⁵; видимо, казахские топонимы относятся к той же сравниваемой группе: Боздала, Бозжал, Бозжон, Бозжота, Бозкиик, Бозой, Бозтай, Бозтал, Бозтобе; среднемонгольские Воро, Воро аула, Воро balyasun-u yang-tang, Воро bayiſing, Воро bulaу, Воро burуasu, Воро ſongjiyin oboу-a, Воро dabusu, Воро dabusun-u oboу-a, Воро day-a, Воро degeg, Воро degge-yin süme, Воро dobon-u oboу-a, Воро ergi, Воро ergi örtege и многие др. (76 единиц из 13644); тувинские Бора-Тайга, Бора-Хем, Бора-Хөл, Бора-Шай; хакасские Пора тасхыл, Пора чул⁶.

Таким образом, прилагательное боро со всеми оттенками серого и бурого цветов ограничено входит в географические и личные имена.

Буурыл

Прилагательное буурыл 'седой, поседелый' отмечено только в двух топонимах Горно-Алтайской авт. обл. — г. Буурыл (н. п. Тюрельджи), г. Буурыл-Тайга (система Байлугема). Видимо, это закономерно, потому что алтайские словари фиксируют буурыл всего в нескольких сочетаниях: чачы буурыл 'седоволосый', үстүндеги саалы буурыл 'седоусый', буурыл сагал 'седая борода'. В Маадай-Кара буурыл встретилось лишь в одном соче-

тании: *буурыл баш* 'седая голова' (с. 77, 117). В именах и этнонимах алтайцев анализируемое прилагательное не зарегистрировано. Связь алтайского *буурыл* с восточными тюркскими, а также монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками очевидна: ср. кирг. *ала буурул* 'светло-чалый', *кара-буурул* 'темно-чалый', *буурул сакал* 'седобородый', *буурул чач* 'седоволосый', *буурул түн* 'белая ночь'; тув. *буурул баштыг* 'седоголовый', *буурул адыг* 'бурый медведь', *буурул азт* 'чалый конь'; калм. *үснэ буурул* 'седые волосы', *буурл сахл* 'серая борода', *буурл үстэ өвгн* 'седоволосый', *буурл мөрн* 'чалая лошадь', *буурл арат* 'черно-бурая лисица'; монг. *буурал сахал* 'седая борода', *буурал минж* 'седой бобер', *буурал эртний үе* 'седая старина', *буурал морь* 'чалый конь', *буурал үстэй* 'седоволосый'; бур. *буурал толгойтой* 'седоголовый', *буурал үһэн* 'седина, седые волосы', *бууралтан татаһан һаһал* 'борода (или усы) с проседью'⁷.

В известных нам источниках по кирг., казах., шор., хак. топонимии указанное прилагательное не отмечено, в тув. именах оно зафиксировано один раз: ур. Буурул-Тохой. Средневековые монгольские карты содержат большое количество топонимов с указанным элементом: *Buural* (гора) — несколько названий, *Buural ayula* (гора) — несколько названий, *Buural butan-u sab-un oboy-a*, *Buural qan ayula* (гора), *Buural qudduy*, *Buural quwa* (гора), *Buural usu* (река), *Buural-un dabay-a*, *Buural-un subury-a*, *Buural-un süme*, *Buural-yin süme*.

Таким образом, прилагательное *буурыл* можно считать чрезвычайно ограниченно употребляемым (в том числе в топонимии) во всем тюрко-монгольском мире. Тем не менее оно передает определенные цветовые оттенки и, судя по материалам монгольских карт, может употребляться не только в составе оронимов, но и гидронимов, передавая значения 'седой, поседелый; серый; бурый; серо-бурый'.

К е р

Прилагательное *кер*, по-видимому, отмечается в следующих наименованиях Горного Алтая: хр. Кер-Бел, р. Кер-Ўзүк (п. п. Чулчи), порог Кер-Таш. В алтайском это слово имеет значение 'гнедой (масть лошади)': *кара кер* 'темно-гнедой', *кер ат* 'гнедой конь'. G. Clauson (С. 641) дал это слово так: «*Kir(?ki:r)* 'серый' и подобные значения, особенно о цвете шкуры лошади. Сохранилось в ряде современных тюркских языков. Заимствовано персидским. Та же группа, что *bo:z ça:l*, встречается в сочетании *kir at*». Данное прилагательное сохранилось: в азерб. *гыр* '1) кир (род асфальта), 2) серый, смурый'; ккалп. *кер* 'мухортый': *кер айыз ат* 'мухортая лошадь', *кер-торы* 'мухорто-гнедой'; кирг. *кер* 'карий (о масти лошади), караковый', *кер ооз ат* 'мухортая лошадь', *кер тору* 'гнедая с подпалинами', *кер сары* 'бледный, с желтизной (о цвете лица)', *куу такым/кер такым* 'хитрый, проныра'. Вероятно, казах. топонимы Кербулак, Кердала, Кертау состоят из анализируемого первого компонента.

В тув. *кыр* '1) чалый, 2) игреневый (масть лошади)': *кыр азт* 'чалая лошадь'. В тувинской топонимии анализируемый компонент, вероятно, содержат названия: р. Кыр-Дыт (Тоджинский р-н), две реки Кыр-Дыт (Тандинский р-н), пер. Кыр-Оруг (недалеко от р. Ак-Белдир).

В тур. *kir* 'светло-серый, грязновато-белый; седой': *kir at* 'чалая лошадь', *kir katir* 'серый мул' и др.; в туркм. *гыр* 'серый (о масти лошади)': *гыр ат* 'серая лошадь'; хак. *хыр* '1) серый, чалый (масть лошади): *хыр ат* 'чалая лошадь', *ах хыр* 'бело-чалый'; 2) седой': *хыр састыг* 'седой старик', *хып-хыр* 'седой как лунь, совсем седой'. Легко просматриваются монгольские параллели тюркским *kir/кер/гыр/кыр/kir/хыр*: монг. *хээр морь* 'гнедая лошадь'; бур. *хээр* 'гнедой (о масти лошади)', *хээр зүһэтэй* 'гнедой масти', *хээр морин* 'гнедой конь'; калм. *кер мөрн* 'гнедая лошадь'. Отмечается исследуемое прилагательное и в эвенк. *когор* [<монг.] 'гнедой, чалый'; ма. *кэжрэ* 'гнедой (с темной гривой и хвостом)'. В п.-монг. *keger* 'гнедой (о масти лошади)', в этой же форме прилагательное отмечается в топонимии средневековой Монголии: *Keger mori*, *Keger-e day-a-yin yool*, *Keger-o moritu-yin ama*, *Keger-e-yin oboyan-u oboya*, *Keger-e-yin ungdury-a*.

Суммируя, можно сказать, что прилагательное *кер* в тюрко-монгольском мире могло употребляться не только для обозначения красновато-рыжей с черным хвостом и гривой или серой с разными примесями лошади, но и входить в состав географических имен с определенным цветовым содержанием.

Кула

Кула — саврасый, т. е. светло-гнедой с черным хвостом и гривой (о масти лошади) — отмечается предположительно в двух алтайских топонимах: р. Кулу-Баш (л. п. Аргута) и руч. Кулы (н. п. Черный Ануй). В алтайском есть еще *ак кула* 'буланный'. Известно, что древнетюрк. слово *qula* обозначало цвет шкуры лошади — серовато-коричневый, мышастый (не чистый) с черной гривой и хвостом. Слово было заимствовано монгольским, а также персидским. Встречалось в сочетании *qula at* 'серовато-коричневая, мышастая лошадь'. Прилагательное широко распространено в тюркских языках: баш. *кола* 'саврасый, буланный (о масти лошади)', *кола ялан* 'пустынная степь (покрытая только травой)'; кирг. *кула* 'саврасый', *кула жээрде* 'темно-саврасый', *ак кула* 'буланный', *таш кула* 'выносливая и неприхотливая рабочая лошадь'. В кирг. топонимии зафиксировано несколько форм с *кула*: Кулаалы-Булак, Кула-Тай, Кула-Бото. В тат. *кола ат* 'саврасый/буланный конь', *кола ялан* 'пустынная голая степь'; тув. *кула* 'саврасый (о масти)' отмечается и в топонимии Тувы: место Кула-Аскыр (Бай-Тайгинский р-н). Хак. *хула* 'саврасый (масть)', *хула ат* 'саврасый конь', *ах хула* 'буланный', *ала хула* 'саврасо-пегий'. Ни в хакасской, ни в шорской топонимии *хула* не встретилось. Чув. *хйла лаша* 'саврасый конь'.

В монгольских языках слово представлено монг. *хул азрага* 'саврасый жеребец', *хулагч* 'саврасая (о кобылице)'; бур. *хула*

'саврасый', *хулагша*(н) 'саврасая (о кобылице)', *хулагша гүүн* 'саврасая кобылица'. П.-монг. имел *xul* 'саврасый', *külen~xulan* 'кулан, дикая лошадь'. Проникло оно и в тунгусо-маньчжурские языки: ср. эвенк. *кула*[<монг.] 'саврасый, светло-коричневый (о масти лошади)'; ма. *кулан морин* 'саврасая лошадь (с черной гривой и хвостом)'; *кулан* — 'дикая лошадь (всегда саврасой масти)'.
В средневековой монгольской топонимии слово представлено небольшим количеством случаев: *Qula aǰaγ-a*, *Qula qudduγ*, *Qulu aγula*, *Qulu aǰaγ-a γool*, *Qulu qaraγul*, *Qulu qudduγ*.

Итак, анализируемое прилагательное не получило широкого развития в тюркских и монгольских языках. Тем не менее, оно входит в топонимию, обозначая светло-коричневый цвет объектов, и отрывается от своего обычного обозначения цвета шкуры лошади.

С у р

Сур отмечается в следующих топонимах: руч. *Сур* (н. п. Шибалино), г. *Сур-Айры*, р. *Сур-Жазы* (п. п. Чулчи), г. *Сур-Жазының-Бажы* (система Чулчи), г. *Сур-Жазының-Тайга*, где выступает со значением 'светло-серый, мышастый, светло-коричневый, серо-коричневый, серо-бурый; блестящий'⁸. *Суур* не встретилось в Маадай-Кара. Оно не фиксируется ни в шорской, ни в хакасской, ни в тувинской и казахской топонимии. В кирг. топонимах *сур* редок: *Сур-Таш*.

Ч а л

Чал 'седой, серый' зафиксировано в небольшом количестве топонимов Горного Алтая: р. *Чала* (л. п. Чарыша), р. *Малы-Чалы* (л. п. Телецкого озера), ур. *Чала*, ур. *Чал-Арка* (н. п. Кызыл-Козуль), лог *Чал-Боочы* (н. п. Кызыл-Козуль), г. *Чал-Тура* (н. п. Чаган-Узун). Известно, что алт. *чал* можно встретить в сочетаниях *чал куйрук* 'седохвостый (о лошади)', *чал башту* 'седовласый', *чалдар ат* 'игрневый конь'.

В древнетюрк. языке *ça:l* служило для обозначения смешанного черного и белого цвета, серовато-белого, пепельно-белого, чалого, в то время как о цвете волос — седой, а потому в некоторых языках — седовласый, пожилой (о человеке); *ça:l ko:у* 'черно-белая овца'⁹. Слово сохранилось в ряде тюркских языков: азерб. *чал* '1) чалый, 2) сивый, 3) седой, с проседью'; баш. *сал* '1) седина, проседь; *сал кергән* (ингән) — с проседью, *сал кереу* (инеу) — сесть, поседеть, 2) седой': *сал сәсле* — седовласый, *сал һакаллы* — седобородый; кирг. *чал* '1) седой: *чал сакал* — борода с проседью, *чал куйрук* — седохвостый (о лошади), *чал баш аска* — седоглавая скала, 2) старик'. Видимо, следующие киргизские топонимы содержат *чал*: *Чал*, *Чал-Куйрук*, *Чал-Кыйды-Сай*, *Чал-Таш*, *Чал-Чоку*. То же можно сказать о казахских топонимах: *Чал*, *Чалкоде*. Тат. *чал* 'седина, проседь; седой, с проседью'; *чал кергән чәч* — волосы с проседью, *чал чәч* — седые

волосы, *чал керу* — седесть, *чал сакаллы* — седобородый, *чал Урал* — поэт, седой Урал; туркм. *чал 'седой'*; *чал адам* — седой человек, *чал сакгал* — седая борода, *чал сач аял* — седовласая женщина; узб. *чол 'старик'*; хак. *чал 'серый, седой, чалый (масть лошади)'*.

В монгольских языках *чал* встречается, по всей видимости, лишь в сочетаниях: монг. *чал буурал* 'седой или белый как лунь', калм. *чал буурл* 'совершенно белый', *чал буурл сахлта аав* 'старик с белой как снег (совершенно белой) бородой'.

Следовательно, прилагательное *чал*, хотя и не получило широкого развития в тюрко-монгольских языках, все же фиксируется топонимией со значением 'серый, седой' и прибавлением разных оттенков других цветов.

Семантическое поле «серые цвета» представлено в топонимии прилагательными *боро*, *буурыл*, *кер*, *кула*, *сур*, *чал*, значения которых могут быть противопоставлены по одному признаку. Так *боро* и *буурыл* имеют общий семантический признак — цвет, получающийся при смешении нескольких тонов черного и белого, цвет пепла. Отличительный семантический признак лежит в большем приближении *буурыл* к семантическому полю «белый цвет», что позволяет последнему иметь свою специфическую употребительность (о высокогорных белках). *Боро* и *кер* имеют общий признак — серый и отличительный оттенок серого, который у *кер* имеет примесь красновато-рыжеватого-желтых тонов, что накладывает отпечаток на употребительность того и другого прилагательного и парадигматические противопоставления и т. д. Каждое прилагательное, входящее в семантическое поле «серые цвета», имеет свои общие и отличительные друг от друга семантические признаки, свою синтаксическую сочетаемость и свои парадигматические противопоставления, которые не просто улавливаются и устанавливаются.

КРАСНЫЕ ЦВЕТА

Кызыл

Кызыл 'красный' является четвертым по частотности употребления в алтайской топонимии, следуя за *кара*, *ак*, *сары*. В алтайском языке *кызыл* входит в ряд сочетаний типа *кып-кызыл* 'совершенно красный', *кан-кызыл* 'багровый', *кызыл бок* 'багряный', *кубакай-кызыл* 'алый', *көдөлтирим-кызыл* 'малиновый', *кызыл-сары* 'оранжевый', *кумай-кызыл* 'фиолетовый', *күрең-кызыл* 'пурпурный', *кызыл-марал* 'румяный', *кызыл-сары* 'рыжий (о волосах человека)', *кызыл-жеерен* 'рыжий (о масти лошади)', *көк-кызыл* 'фиолетовый', *кызыл тал* 'верба', *кызылгат* 'красная смородина', *кызыл јес* 'красная медь' и др. Мы уже частично касались значений и семантических связей прилагательного¹⁰. В данной статье расширим наблюдения, добавив к ним следующее: в топонимии отмечена еще одна форма, образованная от *кызыл* — *кызарык* 'краснеющая' (г. Кызарык

расположена у н. п. Каракущ)¹¹. *Кызыл* в ряде случаев составляет наименование самостоятельно. Так, существуют горы *Кызыл* у населенных пунктов М. Яломан, Онгудай, Усть-Кокса. Еще одна г. *Кызыл* (2450 м) расположена в Теректинском хр. недалеко от н. п. Катанда. В подавляющем большинстве случаев *кызыл* является составляющей частью двусловных образований: *Кызыл-Ажу*, *Кызыл-Айаң*, *Кызыл-Айры*, *Кызыл-Боом* и многих др. Лексемная сочетаемость *кызыл* имеет свою специфику: она в огромном большинстве случаев определяет оронимические географические номены: *ажу*, *айаң*, *арт*, *боом*, *яр*, *кайа*, *как*, *кат*, *куjur*, *межелик*, *тайга*, *тас*, *таш*, *туру*, *үңкүр* и др. Особенно часты случаи употребления *кызыл* с *кайа* и *таш*.

Кызыл не зафиксировано ни в одном из названий алтайских родов. В алтайских именах оно редко: *Кызылгат* (красная смородина), *Кызыл* (румяный). В героическом эпосе Маадай-Кара *кызыл* отмечается как определение к очень ограниченному числу единиц: *кызыл өрт* 'красный пожар' (с. 67), *кызыл марал* 'красный маральник' (с. 71), *кызыл жалбыш* 'красное пламя' (с. 82), *кызыл туман* (с. 90), *кызыл көс* «красные глаза» (с. 100), *кызыл кан* 'красная кровь' (с. 102) и некоторые др. Какие-то дополнительные оттенки *кызыл* не улавливаются: оно неизменно выступает со значениями 'красный', 'ярко-оранжевый', 'красноватый', 'кирпично-красный', 'бурый'.

Сравнение имен с прилагательным *кызыл* в алтайской и киргизской топонимии дает следующие параллельные формы: *Кызыл-Айры* (Алтай) — *Кызыл-Айрык* (Киргизия), *Кызыл-Арты* — *Кызыл-Арт*, *Кызыл-Яр* — *Кызыл-Жар*, *Кызыл-Кайа* — *Кызыл-Кыя*, *Кызыл-Үңкүр*; алтайской и хакасской: *Кызыл-Кайа* — *Хызылхая*; алтайской и тувинской: *Кызыл*, *Кызыл-Яр* — *Кызыл-Эрик*, *Кызыл-Ярык* — *Кызыл-Чарык*, *Кызыл-Кайа* — *Кызыл-Хая*, *Кызыл-Как* — *Кызыл-Хаак*, *Кызыл-Межелик* — *Кызыл-Мажалык*, *Кызыл-Тайга*, *Кызыл-Тобрак* — *Кызыл-Довурак*, *Кызыл-Туру* — *Кызыл-Туруг-Даг*, *Кызыл-Тыт* — *Кызыл-Дыт*; алтайской и шорской: *Кызыл-Чар/Яр* — *Кызылчар*, *Кызыл-Кайа* — *Кызылгайа*.

Размещение топонимов, имеющих *кызыл* в своем составе, на территории Горно-Алтайской автономной области равномерно, хотя и разреженно.

К ү р е ц

Прилагательное *күрең* 'коричневый; темно-рыжий, бурый' отмечается только в двух топонимах Горного Алтая: г. Огош-Күрең (н. п. Мухор-Тархата), г. Яан-Күрең (н. п. Мухор-Тархата). В алтайском языке встречаются такие сочетания: *күрең күс* 'золотая осень', *күрең айу* 'бурый медведь', *күрең-кызыл* 'пурпурный', *күрең бордо*. В Маадай-Кара зафиксировано небольшое количество сочетаний с *күрең*: *күрең тайга* 'бурая гора' (с. 67, 68, 76, 83, 87) *күрең таш* 'коричневая скала' (с. 79, 85), *кара-күрең* 'черно-коричневый' (стр. 213). В кирг. *күрең* 'бурый',

кара-күрең 'темно-бурый'; күрең көмүр 'бурый уголь'. В кирг. и казах. словарях топонимов с күрең нет. В тув. хүрең '1) коричневый; хүрең өң — коричневый цвет, 2) бурый: хүрең адыг — бурый медведь, хүрең хөмүр — бурый уголь, хүрең-кызыл — темно-красный'. В тув. топонимии встретилось только одно наименование с хүрең — г. Хүрең-Оваа. В хак. күренъ '1) коричневый; күренъ онъ — коричневый цвет, хара күренъ — темно-коричневый, 2) смуглый, 3) темно-рыжий, бурый; хара күренъ тўлгў — темно-бурая лисица, күрең ат — бурая лошадь, күренъ инек — бурая корова, күренъ хызыл — темно-красный, бордо'. В хак. топонимии күренъ отмечено только раз: р. Күренъ-Чул.

В средневековых монгольских географических именах существовало довольно большое количество единиц с анализируемым компонентом: Kūri-yin yool, Kūrin, Kūriyen keyid и др. (всего 31 объект из 13644).

Прилагательное *күрең*, таким образом, не находит широкого развития в тюрко-монгольских языках. Редко оно и в топонимии.

В семантическое поле «красные цвета» включены два прилагательных: *кызыл* и *күрең*, значения которых противопоставлены по нескольким признакам: у *кызыл* — окраска одного из основных цветов спектра, у *күрең* — промежуточный цвет; у *кызыл* — цвет крови, заката, у *күрең* — цвет корицы или жареного кофе. Оба прилагательных полисемантически, однако семантическая наполненность *кызыл* выше, чем *күрең*, что делает его абстрактным цветообозначением для красного цвета и создает условия для широкой лексической сочетаемости и высокой частотности употребления. Общий семантический признак у *кызыл* и *күрең* — обозначение темнокоричневого с красноватым оттенком (-бурого) цвета, что позволило объединить эти прилагательные в одно семантическое поле «красные цвета». Объединяет их также то, что оба прилагательных имеют, как правило, одну модель синтаксической связи: прилагательное + существительное и одну предметную соотнесенность (денотат) в топонимии — географические объекты. Парадигматические противопоставления как у одного, так и у другого прилагательного крайне ограничены: они не выходят за пределы того же самого семантического поля «красные цвета».

СИНИЕ ЦВЕТА

К ө к

Прилагательное *көк* является пятым по частотности в алтайской топонимии. Известно, что *көк* в древнетюркском означало 'небо', *kök çyriši* 'небесная сфера, небо', *kök qalıq* 'небо, небеса', а также 'синий, голубой', 'зелень города'; *kök jübüt* 'синий цвет', *kökşin* 'голубой цвет', *kökärđi* 'посинело, позеленело', *kökländi* 'возвеличился', *kökländi* 'стал печальным', *kök* зафиксировано в таких сочетаниях: *kök öñ* 'название реки', *kök yürün tas* 'бе-

ло-голубой камень', *kök linxwa* 'голубой лотос', *kök to:n* 'темно-серое одеяние', *kend kö:ki*; 'окрестности города (имеется в виду зелень деревьев там)', *kök amaš tutuq* 'имя собственное и титул', *kök lü* 'имя собственное одного из божеств' (материалы Древнетюркского словаря, Махмуда Кашгарского, Дж. Клосона)¹². По-видимому, будучи тесно связанным с древнетюркским *kök* 'небо', анализируемое прилагательное сохранило свои старые качества цветообозначения: небесный, небесно-голубой, а также синий, синеватый, отливающий голубым цветом, светло-синий, темно-синий, сине-зеленый, купоросный, сизый, зеленый; возвышенный, славный, величественный и др. В плане типологии интересно наблюдение Н. Б. Бахилиной¹³ о том, что в древнерусских памятниках раннего периода есть примеры, где прилагательное *синий* обозначало черный цвет: *синий как сажа* (ср. манч. *куку* '1) черный, 2) синий', а также кирг. *kök* 'цвет траура по умершему феодалу'. Алтайская топонимия фиксирует также уменьшительную форму прилагательного — *kögösh*. *Kök* может составить наименование самостоятельно (р. *Kök*), но чаще входит как определение в двусоставное образование, где *kök* в преобладающем большинстве случаев употребляется в гидронимах с номенами *jul*, *köl*, *özök*, *örök*, *суу*. Среди алтайских родовых подразделений *kök* содержит только одно: *kökön-комдош* (туба, комдош). В именах *kök* отмечается чрезвычайно редко — *Kökши* (зеленоватая, зеленоватый). Зато в Маадай-Кара анализируемое прилагательное встречается неоднократно: *kök jalaң* 'зеленый луг' (с. 99), *kök тайга* 'синяя гора' (с. 100), *kök инек* 'синяя корова' (с. 106), *kök талай* 'синяя река' (с. 126), *kök öлөң* 'зеленая трава' (стр. 127), *kök чечек* 'синие цветы' (с. 127), *kök-боро* 'темно-сизый (о коне)' (с. 127), *kök теңери* 'синее небо' (с. 127), *kök булут* 'синее облако' (с. 130), *kök кайа* 'синяя скала' (с. 134), *kök торбок* 'синий бык' (с. 148), *kök жаял талай* 'сине-зеленое море' (с. 163) и др. Ср. также алт. *kök оору* 'сибирская язва', *kök таман* 'подснежник', *köktöш* 'снегирь'.

При сравнении алт. и кирг. топонимов с *kök* в составе обнаруживаются следующие параллели: *Kök-Жар* (Алтай) — *Kök-Жар* (Киргизия), *Kök-Кайа* — *Kök-Кыя*, *Kök-Көл*, *Kök-Сайры* — *Kök-Сай*, *Kök-Суу*, *Kök-Таш*, *Kök-Төбө* — *Kök-Дөбө*; алт. и хак.: *Kök-jul* — *Kökчул*, *Kök-Кайа* — *Kökхая*, *Kök-Суу* — *Köksуг*, *Kök-Туу* — *Kökтаг*; алт. и шор.: *Kök-Кайа* — *Kökкайа*, *Kök-Суу* — *Köksуг*; алт. и тув.: *Kök-Боом*, *Kök-Кайа* — *Kök-Хая*, *Kök-Көл* — *Kök-Хөл*, *Kök-Сайыр*, *Kök-Таш* — *Kök-Даш*.

Размещение на карте топонимов с *kök* показало, во-первых, их большую разбросанность, во-вторых, сравнительно большую концентрацию на востоке области (особенно в Кош-Агачском р-не). Возможно, что это явление объясняется перенесением имен и образованием оттопонимических дериватов. Например, р. *Kök-Öзök* (л. п. Чуи), ур. *Kök-Öзök*, н. п. *Kök-Öзök*, пер. *Kök-Öзөктиң-Ажусы* (все они находятся в бассейне реки *Kök-Öзök*

Кош-Агачского р-на); в бассейне Берели: р. Яан-Кök-Көл (л. п. Берели), вод. Яан-Кök-Көл, р. Кичү-Кök-Көл (л. п. Берели), пер. Кök-Көл.

При сравнении частотности употребления прилагательных *ак*, *кара*, *кök*, *кызыл*, *сары* в топонимии Киргизии, Хакасии, Шории, Тувы и Горного Алтая оказывается, что преобладающими на всех пяти территориях является прилагательное *кара*, затем *ак*, за ними в Киргизии следуют *сары* и *кök*, в Туве *кызыл*, в Хакасии, Шории, Горном Алтае — *сары*, а замыкающими являются *кызыл* в Киргизии, *кök* в Горном Алтае, Хакасии, Шории, *сары* и *кök* в Туве.

Ч а ц к ы р

Чацкыр 'голубой, светло-синий, лазурный' отмечается в незначительном количестве наименований Горного Алтая. Таковы р. *Чацкыр* (л. п. Яломана), руч. *Чацкыр* (н. п. Улус-Черга), дол. *Чацкыр* (н. п. Актел), ур. *Чацкыр* (н. п. Тюдрала), лог *Чацкыр* (н. п. Ак-Айры), лог *Чацкыр* (н. п. Мухор-Чаргы), скала *Чацкыр* (н. п. Уажан), г. *Чацкыр* (н. п. Келей), г. *Чацкыр* (н. п. Мухор-Тархата), г. *Чацкыр* (н. п. Усть-Кан), лог *Чацкыр-Кобы* (н. п. Шаргайта), г. *Чацкыр-Таш* (н. п. Апшиякта). В алт. *чацкыр* чаще употребляется в сочетании *чацкыр теңери* 'лазурное небо'. Слово, видимо, является заимствованием из монгольских языков, где оно более употребительно. Даже в восточных тюркских языках *чацкыр* встречается далеко не во всех: кирг. *чаңгыл* 'цвет не чистый, с примесью другого цвета'; *чаңгыл булут* 'серые тучи', *ак чаңгыл* 'беловато-мутный', *көк-чаңгыл* 'слегка седой, слегка серый (например, о тумане)', *боз чаңгыл ат* 'светло-сивая лошадь'. В топонимии Киргизии *чаңгыл* отмечается крайне редко: *Чаңгыл*.

Тув. *шаңгыр* '1) неспелый, зеленый (например, о ягодах), 2) светло-зеленый'. В тув. топонимии слово отмечается редко: г. *Шаңгыр-Хая* (п. бер. Хондергея) (известно, что она зеленоватая сланцевая). В якутск. *дьэңкир* '1) прозрачный, просвечивающий, 2) топлёный (о масле)', *дьэңкэ* '1) прозрачный, чистый; *дьэңкэ уу* 'чистая вода', 2) ясный, не пасмурный': *дьэңкэ күн* — ясный день.

В калм. *цеңкр* 'голубой, светло-голубой, светло-синий'; *цеңкр бек* 'голубые чернила', *цеңкр өңгэ теңс* 'светло-синее море'. В монг. *цэнхэр* 'светло-голубой, светло-синий, светло-лазурный'; *цэнхэр далай* 'светло-лазурный океан', *цэнхэр тууз* 'голубая лента', *хөх цэнхэр тэнгэс* 'лазурное море'. В бур. *сэнхир* 'светло-голубой, светло-сиңий (о море, небе)': *сэнхир хонхон ууд* 'колокольчик', *сэнхир сагаан үнэгэн*, 'голубой песец', *сэнхир хүтэ* 'небесно-голубой; светло-голубой; лазурный, лазоревый', *сэнхир хүхэнүдэн* 'голубые глаза', *сэнхир огторгой* 'голубое небо'. П.-монг. *сёнгкер* 'светло-голубой'. В средневековой монгольской топонимии слово встречается редко: *Сёнгкер добо-уин обоу-а*, *Сёнгкер добон-и обоу-а*.

В эвенк. *зэңкэ* [«Якутск.» '1) прозрачный (о воде), 2) холодный (о воде)'].

Таким образом, прилагательное *чаңкыр* неактивное в восточных тюркских языках, в топонимии тоже встречается редко или вообще не встречается (исключение — Горный Алтай).

Семантическое поле «синий цвет» составляется прилагательными *көк* и *чаңкыр*, значения которых противопоставляются по нескольким признакам: у *көк* — цвет спектра средний между голубым и фиолетовым, у *чаңкыр* — цвет спектра средний между зеленым и синим, у *көк* — цвет синьки, у *чаңкыр* — цвет ясного неба, лазури. Кроме того, *көк* может обозначать также зеленый цвет, цвет травы, зелени, хотя последний лексико-семантический вариант в топонимах не всегда прослеживается. Общий семантический признак у *көк* и *чаңкыр* — обозначение небесного, небесно-голубого цвета, что позволяет объединить эти прилагательные в одно семантическое поле «синий цвет». Прилагательное *көк* в этой группе является абстрактным цветообозначением для синего, что создает условия для его широкой лексической сочетаемости и довольно высокой частотности употребления в топонимии. Оба прилагательных объединяет и то, что они имеют две модели синтаксической связи: прилагательное и прилагательное + существительное и могут равно входить в качестве составной части как в гидронимы, так и в оронимы. Различие здесь в том, что *чаңкыр* больше, чем *көк*, стремится к односоставности своего построения.

ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ЦВЕТА

Je e r e n

Jeeren 'рыжий' зафиксировано нами в нескольких топонимах Горного Алтая: р. *Jeeren* (п. п. Улу-Кема), лог. *Jeeren*, р. *Jeeren-At*, оз. *Jeeren-Köl* (система Чолушмана), пер. *Jeeren-Oй* (система р. Улу-Кем). Хотя в современном алтайском *jeeren* в основном употребляется по отношению к масти скота (более всего лошади — *jeeren at*), топонимы показывают, что анализируемое прилагательное гораздо шире входило в систему языка (*jeeren köл*, *jeeren ой*). По мнению А. Т. Тыбыковой, в современном алтайском можно сказать *jeeren чачту* 'с рыжими волосами', но это скорее всего калька с русского.

Известно, что в древнетюрк. *jeğrān* 'гнедой, рыжий (о лошади)' тоже было ограниченным в употреблении. G. Clauson предполагает, что *yeğren* 'каштановый' обозначало цвет шкуры лошади, затем было заимствовано в форме *segere* 'косуля' монгольским, в котором производная форма *segerde* стала использоваться для обозначения цвета, с этим содержанием и в формах, близких к монгольским, оно было возвращено к себе тюркскими языками¹⁴. Ср. хак. *чигрен* 'рыжий (масть лошади)'; алт. *jeeren* 'косуля', *jeeren* 'рыжий'; тув. *чээрэн* 'антилопа джейран';

кирг. *жээрде* ат 'рыжий конь', *жээрде* сакал 'рыжая борода', *жейрен-жэерен* 'газель, джейран'; ср. также чув. *сүрэн*, якутск. *сиэр*, русск. *игрневый*; монг. *зээрд* 'рыжий (масть лошади)', *улаан зээрд* 'красно-рыжий', *цусан зээрд* 'ярко-рыжий', *зээрдэгч* 'рыжая (о масти кобылицы)', *зээр(эн)* 'антилопа-дзерен'; п.-монг. *зегерде*; бур. *зээрдэ* 'рыжий (о масти лошади)', *зээрдэ гунан* 'трехлетний рыжка', *зээрдэ хахал* 'рыжая борода', *улаан зээрдэ* 'красно-рыжий', *шуһан зээрдэ* 'ярко-рыжий', *зээрдэгшэн* 'рыжая (о масти кобылицы)', *зээрдэгэн* 'рыжевый', *зээрдэгшэг* 'довольно рыжий, рыжеватый', *зээрэн* 'антилопа-дзерен'; калм. *зеерд* 'рыжий (о масти лошади)', *улан зеерд мөрн* 'красно-рыжий конь', *зеерч* 'джейран'; эвенк. *зэрдэ* 'рыжий (о масти лошади)'; сол. *зэрдэ* 'рыжий (о масти лошади)'.

Этимологические связи прилагательного прослеживаются В. И. Цинциус и Т. Г. Бугаевой в таком виде: «Нам представляется, что архетип *зэс (*zes) является двухморфемным, т. е. восходит к *зэ-с (*ze-s), и, таким образом, корневым элементом является лишь первый слог **зэ-* (**ze-*). Это позволяет высказать предположение о том, что к тому же корню восходят наименование антилопы-дзерен и название масти коня — 'рыжий', 'гнедой' ... Для тюркских языков Рясянен восстанавливает форму *jägir-än* (*йägир-än*)~*jägrän* (*йäгрän*). Принимая во внимание возможную семантическую связь между 'красный — рыжий — гореть', к рассматриваемому тюрко-монгольскому ряду можно подключить т.-ма. глагольную основу *зэгдэ-* 'гореть'»¹⁵.

В алтайском эпосе Маадай-Кара *jeeren* отмечается только в одном сочетании: *куу-jeeren* 'ат 'светло-рыжий конь' (с. 207, 221). Ни в личных именах, ни в этнонимах *jeeren* у алтайцев нет.

В топонимии соседей оно найдено нами только у киргизов — Жээрге-Суу, казахов — уц., р. Жиренайгыр, оз. Жиренат, на средневековых монгольских картах анализируемое прилагательное встречается чаще: *Зегерде аҗару-а аула*, *Зегерде аҗару-а-йин шин-е саҗан обоуан-у обоу-а*, *Зегерде аҗирү-а, аула*, *Зегерде аҗирү-а-йин-е ши-н-е саҗан обоуан-у sab-un обоу-а*, *Зегерде-йин обоу-а*.

Таким образом, прилагательное *jeeren*, первоначально обозначававшее цвет шкуры лошади, сохранило и до наших дней ограниченную сочетаемость с другими существительными как в тюркских, так и монгольских и тунгусо-маньчжурских языках.

К о ң ы р

Коңыр 'темно-серый, каурый' отмечено в небольшом количестве алтайских топонимов: руч. *Коңыр-Ат* (н. п. Ороктой), лог *Коңыр-Ой* (н. п. Еланда), р. *Коңыр-Таш* (п. п. Башкауса). Так же редко оно в алтайском эпосе Маадай-Кара, в котором записано только одно сочетание: *коңыр күүк* 'серые кукушки' (с. 69)¹⁶.

В древнетюрк. *qoңır* имеет значение 'рыжеватый, каштано-

вый; коричневый; каурый'. G. Clauson предполагает, что *koңur* (*koңor*) первоначально обозначало цвет кожи лошади темно-каштанового или подобного цвета; позднее использовалось для довольно широкого круга оттенков этого цвета и различных объектов, например, тканей. Раннее заимствованное слово в монгольском и персидском употребляется в форме *koңgor*. *Коңур ко:у* 'коричневая овца', иногда о человеке — загорелый¹⁷. Не во всех тюркских и монгольских языках данное прилагательное развилось равномерно; в некоторых оно приобретает вторичные значения, ср. кирг. *коңур* '1) темно-бурый, смуглый: *коңур чач* — темные, каштановые волосы, 2) перен. (о характере) мягкий, нежный': *коңур үн* 'низкий приятный голос', и масса других вторичных значений, например, *коңур кургак* 'полусырой, слегка подсохший', *коңур күз* 'эпитет осени', *коңур баш* 'мятник луковичный (гравя)', *коңур мырза*, *чегир коңур* 'виды беркута'. Та же продуктивность характеризует *коңур* в топонимии Киргизии: Конурбай, Коңур-Бука, Коңур-Дөбө, Коңур-Өгүз, Коңур-Өлөң, Коңур-Суу, Коңур-Таш, Коңур-Чоку.

По-видимому, и в казах. языке и топонимии такая же продуктивность *коңур*: Конур (летовки и зимовки), Конурадыр, Конурат, Конураулиэ, Конурбай, Конуржал, Конурколь, Конуркульджа, Конур-орпа, Конурсу, Конуртау, Конуртемирши, Конуртобе, Конурулень.

В хак. и тув. языках *хоор*, видимо, обладает меньшей продуктивностью (хак. *хоор ат* 'каурий конь', *ах-хоор* 'сиво-каурый'; тув. *хоор азт* 'каурий конь'), потому и в топонимии данное прилагательное чрезвычайно редко: р. Хоор-Ос, г. Хоор-Тайга (Тува).

В якутск. *хоҕор* '1) соловый (о масти лошади): *хоҕор биэ* — соловая кобыла, 2) коричневый': *хоҕор хаас* — большой сибирский гусь-гуменник.

В монг. языках анализируемое слово употребляется для обозначения масти лошади: бур. *хонгор* 'соловый, светло-рыжий (о масти лошади)', *хонгор зула* 'бот. мордовник даурский'; калм. *хоңһр* 'саврасый (о масти лошади)'; монг. *хонгор* 'буланный; белокурый; светло-желтый', *хонгор морь* 'буланный конь'. Судя по средневековой монгольской топонимии, данное прилагательное шире употреблялось в языке и служило цветообозначением не только масти: *Qongγor* (несколько гор), *Qongγor ayula* (несколько объектов), *Qongγor γool-un eki*, *Qongγor jirγalang ayula*, *Qongγor jirγalangtu*, etc. В названиях 40 объектов имеется *qongγor*.

Итак, прилагательное *коңур*, отмеченное в древнетюрк. в ряде сочетаний, позднее развилось неравномерно в тюркских и монгольских языках, продуктивность его в топонимии Киргизии, Казахстана, средневековой Монголии может говорить о распространенности слова в языке и о том, что оно служило цветообозначением с широким диапазоном сочетаемости.

Семантическое поле «промежуточные цвета» образуется

прилагательными *jeeren* и *коңыр*, значения которых противопоставляются в основном по признаку ослабленности — неослабленности рыжего цвета. Еще одно значение *коңыр* — темно-серый — нами не выделено в отдельный лексико-семантический вариант, поскольку в топонимической лексике оно слабо улавливается, что подтверждается парадигматическими противопоставлениями по сходству (*Коңыр-Ат — Jeeren-Ат*, *Коңыр-Ой — Jeeren-Ой*). Ядерным в этой небольшой группе является прилагательное *jeeren*, оно более абстрактно, но тем не менее как *jeeren*, так и *коңыр* обладают небольшой употребительностью.

В тюркских и монгольских языках «цветовые» прилагательные широко используются при наименовании географических объектов. В Горно-Алтайской авт. обл. 14% всех тюркских топонимов содержат в своем составе «цветовое» прилагательное; а общее их число в топонимии территории — 37, 25 из них сгруппированы в семантические микрополя, которые объединяются в 8 семантических полей: первое поле — чистые черные цвета: *кара*, *бараан*, *караңуу*; второе — белый цвет: *ак*; третье — серые цвета: *боро*, *сур*, *бууурыл*, *кер*, *чал*, *кула*; четвертое — красные цвета: *кызыл*, *күрең*; пятое — желтые цвета: *сары*, *куба*, *куу*, *алтын*, *чибит*, *булан*; шестое — синие цвета: *көк*, *чаңкыр*; седьмое — промежуточные цвета: *jeeren*, *коңыр*; восьмое поле — смешанные цвета: *ала*, *өлб*, *чоокыр*.

Ведущими являются на исследуемой территории собственно тюркские единицы — *кара*, *ак*, *сары*, *кызыл*, *көк*. Если для сравнения подключить семантические поля, то первое место — за «черным цветом», второе — за «белым», третье — за «желтым», четвертое — за «красным», шестое — за «серым», седьмое — за «смешанными цветами», восьмое — за «промежуточными цветами».

¹ Молчанова О. Т. Топонимический словарь Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1979. С. 30—31.

² См. также о *боро*: Joki A. J. Die Lehnwörter des Sajansamojedischen. Helsinki, 1952. S. 97; Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1978. С. 171—173; Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков. М., 1971. С. 183; Основы иранского языкознания (Древнеиранские языки). М., 1979. С. 284.

³ Верещагин В. И. По восточному Алтаю. Дневник путешествия в 1905 г. // Алтайский сборник. Барнаул, 1907. С. 45.

⁴ Маадай-Кара. Алтайский героический эпос. М., 1973. С. 83, 100, 101.

⁵ *Боз* ~ *боро* связаны этимологически, но не связаны синхронно, *боро* и *боз* в киргизском различаются: *боро* развилось из монгольского, а *боз* имеет собственно тюркское развитие.

⁶ Сравнительные данные взяты из следующих источников: Исаев Д. И., Токомбаев Ш. Т., Алиев З. А., Мурзахметов С. М. Словарь географических названий Киргизии (проект). Фрунзе, 1962; Койчубаев Е. Краткий толковый словарь топонимов Казахстана. Алма-Ата, 1974; по Туве — из собственной картотеки автора, насчитывающей 4296 топонимов; по Хакасии — из собственной картотеки автора и статей М. А. Жевлова (в общей сложности 2447 единиц); по Шории — из кандидатской диссертации А. А. Бонюхова; по средневековой Монголии — Haltod M. Mongolische Ortsnamen. Wiesbaden, 1966, где собрано 13644 имени.

⁷ См. подробно о слове: Севортьян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1978. С. 228—229.

⁸ См. в алт. сур *жылан* 'серая змея': Аноский сборник: Собрание сказок алтайцев с примечаниями Г. Н. Потанина. Омск, 1915. С. 134. (Зап. Западно-Сиб. отд. Русск. геогр. об-ва. Т. 37).

⁹ *Древнетюркский словарь*. Л., 1969. С. 137; G. Clauson. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth Century Turkish. Oxford, 1972. P. 417. Любопытными оказываются этнографические наблюдения Л. П. Потапова, отметившего, что у телеутов во время камлания шаманы употребляли сочетание *ак-чагал*, обозначая им какое-то ездовое животное, символизирующее бубен. Ученый связывает этот термин с якутским и уйгурским обозначением коня пестрой или пегой масти, столь почитаемом древними кочевниками Центральной Азии. Сопоставление *чагал* и древнетюрк. *ça:l* кажется здесь уместным: Л. П. Потапов. Исторические связи алтае-саянских народов с якутами//Советская этнография. 1978. № 5. С. 87—88.

¹⁰ Молчанова О. Т. Указ. раб. С. 73—74.

¹¹ *Алтайская топонимия* дает нам пример с синонимом *кызыл* — это лог *Көрнөө* (система Кара-Кёкши), где *көрнөө* 'низовой огонь', *көрнөө* от 'красный огонь'. В чувашском языке для обозначения красного цвета тоже используются существительные, связанные с цветом огня или крови. См.: Васильева Е. Ф. Названия цвета в чувашском языке//Диалекты и топонимия Поволжья. Чебоксары, 1980. С. 148.

¹² См. также: Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников (VII—IX вв.). Л., 1980. С. 44; Васильева Е. Ф. Указ. работа. С. 151; Doerfer G. Khalaj materials//Indiana University Publications Uralic and Altaic Series. 1971. Vol. 115. P. 298.

¹³ Бахилина Н. Б. История цветообозначений в русском языке. М., 1975. С. 176.

¹⁴ Clauson G. Op. cit. P. 914.

¹⁵ Цинциус В. И., Бугаева Т. Г. К этимологии названий металлов и их сплавов в алтайских языках//Исследования в области этимологии алтайских языков. Л., 1979. С. 29.

¹⁶ Есть женщина в селе Шашикман Онгудайского р-на по имени Коңыр — сообщено А. Т. Тыбыковой.

¹⁷ Clauson G. Op cit. P. 639.

ЭТИМОЛОГИЯ БАШКИРСКОГО СЛОВА *KÜSER*

По общепринятой этимологии русское слово *кучер* происходит (посредством немецкого языка) от названия венгерской деревни *Коч* [1, II, с. 438]. Перед тем как начать искать этимологию любого слова среди заимствованной лексики, надо убедиться в том, что слово не объясняется внутри языка. Объяснить башкирское слово *күсер* 'шафер; товарищ жениха, сопровождающий его в дом невесты' с таким значением было бы не очень сложно. Ибо оно могло бы быть субстантивированным причастием от глагола *күс-* 'переселяться, переезжать, перебираться, переходить' [2, с. 301; 3, с. 649; 4, с. 311 б]. Это, кажется, возможное явление в башкирском языке; ср. *килер* 'доход', *тик тормац* 'непоседа' [5, с. 316].

Семантически также можно объяснить слово *күсер* 'товарищ жениха, сопровождающий его в дом невесты' от глагола *күс-* 'переселяться, перебираться' и т. д., хотя это менее вероятно, так как сам жених не переселяется, а только посещает дом невесты. Здесь можно предполагать и существование двух омонимов *küser* в башкирском языке: со значением «товарищ жениха...», образованный от башкирского глагола *күс-* 'переселяться', и со значением «кучер» из русского языка. Происхождение этого «второго» слова заслуживает внимания.

В венгерском языке есть нарицательное слово *kos* (произношение *кош*) 'баран' [4, II, 585 б] и название деревни *Kocs* (произношение *коч*) [4, с. 348]. Оба слова происходят из одного и того же тюркского корня. Основанием для такого предположения служит то, что слово *кош* и его варианты *коч*, *кос*, *кус*, *кут*, *куч*, *куш*, *хус*, *куса*, *хуса*, *куча*, *кач* представлены в большинстве современных тюркских языков, а также отмечены в их письменных памятниках во все периоды развития [8, II, с. 101, строка 9; III, с. 381; 9, 57, строка 5; 10, II, № 12, строка 106; 3, с. 589 б; 4, с. 451 а, 451 б; 3, с. 592; 11, с. 198; 12, с. 88; 13, с. 26, строка 6; 14, с. 62, строка 1; 15, с. 40; 16, с. 30 б, строка 13; 17, с. 245; 18, с. 78,

строка 69; 19, с. 172; 20, с. 216, строка 2; 21, с. 920; 22, с. 549; 23, с. 78; 24, с. 84; 25, обратная сторона 283, строка 28; 26, с. 642; 27, с. 423; 28, II, с. 71 а; 29, с. 554 б; 30, с. 220; 31, II, с. 615; 32, с. 238; 3, с. 351 а; 33, II, с. 196 б—197 а; 31, II, с. 1010; 34, с. 157; 31, II с. 621; 35, с. 155; 36, с. 268 б, 269 а; 31, II, с. 643; 37; 38, с. 45; 28, II, с. 71 а; 31, II, с. 618, 908; 39, с. 100; 40, с. 274 а; 41, с. 117—118; 39, II, с. 940; 44, с. 571, с. 604 б; 45, с. 616 б; 46, I, с. 440 б, 441 а].

Сравните еще: *камас*, *мотор*, *киса* [47, с. 214]; русск. (диал.) *ко́скаг* [48, II, с. 181 а, 100 а; 49, с. 178 б; 50, II, с. 437; I, II, с. 437]. Кроме того, эти формы отмечены в грузинском, персидском, болгарском и македонском языках [51, с. 30 б; 52, II, с. 278 б; 53, с. 993 б; 54, III, с. 540—41; 55, с. 276 б; 54, III, с. 540].

Судя по тому, что в остальных языковых группах оно встречается только спорадически, ясно, что мы имеем дело с тюркским словом.

Довольно интересно двойное представление слова в форме *qoç*, с одной стороны, и в формах *qoçqar*, *qoçnar*, *qoçu nar* — с другой. Клосон [3, с. 592] и Дёрфер [54, III, с. 539—541] считают форму *qoç* первоначально огузско-болгарской, хотя в современном чувашском языке этого слова нет, но среди других доказательств раннее венгерское заимствование свидетельствует о том, что слово существовало в древнеболгарском языке.

Бенцинг объясняет огузско-болгарские параллели тем, что огузские языки лишь в течение короткого времени подвергались нивелирующему влиянию монгольского нашествия, разрушившего прежнее единство западных тюркских языков, следы которого сохранились только на перифериях [62, с. 72].

Если примем гипотезу о ранних болгарских заимствованиях монгольского языка, то, кроме болгарских заимствований венгерского языка, монгольский язык представляет другое доказательство существования нашего слова в древнеболгарском языке. Из монгольского впоследствии оно перешло в тунгусо-маньчжурские, частично в самоедские языки. Формы в хакасском, алтайском и койбальском языках также являются заимствованиями из монгольского языка.

Судя по гласному ауслауту монгольских и заимствованных из монгольского данных, Дерфер предполагает двусложное слово и для огузско-болгарской формы слова [54, III, с. 539—541], а по мнению Щербака, «*коч* по крайней мере не новейшее образование ... Его прототип ... выступил в форме *кочун*. При этом отношение *коч* и *кочун* носило морфологический характер, т. е. было приблизительно таким же, как отношение *кой* (*коч*) и *койун* (*кочун*)» [41, с. 117]. «Дополнительный слог *-ун* морфологический элемент, некогда выражавший значение уменьшительности» [41, с. 110].

Разнообразие форм в персидском языке объясняется многократным, независимым друг от друга заимствованием и отсутствием единой орфографической традиции.

В грузинском языке слово может быть непосредственным,

или скорее всего заимствованным из турецкого через персидский язык. В болгарский и македонский слово попало из турецкого языка.

Кошкар в новосибирском и астраханском диалектах русского языка является заимствованием из одного из кыпчакских языков. *Кисар* у Фасмера, по нашему мнению, является опечаткой (вместо *kisan*). *Kisan* является контаминацией, т. е. образовано путем объединения заимствованного из монгольского языка слова *куца* и русского *баран* (куца + баран > куцан).

Дальнейшие разнообразные тюркские формы объясняются закономерными фонетическими изменениями: караимский *кошхар*, карачаевский *қошхар*, балкарский *qoşxâr*, татарский *кишкар*, башкирский *quşqar*, барабинский *koşkar*, уйгурский *qoşqar*. Казахские формы *qoşaqay* и *qoşaqan* являются словами, образованными с диминутивными суффиксами.

В венгерском языке на месте тюркского *ç* в древних тюркских заимствованиях находим то *č*, то *š*. Это двойное представление одного и того же тюркского звука вызвало оживленную дискуссию в венгерской тюркологии, и этот вопрос до сих пор окончательно не решен. Йожеф Буденц заметил, что древнетюркские заимствования венгерского языка характеризуются присущими чувашскому языку фонетическими признаками — ротацизмом, ламбдацизмом и некоторыми другими фонетическими явлениями. Издание книги Ашмарина «Болгары и чуваша» в 1902 г. раскрывает языковую общность этих двух народов [63]. По мнению Гомбоца, общетюркскому *č* соответствует в современном чувашском языке *š* [64, 65, II, с. 65—83], но изменение *č* > *š* до периода древнеболгарских-венгерских контактов еще не было завершено, а дошло лишь до стадии *ś*, так как, если изменение *č* > *š* > *ś* было бы уже закончено до времени заимствования, то на месте общетюркского *č* в венгерском языке стоял бы звук *z*, как в некоторых заимствованных венгерских словах, имевших в пратюркском анлаутный *y-*, например, венгерск. *szél* [sel] 'ветер' (дериват слова задокументирован как географическое название приблизительно с 1181 г., как имя нарицательное — с 1350 г.) [6, III, с. 705] < древнетюрк. *yel* id. [3, с. 916—17; 4, с. 254 a] ~ чув. *šil* id. [66, XII, с. 146—8] ~ тат. *džil* id. [33, III, с. 765] ~ баш. *yël* id. [2, с. 179]; венгерск. *szölö* [sölö] 'виноград' (дериват слова задокументирован как географическое название с 1075 г., как имя нарицательное — после 1372 г.) [6, III, с. 794] ~ чув. *širla* 'ягода' [66, XII, с. 118] ~ тат. *džiläk* 'ягода' [33, III, с. 772 б] ~ баш. *yëläk* [2, с. 181 a]; венгерск. *szücs* [süč] 'скорняк' (задокументировано как имя личное приблизительно с 1165 г., а как имя нарицательное — приблизительно с 1380 г.) [6, III, с. 810] ~ древнетюрк. *yiči* 'портной' [8, II, с. 3; 4, с. 260 б] ~ чув. *ševěš* (è) 'портной' [66, XIII, с. 54]; ср. башк. *yöu* 'шов' [2, с. 230 а, 5, с. 105—8]; венгерск. *szérü* 'гумно' (задокументировано как географическое название с 1075 г., а как нарицательное слово — приблизительно с 1395 г.) [6, III, с. 743] ~ древнетюрк. *yüzük*

'кольцо' [3, с. 986 б] ~ чув. *sör* [66, XIII, с. 106], *sörö šerě* 'кольцо' [66, XIII, с. 107] ~ тат. *yözök* 'кольцо' [33, I, с. 466—67] ~ башк. *yöyök* 'перстень' [2, с. 229 а].

Следовательно, в этих словах чувашскому *š* в венгерском языке соответствует *s-*, тогда как чувашскому *š* из пратюркского *č* соответствует то *š*, то *č* т. е. предполагаемый Гомбоцем переходный звук *š* был неизвестен венгерскому языку и субституировался двойко.

Примеры на соответствия с *š*: (в анлауте) венгерск. *sarú* [šärü] 'сандалии, босоножки, башмак' (дериват слова задокументирован приблизительно с 1211 г. как имя личное, а как имя нарицательное — приблизительно с 1380 г.) [6, III, с. 487] ~ древнетюркск. *čaruk* 'род обуви; чарыки' [3, с. 428; 4, с. 141 а] ~ тат. *čarik* 'кун аслы, тула кунычлы аяк киеме' [33, III, с. 411 б] ~ башк. *sariq* 'чарык' [2, с. 464 а]; венгерск. *sátor* [šátor] 'палатка, шахтер, юрта' (частью составного географического названия это слово задокументировано приблизительно с 1150 г., как имя нарицательное — приблизительно с 1372 г.) [6, III, с. 500—01] ~ древнетюркск. *čatir* id. [3, с. 403 б; 4, с. 142 а; 54, III, с. 16—22] ~ чув. *čatir* id. [66, XV, с. 162] является заимствованием из татарского; ~ тат. *čatir* id. [33, III, с. 413 б] ~ башк. *satir* id. [2, с. 464 б]; венгерск. *seprő* [šepgö] 'подонки вина' (задокументировано с времен около 1395 г.) [6, III, с. 519] ~ чув. *šepre* 'дрожжи' [66, XIII, с. 80] ~ тат. *čürä* 'дрожжи', закваска, бродило' [33, III, с. 480 б; 67, с. 652 б] ~ баш. *süprä* 'дрожжи, закваска' [2, с. 487 а]; венгерск. *sereg* [šereg] 'армия' (дериват слова задокументирован с 1057 г. как имя личное, а основа слова — приблизительно с 1395 г.) [6, III, с. 521] ~ древнетюркск. *čarig* 'войско' [3, с. 428—9; 4, с. 142 б; 54, III, с. 65—70], *čerig* [4, с. 144] ~ чувашский: *šar* [66, XII, с. 57], *šari* 'войско' [66, XII, с. 63] ~ тат. *čirü* 'рать, войско' [33, с. 432 б; 67, с. 637] ~ баш. *sireü* (то же). В инлауте: венгерск. *keselyü* [kešeyü] 'коршун' (задокументировано с 1233 г. как географическое название, а приблизительно после 1372 г. — как имя нарицательное) [6, II, с. 467 а] ~ джагатайск. **قوجالق** *qučäläq* id. [31, II, с. 1009]; ср. еще ~ османск. **كوجون** *güčügän/güčän* 'род коршуна' [31, II, с. 1645] ~ киргизск. *küčügän* [69, с. 474 б] 'бородач-ягнятник' [69, с. 262 б] ~ башк. *kösögän* 'хищная птица, похожая на орла'; венгерск. *kés* [kéš] 'опаздывать' (дериват этого глагола задокументирован как имя личное с времен около 1138 г., а основное слово — приблизительно с 1372 г.) [6, II, с. 469] ~ древнетюркск. *kêč* [3, с. 694], *keč* [4, с. 291 а] id. среднекыпчак. **كچ** 'быть ленивым' [12, с. 95]; ср. еще: ~ чув. *kas* 'вечер, ночь' [66, VI, с. 140—41] ~ тат. *kič* 'вечер, поздно' [33, II, с. 115 а] ~ башк. *kis* 'вечер' [2, с. 263 б]; венгерск. *köris* [körös] 'ясень' (задокументировано как географическое название с 1055 г., как имя нарицательное — с 1193 г.) [6, II, с. 618] ~ чув. *kaviris*, *kavirš* id. [66, VI, с. 18] ~ тат. *koričagač* [33, II, с. 166 а; 67, с. 285 б] ~ башк. *qörös ayas* id. [2, с. 339 б].

После *r*-: венгерск. *bors* [borš] 'черный перец' (как географическое название задокументировано с 1075 г., а как имя нарицательное — приблизительно с 1395 г.) [6, I, с. 349] ~ древнетюрк. *murč* [3, с. 771—72; 4, с. 351—52], *mirč* [3, с. 771—72; 4, с. 346, 352] ~ чув. *pörös* id. [66, X, с. 137] ~ тат. *börič* id. [33, I, с. 182] ~ башк. *börös* id. [2, 108 а]; венгерск. *boršo* [boršo] 'горох' (дериват слова как географическое название задокументирован приблизительно с 1229 г., а как имя нарицательное — приблизительно с 1395 г.) [6, I, с. 349—350] ~ древнетюрк. *burčak* id. [3, с. 357; 4, с. 125] ~ чув. *pirša*, *porša* id. [66, X, с. 140] ~ тат. *borçaq* id. [33, I, с. 180 а] ~ башк. *börša* id. [2, с. 108 б]; венгерск. *koporsó* [koporsó] 'гроб' (задокументировано приблизительно после 1372 г.) [6, II, с. 566] ~ древнетюрк. *qabirčaq* 'ящик; гроб' [7, I, с. 501; 3, с. 586 б—587 а; 4, с. 399 б] ~ башк. *qabirsaq* 'раковина, ракушка'; венгерск. *orsó* [oršo] 'веретено' (задокументировано приблизительно с 1405 г.) [6, II, с. 1094—95] ~ тат. *örčök* id. [33, II, с. 478] ~ баш. *örsöq* id. [2, с. 417 б].

Примеры на соответствие с *č*: (в анлауте) венгерск. *esalan* [čalan] 'крапива' (задокументировано как географическое название с 1214 г., а как имя нарицательное — приблизительно с 1395 г.) [6, I, с. 472—73] ~ древнетюрк. *čalqan* 'метастаз' [3, с. 420 а; 4, с. 137 б] ~ джагатайск. چالغان *čalayan* id. [31, III, с. 1879] ~ телеутск. *čalqan* 'репа, крапива', *čalqančaq* id. [31, III, с. 1885] ~ шорск. *šalyanaq* [31, IV, с. 964].

Приведенные слова являются дериватами древнетюркского глагола *čal* 'ударять, бить' [3, с. 417—8; 4, с. 137 а], тогда как тат. *šalkan* 'репа' [33, III, с. 487 б] ~ башк. *šalqan* 'репа' [2, с. 653 б] являются заимствованиями из персидского языка [54, III, с. 326—27]; венгерск. *csipa* [čipä] 'глазной гной' (задокументировано приблизительно с 1211 г. как имя личное, а приблизительно с 1550 г. — как имя нарицательное) [6, I, с. 536 а] ~ османск., таранчийск.

наречие: چىپاق *čapaq* id. [31, III, с. 1918] ~ башк. *sipiq* 'гнойные глаза'; венгерск. *csökönyös* [čökön'öš] 'упрямый' (задокументировано с 1808 г.) [6, I, с. 563 а] ~ чув. *čigimži* [66, XV, с. 269], *čiximis*, *čiximži* 'упрямый, норовистый, с норовом' [66, XV, с. 277] ~ тат. *čigim*, *čigimci*, *čigin* id. *čigimla-*, *čigimčila-* 'быть норовистым' (особенно о лошади) [33, III, с. 454 а] ~ башк. *sijinsī* id. [2, с. 489 а]; венгерск. *ocsú* [očü] 'охвостье, мякина, полова' (как имя личное задокументировано с 1211 г., а как имя нарицательное — приблизительно после 1416 г.) ~ среднекыпчакск. *učux* id. [11] ~ тат. *oçoq* id. [33, II, с. 488 б] ~ башк. *ösöq* 'легкий, неналитой' (о зерне) [2, с. 418 б].

Гомбоц в своих университетских лекциях по тюркологии, изданных в 1930 и 1960 гг. считает заимствования, содержащие *š*, древнеболгарскими, а, содержащие *č*, более поздними, может быть, хазарскими [71, с. 17]. Дюла Немет сдвигает время заимствования слов, содержащих *č*, еще на более поздний период

и считает их печенежско-куманскими [72, с. 22—26]. Но вопрос оказывается еще сложнее, так как убедительные болгарские критерии сочетаются с *č* [72] и первоначальный финно-угорский *č* в венгерском языке также перешел в *š*. Кроме слова *koš* 'баран' ~ *Kocs* (географическое название), есть еще одно тюркское заимствование и несколько исконно финно-угорских слов, которые сохранились и в форме с *š*, и в форме с *č* [73; с. 215—6; 75, с. 39—62].

Слово тюркского происхождения в венгерском языке выступает с двойным представлением пратюркского *č*:

kis [kiš], *kicsi* [kiči], *kicsiny* [kičín'] 'малый, маленький'. Формы с *č* имеют оттенок уменьшительности. Авторы «Историко-этимологического словаря венгерского языка» [6] предполагают двойное заимствование из тюркских языков, а именно *kicsiny* и *kis/kicsi*.

Kicsiny (задокументировано как имя личное с 1215 г., а как имя нарицательное — с 1403 г.) [6, II, с. 483] ~ чув. *kěžep* 'малый, маленький, низкий' [66, VII, с. 307—8];

Kicsi (задокументировано с 1466 г. как личное имя, а как нарицательное — с 1538 г.) [6, II, с. 483];

Kis (задокументировано в составе географического названия с 1075 г., а как имя нарицательное — с 1337 г.) [6, II, с. 495—96] ~ среднекыпчак. *kiči* id. [11] ~ башк. *kěšě* 'меньший (по возрасту); младший (по возрасту, званию, должности)' [2, с. 254 а].

Двойственность форм *kicsi* ~ *kis* может быть объяснена диалектными различиями венгерского языка [76].

Двойное развитие звука *č* в некоторых исконных словах финно-угорского происхождения привело к семантическому разветвлению. Напр: *csekély* [čekěy] 'мало' ~ *sekély* [sekěy] 'мелкая (о воде)' [6, I, с. 491; III, 511]; *csillog* [čillog] 'блестит' ~ *sajog* [šajog] 'ноет' [75].

Из вышеприведенных данных видно, что тюркские заимствования с *č* в венгерском языке задокументированы в достаточно раннем периоде. В силу этого факта языковеды вернулись к предложению Гомбоца о двойном представлении болгарского звука *č* в венгерском языке [78, с. 32; 75, с. 216; 79, с. 112; 80, с. 49; 82; 83].

Иначе объясняет развитие двух звуков *č* А. Рона-Таш [80]. По результатам его исследований, спирализация *č* в южно-сибирских языках и переход *č* в *š* в казахском, каракалпакском и ногайском языках произошли не ранее XIV в., а в языке чувашского типа в Волжско-Камском ареале палатальный *č* существовал уже в IX—X вв.

Тот факт, что венгерский является единственным финно-угорским языком, не сохранившим палатальный *č*, А. Рона-Таш объясняет влиянием южных тюркских языков, не контактировавших до тех пор с другими финно-угорскими языками [80].

Слово *koš* в венгерском языке задокументировано еще в форме *košu* как имя личное с 1137 г., а как имя нарицательное — при-

близительно с 1395 г. [6, II, с. 585 б). Ср. еще: [83, с. 161; 84, с. 86; 85, с. 183].

И в исторической, и в современной Венгрии есть несколько деревень, имеющих название *Коч*, или же имеющих в своем названии элемент *Коч*. Деревня *Коч*, название которой стало бродячим словом, лежит в 70 километрах западнее Будапешта в области Комаром. Название этой деревни задокументировано с 1372 г. [87, с. 348] и считается антропотопонимом [7, с. 348].

Фенеш высказывает мнение, что название деревни *Коч* раньше должно было звучать *Кош*, так как на печати деревни все еще изображается баран [87, с. 230 б]. Название деревни, по нашему мнению, никогда не звучало *Кош*, однако можно сожалеть о том, что до сих пор тюркологи не обращали внимания на обстоятельство, отмеченное Фенешем, хотя антропоним *Коч* не раз связывался со словом *Кош*.

Кришто — Макк — Сегфю причисляют в одну группу многие географические названия, не имеющие — кроме звукового сходства — ничего общего, и дают этимологию из славянского слова, имеющего значение «вырубить» без указания на конкретную лексику и язык-источник [88, с. 48].

Исследования Д. Дёрфи свидетельствуют о том, что все эти селения связаны именно с тюркскими племенами, печенегами или гузами [90, с. 487—88]. И географические названия с *Коч* имеют антропонимическое происхождение, основы которых в свою очередь восходят к наименованиям животных [92, III, с. 504, 551—53; 93, с. 29; 94, с. 55; 95, с. 54].

Название этой деревни с суффиксом *-i*, образующим в венгерском языке имя прилагательное от имен существительных, в форме *kocsi* употребляется в значении «кочская карета», позже «венгерская карета», еще позднее «(одна специальная) легкая карета».

Слово *kocsi* (произношение *кочи*) в венгерском языке употребляется в значениях: 1. 'легкая, быстроходная, коннотяжная карета' (задокументировано с 1494 г.), 2. 'кучер, ямщик, извозчик' (задокументировано с 1494—95 г.), 3. 'грузовое средство транспорта с конной тягой' (задокументировано с 1544 г.), 4. 'ручная или машинная тележка меньшего размера' (задокументировано с 1835 г.), 5. 'вагон' (задокументировано с 1847 г.), 6. 'автомобиль, автомашина' (задокументировано с 1924—26 г.), 7. 'катающаяся запчасть любой машины' (с 1961 г.) [6, II, с. 514; 98; 99, XII, с. 58]. В современном венгерском языке слово выступает еще в других значениях и в составе многих слов [ср. 100, с. 745 б; 101, с. 390 а].

Лексема *kocsi* стала международным словом, претерпевшим впоследствии еще дальнейшие семантические изменения [96, с. 167 б; 97, с. 142 в; 102, с. 326 а; 96, с. 167 б; 103, с. 380; 104, с. 184 а; 105, с. 406 а, 408—09; 106, с. 859; 97, с. 142 в; 107, с. 289 а; 108, с. 356 б; 109; 110; 111; 112, с. 242 б—243 а; 113, 282 б; 114; 115; с. 282; 116, с. 153; 117, с. 358; 118, II, с. 357 а; 119, с. 212 а; 120,

с. 276 б; 121, с. 218; 123, с. 245 а—246 б; 124, XVI, с. 543; 125, с. 232 б; 29, с. 555 а; ср. 126, с. 189].

Ридль сюда относит и фламандск. *goetse* и шведск. *kusk* [129, с. 103—06], Клуге — нидерландск. *Koets* [129, с. 59—62], Толнай — нижнегерманск. *kutze, kutzan, kosche*, шведск. *kusk, kutcsh-Vage* и фризландск. *kuze* [130].

Некоторые лингвисты, в частности Диц и Кропф, объясняют происхождение этого слова из других языков [131, 132; 128, 131; 133; 134; 142; 143; 144, с. 283—296; 145, с. 211; 146; 147, с. 184]. Главной слабостью этих этимологий является то, что авторы ссылаются только на один пример, не обращая внимания на остальные.

Локоч объясняет это слово из турецкого языка [131]. Он ссылается на следующие лексемы: турецк. *kos* 'стоянка повозок'; украинск. *kos* 'казачий лагерь'; русск. *koscey* 'военнопленный, слуга'. Объяснение же таково: в России и в Польше охотно использовали в качестве конюхов и кучеров турецких (или тюркских?) военнопленных, откуда в конце концов происходит и немецкое слово *kutscher*.

Сам Шторфер, по которому нами цитированы эти сведения, не отвергает ни турецкую, ни славянскую этимологию, но придерживается мнения, что исходным пунктом распространения слова, будь оно любой этимологии, во всяком случае была деревня *Коч*, и слово распространилось по каменной дороге между Будой и Веной, построенной в последней четверти XV в. По мнению Шторфера, город Вена играла в этом значительную роль, хотя в местном языке этого города основное слово не сохранилось, но до сих пор употребляются слова, образованные от этого же корня, например: *Hofkutsche, Kutscher, kutschieren*.

В настоящее время этимологами и составителями этимологических словарей считается фактом венгерская этимология слова [99, XII, с. 58; 114, с. 445; 148, с. 393—94; 149, с. 133; 150, 100; 151, 123, с. 245; 152, с. 167 а; 106, с. 860; 80, с. 49; 6, II, с. 514—15; 153, с. 312; 108, с. 356 б; 154, с. 415; 155, I, с. 537; 156, с. 254; 157, с. 43—44; 121, с. 128; 112, с. 242 б—243 а; 1, II, с. 438; 98, I, с. 328—9; 127, с. 713 б; 158, с. 36].

Некоторую полемику вызвал вопрос о том, с каких пор задокументировано слово в венгерском языке. В специальной литературе существовало в одно время мнение, что якобы слово появилось впервые в 1267 г., однако позднее выяснилось, что это было недоразумение [159, с. 549—551; 160, с. 551—4; 161].

Здесь следует обратить внимание на время возникновения денотата слова *Коч*. Венгерские кареты стали известными в Европе в середине XV в. Например, послы молодого короля Ладислауса привезли в 1456 г. принцессе Мадлен в Тур красивую венгерскую карету, которая вызвала огромный интерес [131].

К сфере легенд принадлежит замечание одного из венгерских епископов во второй половине XVI в. о том, что изобретателем *кочи* был будто бы венгерский король Матяш Корвин (1458—

1490) [163, с. 201—202]. Определенная доля истины есть и в этом замечании. Время и обстоятельства становления названия «всемирноизвестной» венгерской кареты *кочи* каким-то образом совпадают с правлением Матяша. В 1485 г. король Матяш завоевал Вену [164, с. 311]. После этого Матяш строит дорогу между Будой и Веной, по которой создают почтовые станции, четвертая из них была в деревне *Коч*.

Предком венгерской кареты Домановский считает воз с Большой Венгерской низменности, описанный одним французским автором в 1433 г., задние колеса которого по размеру намного больше передних, поэтому способен передвигаться быстрее обычного. Такие возы в то время еще не были известны в западной Европе [94].

Путешественники XVI в. описывают *кочи* как очень удобное средство транспорта. Его первое изображение известно с 1562 г., но намного известнее картина Шемеля от 1568 г. [163]. Одна *кочи* была изображена и во всемирноизвестной книге Комениуса «*Orbis pictus*», написанной в 1658 г. В *кочи* запрягали лошадей. Задние колеса были больше передних, задняя часть была выше передней. Кроме ящика на ней сидели три человека. В нее помещали подушки и провианты. Эта карета была весьма быстроходная. Она изготавливалась из различных сортов дерева, была легкая, упругая [163; 171; 172].

С этого времени термины «кочские ящики», «кочские кареты» часто упоминаются в документах. И карета, и ящик называются венгерским словом *кочи* «кочский, кочская, кочское». В венгерских документах впервые упоминается слово в 1493 г. еще как определение с добавлением латинского суффикса, образующего имена прилагательные: *citriferis kochiensibus* «с кочскими ящиками» [6, с. 514 а], но в следующем 1494 г. слово вступает как субстантивированное имя прилагательное, т. е. как самостоятельное имя существительное [165, с. 509—511]. После этого слово чаще встречается в документах и за пределами Венгрии [129, с. 103; 166; 167, с. 53—56; 168; 128; 169; 167; 150; 170; 94; 171; 172; 130; 131; 164, с. 312; 98, I, с. 328, 329; 163; 147, с. 184; 129, с. 59—62].

Домановский, Тарр и отчасти Шторфер с технической стороны изучили историю венгерской кареты *кочи* [95; 172; 173; 164; 132].

Таким образом, по географическому распространению и первым упоминаниям о слове мы легко можем проследить за венгерской каретой *кочи*.

Самота приводит ряд примеров, свидетельствующих о том, как становятся названия городов с суффиксом, образующим имена прилагательные, существительными, обозначающими определенный специальный род какого-либо предмета, как, например, в немецком языке *Landauer* (от London), во французском *berline* (от Berlin) обозначают специальные кареты; итальянский *scalogno* и французский *echalotte* 'сорт лука' от названия

палестинского города Асткалон; итальянский *baldacchino* 'балдахин' от города Багдад; французский *foyenche* 'фаянс' от итальянского города Faenza; слово *майолика* от названия испанского острова Майорка и т. д. [169].

Гомбоц в свете школы новограмматиков объясняет прикрепление значения определяемого к определяющему: *kocsi szeker* 'кочский воз', 'кочская карета', позже только *kocsi* (дословно 'кочский') с фактическим значением 'кочская карета' [170].

Это словосочетание сохранилось в начальных словах венгерской народной песни: *Kocsi szeker, kocsi szan* на уровне современного языкового сознания венгров эта фраза значит: «Карета-воз», «карета-сани», и она непонятна из-за излишнего и необычного повторения понятий: если карета, то почему и воз, если сани, то как понять карету? Объяснение таково: слово *kocsi* не означает здесь карету, а сохранило свое первоначальное значение, следовательно, правильный перевод таков: «кочский воз, кочские сани».

Итак, слово кочи, ставшее существительным из прилагательного, на рубеже XV и XVI вв. означает и ямщиков, и карету по названию венгерской деревни Коч, имеющей важное значение в транспорте между Будой и Веной. Позднее это слово осталось названием только кареты. Производили кареты в деревне Коч. Венгерские кареты стали известными от названия этой деревни. Об этом свидетельствуют не только очевидцы, но и относительно ранние гравюры.

Первые письменные упоминания слова связаны со средней Европой, Италией и Венгрией. Фонетический и морфологический облик слова, его появление все западнее свидетельствуют о венгерском происхождении. Произношение более ранних немецких форм было ближе к венгерскому, чем более поздних: *Gotshi, Gotschi Wagen*, позже *Kutsche, Gotschi Wagen*—это калька предполагаемого первоначального венгерского выражения *kocsi szekér* 'кочский воз' [150].

В дальнейшем венгерский дериват слова кочи *кочиш* 'ямщик' употребляется уже реже.

Слово *kocsis* [kočiš], образованное с суффиксом -š, в венгерском языке задокументировано с 1524 г. [6, с. 514—15; 165, с. 511]. Это слово позднее было заимствовано чешским, украинским, сербо-хорватским, болгарским, румынским языками [144, с. 283—296; 115, с. 282; 119, с. 212 а; 120, с. 276 б; 123, с. 247—48].

Эти слова—несомненные свидетельства заимствования из венгерского языка, кроме сербско-хорватского и болгарского данных, которые должны быть скорее внутренними образованиями. Видимо, южнославянская форма была заимствована турецким языком:

قوچاش *qoçaş* — قوچاچ *qoçaç* id. [31, II, с. 616; 174, II, с. 71 а]; *qoçaş* id. [127, с. 712 а]; *koçaç* [29, с. 555 а].

В ряде других языков мы встречаемся с внутренними образованиями от заимствованной основы: французск. *cocher* id.,

cochere 'ямщик' [147, с. 184; 129, с. 59—62]; славянск. *kočijaž* id. [117, II, с. 357 а]; немецк. *kutscher* [175, с. 220 б].

Немецкое слово было заимствовано русским языком при Петре I [1, II, с. 438].

В башкирском языке русскому *кучер* закономерно соответствует *küser*. Переход $\check{s} > s$ — это, за исключением некоторых диалектов, общепашкирское явление, а переход *и* в *й* можно объяснить влиянием звуков *к, ч, е*, ср.: русск. *кочан* → волжско-кыпчакский *kičan → тат. *küçän* [175, с. 90] ~ башк. *küsän* [2, с. 301 б].

Трудно решить вопрос о том, имеем ли мы дело в башкирском языке с омонимами *küser* (один от глагола *küs-*, другой из русского языка), или только с одним словом, заимствованным из русского языка. По нашему мнению, *кучер* — тюркское слово.

Огузско-болгарская форма тюркского слова *qoç* ~ *qoçin, имеющего в других языках формы *qoçınar* и закономерные фонетические соответствия (ср. башк. *quşqar* [2, с. 351 а]), была заимствована венгерским языком из древнеболгарского как имя нарицательное *koš*. В то же время в первые столетия второго тысячелетия эта же форма стала названием — антропонимом венгерской деревни *Коч*, населённой в свое время тюрками (печенегами или гузами). Следующий вопрос: почему носит эта деревня именно огузско-болгарское название? Получила ли она название от гузов? Или от печенегов, которые так же разговаривали бы на языке огузского типа? Или от печенегов, у которых эта форма была заимствованным огузско-болгарским элементом? Или же деревня получила свое название от венгров, в языке которых в это время заимствованные из тюркских языков имена нарицательные (включая и глаголы) были болгарского, а личные имена общетюркского типа [91].

Название деревни с суффиксом, образующим имена прилагательные от имен существительных (кстати сказать, не имеющих никакой связи с изафетом), в форме *kocsi* было заимствовано рядом европейских языков. В немецком языке слово претерпело закономерное фонетическое изменение: *kotschi* > *kutsche*. Получив окончание *-er*, образующее названия профессий в немецком языке (*Kutscher*), слово было заимствовано из немецкого языка русским в начале XVIII в., откуда оно проникло в башкирский язык, где приспособилось к фонетической системе башкирского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1964. I; 1967. II; 1971. III; 1973. IV.
2. Башкирско-русский словарь. М., 1958.
3. Clauson Sir Gerard. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford, 1972.
4. Древнетюркский словарь. Л., 1969.
5. Грамматика современного башкирского литературного языка. М., 1981.
6. A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára = Историко-этимологический словарь венгерского языка. Вр., 1967. I; 1970. II; 1976. III; 1984. IV.

7. Kiss L. Földrajzi nevek etimológiai szótára=Этимологический словарь географических названий. Вр., 1978.
8. Atalay B. Divanü Lugat-it-Türk Tercümesi. Ankara (без даты). I; 1940. II; 1941. III.
9. Radloff W. Uigurische Sprachdenkmäler. Leningrad, 1928.
10. Rahmeti G. R. Zur Heilkunde der Uiguren. SPAW XXIV. 1930. I; 1932. II.
11. Grönbech K. Komanisches Wörterbuch. Türkischer Wortindex zu Codex Cumanicus. Kopenhagen, 1942.
12. Noutsma M. Th. Ein türkisch-arabisches Glossar. Nach der Leidener Handschrift. Leiden, 1894.
13. Köprülüzade M. F. Milli Edebiyat cereyaninin ilk mübessirleri ve Divan-ı Türki-i basit „Türkiyat Enstitüsü nesriyatından“. Istanbul, 1928. (Цитировано по 19.).
14. Köprülüzade M. F. El-qavanin el-küllüye lizabt el-lugat-et-türkiye. Istanbul, 1928.
15. Zajaczkowski A. Vocabulaire arabe-kiptchak de l'époque de l'Etat Mamelouk. W-wa, 1958.
16. Ettuhfet-üz-zekiyye fil-luget-it-türkiyye. Geviren Besim Atalay. Istanbul, 1945.
17. Изысканный дар тюркскому языку: (Грамматический трактат XIV в. на арабском языке)/Введение, лексико-грамматический очерк, перевод, глоссарий, грамматический указатель Э. И. Фазылова и М. Т. Зияевой. Ташкент, 1978.
18. Caferoglu A. Abu-Hayyan. Kitab al-Idrak li-lisan al-Atrak. Istanbul, 1931
19. Battal A. Ibnü-Mühenna Lügoti. Istanbul, 1934.
20. Eckmann J. Nechü l'-Feradis. I. Tirkibasim. Ankara, 1956.
21. Nasiru'l-din al-Rabguzi. Qisasu'l-anbiya. (Цитировано по 20).
22. Parbier de Meynard A. S. Dictionnaire Turc-Francais. Supplément. Paris, 1886. II. (Цитировано по 19, с. 78).
23. Seyx Süleyman efendi-i Buxari: Lúgat Çayataý ve Türki Osmani Istanbul, 1928. (Цитировано по 19, с. 78.)
24. Abuška. Csagatajtörök szögyütemény. Fordította Vámbéry Armin=Абушка. Джагатайско-тюркский глоссарий. Перевод Армин Вамбери. Pest, 1862.
25. Sanglax. A. Persian Guide to the Turkish Language by Muhammed Mohdi Xan. Facsimile Text with an Introduction and Indices by Sir Gerald Clauson. E. J. W. Gibb Memorial Series. New Series XX. London, 1960. 283 v. 28.
26. Vefik Pasa A. Lehce-i Osmanî Istanbul, 1306 (1928).
27. Courteille M. Pavet de. Dictionnaire Turk-Oriental. Paris, 1870.
28. Будагов Л. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. СПб., 1868. I; 1871. II.
29. Турецко-русский словарь/Редакторы: Э. М. Э. Мустаев и Л. Н. Старостов. М., 1977.
30. Kowalski T. Karaimische Texte im Dialekt von Troki. W-wa-Krakow-Lublin-Lódz-Poznań-Wilno-Zakopane, 1929.
31. Радлов В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1893. I; 1899. II; 1905. III; 1911. IV.
32. Pröhle W. Balkarische Studien//KSz. XV (1914—15). P. 165—276.
33. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге. Казан, 1977. I; 1979. II; 1981, III.
34. Тумашева Д. Т. Көнбатыш себер татарлары теле: Грамматик очерк һәм сүзлек. Казан, 1961.
35. Дмитриева Л. В. Язык барабинских татар: Материалы и исследования. Л., 1981.
36. Shnitnikov B. N. Kazakh-English Dictionary. London—The Hague—Paris, 1966.
37. Малов С. А. Язык желтых уйгуров. Алма-Ата, 1957.
38. Русско-хакасский словарь. М., 1961.
39. Gombocz Z. Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache//MSFOu. XXX. Helsinki, 1912.
40. Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969.

41. Щербак А. М. Названия домашних животных в тюркских языках//
 42. Kowalwski J. E. Dictionnaire mongol-russe-francais. Kazan, 1844, I; 1846. Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961. С. 82—172. II; 1849. III.
43. Монгол орос толь/Под ред. А. Лувсандэндэва. М., 1957.
 44. Бурятско-русский словарь/Сост. И. М. Черемисов. М., 1973.
 45. Калмычко-русский словарь/Под ред. Б. Д. Муниева. М., 1977.
 46. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: Материалы к этимологическому словарю. Л., 1975. I; 1977. II.
 47. Ioki A. J. Die Lehnwörter des Sajansamojedischen//MSFOu, 103. Helsinki, 1952.
48. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Спб. М., 1880. I; 1881. II; 1882. III—IV. (Переиздание: М., 1978. I; 1979. II; 1980, III—IV).
49. Элиасов Л. Э. Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980.
 50. Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия. Спб., 1885. (Цитировано по 2.)
51. Краткий русско-грузинский словарь/Сост. А. Т. Торотадзе. Тбилиси, 1969.
52. Персидско-русский словарь. М., 1983. I—II.
 53. Steingass F. A Comprehensive Persian-English Dictionary. Beirut, 1975.
 54. Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Wiesbaden, 1963. I; 1965. II; 1967. III; 1975. IV.
55. Болгарско-русский словарь/Сост. С. Б. Бернштейн. М., 1966.
 56. Remusat A. Recherches sur les langues tartares. Paris, 1820.
 57. Самойлович А. Некоторые дополнения к классификации турецких языков. Петроград, 1922.
 58. Poppe N. Türkisch-tschuwassische vergleichende Studien//Islamica. Vol. 1. Fasc. 4. Lipsiae, 1925.
59. Левитская Л. С. Историческая морфология чувашского языка. М., 1976.
 60. Федотов М. Р. О некоторых огузских чертах чувашского языка//СТ. 1977. № 1. С. 25—32.
 61. Левитская Л. С. Имеются ли в чувашском языке огузские элементы?// Chuvash Studies. Вр., 1982. P. 97—103.
62. Benzing J. Einführung in das Studium der altaischen Philologie und der Turkologie. Wiesbaden, 1953.
 63. Ашмарин Н. И. Болгары и чувашы//В серии Известия Общества археологии, истории и этнографии. XVIII. 1902.
64. Gombocz Z. Nonfoglaláselőtti török jövevényszavaink. A Magyar Nyelvtudományi Társaság kiadványai=Наши тюркские заимствования из периода до обретения родины. Публикации Венгерского Лингвистического Общества. Вр., 1908. № 7.
65. Poppe N. Die tschuwassische in ihrem Verhältnis zu den Türk-sprachen//KCsA. II. P. 65—83.
 66. Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Казань, 1928—29. I—II; Чебоксары, 1929—50, III—XVII.
 67. Татарско-русский словарь. М., 1966.
 68. Jolsvay, Steinmann, Szily. A magyar állatvilág szótára=Словарь венгерской фауны. Вр., 1977.
69. Киргизско-русский словарь/Сост. К. К. Юдахин. М., 1965.
 70. Pröhle V. Baskir nyelvtanulmányok//KSz. IV (1903). P. 194—214; V (1904). P. 12—26; VI (1905). P. 228—271.
71. Gombocz Z. Nonfoglalás előtti bolgár-török jövevényszavaink/Közétette: Ligeti L. Nyelvtudományi értekezések. № 24=Наши болгарско-турецкие заимствования/Издан: Лигети Л. Лингвистические трактаты. № 24. Вр., 1960.
 72. Nemeth Gy. Török jövevényszavaink középső rétege=Средний слой наших тюркских заимствований//MNY. XVII (1921). P. 22—26.
 73. Gombocz Z. Szó-és szólásmagyarázatok. Sajog=Объяснение слов и поговорок. Sajog//MNY. IV (1908). P. 418—19.
 74. Ligeti L. Mongolos jövevényszavaink kérdése=Вопрос наших заимствований с монгольскими признаками//NyK. XLIX (1935). P. 190—271.

75. *Mészöly G.* A cserény szó eredete//Нépünk és nyelvünk=Происхождение слова *čerēn*//Наш народ и язык. Вр., 1982. P. 39—61.
76. *Horger A.* A mássalhangzók kieséséhez=К выпадению согласных//MNy. XXVIII (1932). P. 5—6, 140—45.
77. *Ramstedt G. J.* Zur Frage nach der Stellung des Tschuwassischen//JSFOu. XXXVIII (1922—23). P. 1, 1—34. Helsinki.
78. *Bárcki C., Benkő L., Berrár J.* A magyar nyelv története=История венгерского языка. Вр., 1967.
79. *Rámóczy G.* A magyar szókincs eredete=Происхождение венгерского лексического состава. Вр., 1951.
80. *Róna-Tas A.* On the History of the Turkic and Finno-Ugrian Affricates//АОН. 36 (1983): 1—3, p. 429—447.
81. *Ligeti L.* Régi török eredetű neveink//MNy. 74 (1978), p. 257—274; 75 (1979), p. 26—42.
82. *Halasi-Kun T.* Kipchak philology and the Turkic loanwords in Hungarian//АЕМАе. 1 (1975), p. 155—210.
83. *Vámbéry A.* Magyar és török-tatár szóegyezések=Венгерские и тюркско-татарские лексические соответствия//NyK, VIII (1870). Pest. С. 109—189.
84. *Budencz J.* Jelentés Vámbéry Armin magyar-török szóegyezéséről=Доклад о венгерско-тюркских лексических соответствиях Армина Вамбери//NyK. X (1871—73). С. 67—135.
85. *Vámbéry Á.* A magyarság bölcsőjénél. A magyar-török rokonság kezdete és fejlődése=У колыбели венгерства. Начало и развитие венгерско-тюркского родства. Вр., 1914.
86. *Magyarország megyei és városai.* (Magyarország monográfiája) Komárom vármegye/Szerkeszti: Sziklay J. és Borovssky S.=Комитаты и города Венгрии. Монография Венгрии. Комитат Комаром/Ред. Й. Сиклаи и Ш. Боровски. Вр., 1896—1914.
87. *Magyarország* geographiai szótara=Географический словарь Венгрии. Pest, 1851. I—IV. (Переиздание: Сегед, 1984.)
88. *Kristó Gy., Makk F., Szegfü L.* Adatok „korai” helyneveink ismeretéhez=Данные к нашим «ранним» названиям населенных мест. II//A Hist Szeg. XLVIII (1974). Szeged.
89. *Györfly G.* Geographia historica Hungariae tempore stirpis Arpadianae. Вр., 1966. I.
90. *Györfly Gy.* Besenyők és magyarok=Печенег и венгры//КСА I. Kiegészítő kötet=Дополнительный том. (1935—1939). P. 397—500.
91. *Gombocz J.* Arpád kori török személynéveink=Наши тюркские личные имена из периода династии Арпадов. Вр., 1915.
92. *Csánki D.* Magyarország történelmi földrajzi a Hunyadiak korában=Историческая география Венгрии во время Хуняди. Вр., 1890—1913. I—III, V.
93. *Ritus explorandae veritalis ... Colosuarij, 1550.* Вр., 1903.
94. *Dománovszky S.* Mázaszekér=Центнерный воз//Fejérpataky-émlékkönyv. Вр., 1917. P. 37—74.
95. *Virágh R.* Magyar helységnevek eredete. (A magyar helynévkutatás eredményei)=Происхождение названий венгерских населенных пунктов. (Результаты изучения названия венгерских населенных пунктов). Szeged, 1931.
96. *Танишина К. А.* Французско-русский словарь. Изд. 8-е. М., 1979.
97. *Мюллер В. К.* Англо-русский словарь. Изд. 17-е. М., 1978.
98. *Szarvas G., Simonyi Zs.* Magyar Nyelvtörténeti Szótár=Словарь истории венгерского языка. Вр., 1890. I; 1891. II; 1893. III.
99. *Halász J.* Visszahódított magyar szók=Отвоєванные венгерские слова//Nyt. X (1881); XII (1883). P. 5—12, 55—60, 97—103.
100. *Magyar értelmező kéziszótár*=Подручный толковый словарь венгерского языка. Вр., 1972.
101. *Helyesírási tanácsadó szótár*=Орфографический словарь-советник. Вр., 1977.
102. *Herczeg Gy.* Olasz-magyar szótár=Итальянско-венгерский словарь. Вр., 1884. I—II.
103. *Györi J.* Kocsi szavunk francia megfelelője=Французское соответствие нашего слова *кочи*//MNy (1930). P. 380.

104. *Gáldi L.* Spanyol-magyar kézisótár. Negyedik, változatlan kiadás=Испанско-венгерский подручный словарь. Четвертое, неизмененное издание. Бр., 1982.

105. *Vox.* Diccionario general ilustrado de la lengua española. Prologo de D. Ramon Menendez Pidal. Barselona, 1970.

106. *Kniezsa J.* A magyar nyelv szláv jövevényszavai. Славянские заимствования венгерского языка. Бр., 1974. I—II.

107. Немецко-русский словарь/Под ред. И. В. Рахманова. Изд. 13-е. М., 1961.

108. *Paul H.* Deutsches Wörterbuch. Achte Auflage. Bearbeitet von A. Schirmer. Halle (Saale), 1961.

109. *Rank J.* Neues Taschenwörterbuch der böhmischen und deutschen Sprache. Prag, 1882.

110. *Jancsavics J.* Uj szláv-magyar és magyar szláv szótár=Новый славянско-венгерский и венгерско-славянский словарь. Szarvas, 1848. (Цитировано по 107, с. 859.)

111. *Loos J.* A tót, magyar és német nyelv szótára=Словарь словацкого, венгерского и немецкого языков. Pest, 1871. (Цитировано по 107, с. 859.)

112. *Brückner A.* Slownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1927.

113. *Naty słownik języka polskiego.* Pod. red. Skorupki S., Auderskiej H., Lempińskiej Z. W-wa, 1969.

114. *Halász J.* Magyar elemek az északi szláv nyelvekben. Венгерские элементы в северно-славянских языках//Nyr. XVII (1888). P. 250—255, 300—307, 444—449, 495—500, 532—536.

115. *Csopey L.* Magyar szók a rutén nyelvben = Венгерские слова в русинском языке//NyK. XVI (1881). P. 270—294.

116. *Sulán B.* A szókölcsonzés kérdéséhez=К вопросу заимствования слов//MNY. LVII (1961): 2, 149—154.

117. Украинско-русский словарь/Под ред. В. С. Ильина. Киев, 1971.

118. *Slovar slovenskega knjižnega jezika.* Ljubljana, 1970. I; 1975. II.

119. *Szerbhorvát-magyar kézisótár.* Szerkesztette: Levasics Elemér és Surányi Magda. Бр., 1971.

120. Болгарско-русский словарь/Сост. С. В. Бернштейн. М., 1966.

121. Речник на редки, остарели и диалектни думи в литературата ни от XIX и XX век/Под ред. на Ст. Илчев. София, 1974.

122. *Halász J.* Magyar elemek a déli szláv nyelvekben=Венгерские элементы в южнославянских языках//NyK. XVII (1884). P. 448—455.

123. *Tamás L.* Etymologisch-historisches Wörterbuch der ungarischen Elemente im Rumänischen. (Unter Berücksichtigung der Mundartwörter.) London-The Hague-Paris, 1967.

124. *Alekszics Gy.* Magyar elemek az oláh nyelvben=Венгерские элементы в румынском языке//Nyr. XVI (1887). P. 155—160, 203—210, 252—260, 302—309, 346—355, 396—405, 437—450, 448—501, 543—555; XVII (1888). P. 12—21, 57—69, 110—120, 155—165, 211—214.

125. *Wörterbuch.* Albanisch-Deutsch. Leipzig, 1977.

126. *Vámbery A.* Magyar és török-tatár szógyezések=Венгерские и тюркские лексические соответствия//NyK. VIII (1870). P. 109—189.

127. *Zenker J. Th.* Türkisch-arabisch-persisches Handwörterbuch. Leipzig, 1866; Reprint: Haldesheim-New-Jork, 1979.

128. *Riedl Fr.* Kocsi=Кочи//Nyr. XI (1882). P. 103—06.

129. *Lovas B.* Mots d'origine hongroise dans la langue et la littérature françaises. (Etudes françaises publiées par l'Institut français de l'Université de Szeged. 7.) Szeged, 1932.

130. *Tolnai V.* Les Orgines du coche//RETH. III (1925). P. 51—58.

131. *Storfer A. J.* Wörter und ihre Schicksale. Berlin-Zürich, (1935). P. 228—238.

132. *Kropf L.* Még egyszer a kocsiról=Еще раз о кочи//Philológiai Közlöny. XXI (1897). P. 254—58.

133. *Miklosich F.* Die slavischen Elemente im Magyarischen.—Denkschriften der philhist. Classe der Keiserlichen Akademie der Wissenschaften. XXI (1871). P. 1—74.

134. *Miklosich F.* A magyar nyelvbeli szláv szók=Славянские слова в венгерском языке//Nyr. XI (1882). P. 68—73, 114—121, 161—169, 219—225, 268—273, 316—321, 359—366, 411—417, 456—459, 511—525, 563—568.

135. *Szinyei J.* Magyar tájszótár=Венгерский диалектологический словарь. Вр., 1893. I; 1897—1901. II.
136. *Uj magyar tájszótár*=Новый венгерский диалектологический словарь. Вр., 1979. I.
137. *Kakuk S.* Recherches sur l'histoire de la langue osmanlie Ees XVIe et XVIIe siècles. Les éléments osmanlis de la Tangué hongroise. Вр., 1973.
138. *Budencz J.* Csizmadia (csizmazia). A török-ji képző=Чизмадиа. Турецкий словообразующий суффикс -джи//NyK. III (1864). P. 157—160.
139. *Баранов Х. К.* Арабско-русский словарь. Издание 5-е. М., 1977.
140. *Vahr H.* A Dictionary of Modern Written Arabic. Beirut—London, 1974.
141. *Budencz J.* Vegyes apróságok. Ismertetések, észrevételek=Смешанные мелочи, замечания, изложения//NyK. VI (1867). P. 296—320.
142. *Tietz.*—Casopis pro moderní filologii XXVI. P. 170—191. (Цитировано по 107, с. 860.)
143. *Ertl.* Casopis pro moderní filologii XXVII. (Цитировано по 107, с. 860.)
144. *Sulán B.* A cseh szókincs magyar elemeinek problematikája=Проблематика венгерских элементов чешского языка//NyK. LXV (1963): 2. P. 283—296.
145. *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1917.
146. *Meyer-Lübke W.* Romanisches etymologisches Wörterbuch. Dritte vollständig neubearbeitete Auflage. Heidelberg, 1935.
147. *Dauzat A.* Dictionnaire étymologique de la langue française. Paris, 1938.
148. *Schuchardt H.* A magyar nyelv román elemeihez=К венгерским элементам румынского языка//Nyr. XVIII (1889). P. 385—396.
149. *Bánóczy J.* Külföldi magyarok=Заграничные венгры//Nyr. XXIII (1894). P. 133—34.
150. *Simonyi Zs.* Magyar elemek az európai nyelvekben=Венгерские элементы в европейских языках//Nyr. XXXVII (1908). P. 97—103.
151. *Czuczor G., Fogarasi J.* A magyar nyelv szótára=Словарь венгерского языка. Pest, 1862. I; 1864. II; 1865. III; 1867. IV; Вр., 1870. V; 1874. VI.
152. *Bárczi G.* Magyar szófajti szótár=Венгерский этимологический словарь. Вр., 1941.
153. *Kretschmer P.* Wortgeographie der hochdeutschen Umgangssprache. Göttingen, 1918.
154. *Kluge Fr.* Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 19. Auflage. Bearbeitet von W. Mitzka. Berlin, 1963.
155. *Berneker E.* Slavisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1908—13. I—II.
156. *Младенов С.* Этимологически и правописен речник на българския книжовен език. София, 1941.
157. *Décsy Gy.* Die ungarischen Lehnwörter der bulgarischen Sprache. Wiesbaden, 1959.
158. *Tagliavini C.* L'infusso unherese sull' antica lessicografia rumena//REtH. VI (1928). P. 16—45.
159. *Sörös P.* A kocsí kérdéséhez=К вопросу о кочи//Nyr. XXVII (1898). P. 549—551.
160. *Réthei-Prikkel M.* A kocsí kérdéséhez=К вопросу о кочи// Nyr. XXVII (1898). P. 551—54.
161. *Wagy Gy.* Magyarázatok, helyreigazítások=Объяснения, поправки//Nyr. XXVII (1898). P. 571.
162. *Sörös P.* A kocsí kérdéséhez=К вопросу о кочи//Nyr. XXVIII (1899). P. 86.
163. *Tarr L.* A kocsí története=История вoза. Вр., 1968.
164. *Magyarország* történeti kronológiája. Вр., 1981. I; 1982. II; 1983. III—IV.
165. *Szamota J.* Magyar oklevél-szótár. Pótlék a magyar nyelvtörténeti szótárhoz=Словарь венгерских документов. Добавление к словарю истории венгерского языка. Вр., 1902—1906. (Переиздание: Вр., 1984.)
166. *Cornides.* Ungarisches Magazin. I, II, IV. Pressburg. (Цитировано по 163.)
167. *Réthei Prikkel M.* A „kocsí“ eredete//Phil Közl. XXI (1897). P. 53—56.
168. *Réthei Prikkel M.* A „kocsí“ eredete//Nyr. XXVII (1898). P. 385—88.
169. *Szamota J.* A kocsí=Кочи//Nyr. XXIV (1895). P. 554—56.
170. *Gombocz J.* Képzettársítás és jelentésváltozás=Ассоциация и семантическое изменение//MNy. VII (1911): 3, R. 97—108.

171. Tolnai V. Mázsaszekér, kocsi, hintó=Центнерный воз, кочи, карета// Mny. XIV: P. 123—24.
172. Skolian J. Zur Frage der Entwicklung der Wagenfederung. Blätter für Technikgeschichte. 24. Heft. Wien, 1962.
173. Головацкий И. Ф. Народные песни галицкой и угорской Руси, собранные И. Ф. Головицким. М., 1978. (Цитировано по 116, с. 282).
174. Будагов Л. З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, со включением употребительнейших слов арабских и персидских и с переводом на русский язык. Спб., 1869. I; 1871. II.
175. Wahrig, G. Deutsches Wörterbuch. Gütersloh, 1968.
176. Berta A. Die russischen Lehpwörter in der Mundart der getauften Taren. Tatarische etymologische Studien I.—Studia uralo-altaica. 21. Szeged, 1983.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- A Hist Szeg — Acta Universitatis Szegediensis de Attila József Nominatae
Bp.—Budapest
etc.— и так далее
id.—то же самое
JSFOu — Journal de la Société Finno-Ougrienne I—(1886—). Helsinki
KCSA — Körösi Csoma-Archivum. I (1921—1925), II (1926—1932), Supplementary Volume I (1935—1939), III (1941—1943)
KSz — Keleti Szemle=Восточное обозрение. I (1900)—XXI (1932). Bp.
MNy — Magyar Nyelv=Венгерский язык. I—(1905—), Bp.
NyK — Nyelvtudományi Közlemények=Лингвистические сообщения. I (1982)—X (1971—73), Pest; XI—(1875—), Bp.
Nyr — Magyar Nyelvőr =Венгерский языковый караул. I—(1872—), Pest; (1875—), Bp.
P.— страница
PhilKözl — Egyetemes Philológiai Közlöny=Универсальный филологический вестник. I—LXXI (1877—1948). Filológiai Közlöny=Филологический вестник. I—(1956—). Bp.
REtH — Revue des Études Hongroises. I—XX (1923—1942). Paris
v.— обратная сторона
W-wa — Warszawa

СЛАВЯНСКИЕ НАЗВАНИЯ ТОПОНИМОВ САКМАРСКОГО БАСЕЙНА БАССР

На территории Башкирской АССР в бассейне реки Сакмары расположены населенные пункты Баймакского, Зилаирского, Зианчуринского, Хайбуллинского, Кугарчинского и Кумертауского районов. Основным источником исследования послужили данные списка населенных пунктов последнего выпуска административно-территориального деления БАССР на 1 сентября 1981 года¹, топонимический фонд ИИЯЛ БНЦ УрО АН СССР, а также полевые материалы автора.

По данным указанного выпуска административно-территориального деления, в бассейне р. Сакмары, занимающем 2500 км² площади, насчитывается 530 населенных пунктов с населением в 197 800 человек²; проживают в нем в основном башкиры: в 326 н. п. из 530 преобладает башкирское население, в 147 н. п. — русское население, в 17 — чуваша, в 14 — татары, в 3 — украинцы, в 3 н. п. — мордва³ и др.

Многонациональный характер населения, сложная этническая история этого региона нашли свое отражение и в топонимии. В топонимии бассейна р. Сакмары можно выделить несколько хронологических пластов, и наиболее молодой (т. е. верхний) пласт составляют русские названия⁴, возникшие в результате более позднего заселения края. Первые русские поселения появились в 1555—1600 гг., их было незначительно⁵. Массовый приток небашкирского населения на башкирские земли усилился особенно в конце XVIII — начале XX в. в связи с проведением так называемого генерального размежевания башкирских земель⁶. На территорию Башкирии, в том числе и в бассейн р. Сакмары, переселились выходцы из бывших Саратовской, Самарской, Подольской, Владимирской, Тамбовской и других губерний. Эти переселенцы в основном несли с собой готовые названия для вновь основанных селений, т. е. новым поселениям дали названия старого (прежнего) местожительства. Так появи-

лись пункты под названиями Саратовский в Зилаирском районе; Подольск, Самарское в Хайбуллинском районе; Саратовский, Симбирский, Черниговский, Новохвалынский в Кугарчинском районе; название с. Бахмут Кумертауского района дано переселенцами из города Бахмут на Украине, название с. Ира этого же района (варианты Ировка, другое название Покровка) также перенесено первопоселенцами из Тамбовской области и др.

Славянское (преимущественно русские) топонимы с точки зрения происхождения можно разделить на следующие группы: 1) собственно русские: Васильевка, Березовка, Ольховка, Сидоровка, Богачевка, Дмитриевка, Надеждинский, Петровка и др.; 2) нерусские по происхождению, но русские по оформлению: Казанка, возможно, от *казан* 'котел, котловина'⁷, п. Тубинск — от башкирского слова *түбә* 'холм, возвышенность' и суфф. -ск и др. Интересно отметить, что в последующем башкиры приняли русскую форму и в их речи этот топоним функционирует в форме Түбин. Например, *Түбингә барам* 'Еду в Тубинск'. Таким образом, механизм изменения топонима таков: Түбә→Тубинск→Түбин.

Попытаемся дать лексико-семантическую классификацию славянских топонимов. А. В. Суперанская пишет: «Описание и анализ собственных имен невозможны без определенной классификации топонимов, которая присутствует в ономастической работе как своеобразная платформа автора либо специально им вводится для более четкого разграничения явлений⁸. Топонимистами были предложены различного рода классификации топонимов, в основу которых положены и разные принципы подхода⁹. Наиболее распространенной является лексико-семантическая классификация. Лексико-семантическая классификация (как и любая другая) должна быть прямым продолжением этимологического анализа и в определенной мере служить объективным подтверждением его¹⁰.

В лексико-семантическом отношении славянские (русские) топонимы бассейна р. Сакмары мы разделили на следующие группы:

1. Топонимы, образованные от имен, фамилий, прозвищ первопоселенцев и владельцев: д. Васильевка, х. Владимиро-Николаевский, д. Дмитриевка, д. Сидоровка и др. в Зилаирском районе; д. Богдановка, д. Ивановка, с. Савельевка, с. Федоровка, с. Яковлевка и др. в Хайбуллинском районе; р. п. Ермолаево, х. Кузнецовский, д. Ковалевка, х. Савельевка, д. Алексеевка, п. Марьевка, д. Ульяновка, д. Егорьевка, д. Ивановский 4-й, д. Михелевский и др. в Кумертауском районе; с. Волостновка, х. Андреевский, х. Леоновский, д. Гавриловка, с. Семено-Петровское, х. Гавриловский, д. Гусевское, д. Кузьминовка, с. Александровка и др. в Кугарчинском районе;

2. Топонимы, образованные при переселении — вследствие переноса названия старого местожительства на новое. Например, название хутора Саратовский в Зилаирском и Кугарчин-

ском районах дано переселенцами из бывшей Саратовской губернии, с. Подольск в Хайбуллинском районе — переселенцами из бывшей Самарской губернии, с. Самарское в этом же районе — переселенцами из бывшей Самарской губернии, х. Симбирский в Кугарчинском районе — переселенцами из бывшей Симбирской губернии, х. Черниговский в этом же районе — переселенцами из бывшей Черниговской губернии на Украине и др. названия населенных пунктов непосредственно указывают на прежнее место жительства первопоселенцев.

3. Топонимы, восходящие к событиям крестьянской войны, в память видных деятелей Коммунистической партии и советского государства: п. Чапаевский, х. Калининский, д. Ворошиловка, д. Пугачево, д. Калинино, п. артели им. Кирова и др.

4. Топонимы, отражающие природные особенности этого края, связанные или с географическим положением населенного пункта или с его окружением (формам рельефа, растительности и т. п.). Например, таковы названия населенных пунктов Березовка, Сосновка, Степной, Подгорное, Хлебодаровка, Ольховка, Холодный Ключ, Горный Ключ и др.;

5. Следующую группу составляют названия, восходящие к названиям церквей, церковных праздников, данные в честь святого Михаила, Николая, Петра и Павла. Например, с. Покровка, д. Покровка, д. Николаевка в Кумертауском районе, д. Воскресенское, д. Новопокровское, д. Петропавловка в Кугарчинском районе, п. Петропавловский, с. Михайловка, д. Воздвиженка в Хайбуллинском районе, д. Новоникольское, д. Новопокровский, х. Успенка, х. Новопретраженский, п. Вознесенский, с. Воскресенское в Зилаирском районе и др.

6. Названия, данные в честь общественных и государственных праздников, а также связанные с комсомолом: пос. Октябрьского отделения, пос. Комсомольского отделения, с. Первомайск. п. Комсомольск и др.;

7. Также имеются топонимы, образованные от названий колхозов, совхозов и отделений: п. Серп и Молот получил свое название от названия колхоза «Серп и Молот»; п. Комсомольск — от названия отделения совхоза «Комсомольск», х. Заря — по названию колхоза «Заря» и др.

8. Имеется еще одна разновидность топонимов. Это метафорические в своей основе названия населенных пунктов: Луч, Прогресс, Свобода и др. По отношению названия населенного пункта Свобода, где преобладает русское население, интересно отметить, что при произношении этого названия местные жители, т. е. весь Кумертауский район, в том числе и сами русские, ударение ставят не на второй слог, как этого требует норма русского литературного языка, а употребляется в форме Свобода (по типу русского слова слобода). Это влияние, на наш взгляд, башкирского языка, где обычно ударение падает на последний слог.

Следует отметить, что многие славянские (русские) назва-

ния населенных пунктов представляют не единственное наименование поселения. Кроме официального они имеют еще и неофициальные названия, которые бытуют только среди местного населения. Например, русские по происхождению ойконимы имеют неофициальные названия:

а) тюркского происхождения: х. Георгиевский Зианчуринского района имеет второе название Кушкилде; п. Степной Хайбуллинского района — Караһыу; х. Саратовский Кугарчинского района — Дембэй урысы; с. Новопетровское того же района — Сарлак; с. Михайловка Хайбуллинского района — Карагайылга и др.;

б) есть случаи, когда ойконим имеет два и более неофициальных названия, один из которых тюркского, а другой русского происхождения, например: с. Побойще Зилаирского района имеет названия Новоивановка и Арыш; с. Кривля-Илюшкино Кумертауского района — Знаменка, Эмәкәс Тирмәне; Егорьевка этого же района — Карагай и Новогеоргиевское и др.;

в) неофициальными названиями являются русские по происхождению названия, например: д. Воскресенское Кугарчинского района имеет второе неофициальное название Соломоновское; пос. Ира Кумертауского района имеет вариант названия Ировка и другое название Покровка; д. Лукьяновский Зианчуринского района — Бедняк и др.

Кроме того, в некоторых ойконимах тюркского происхождения неофициальными наименованиями служат русские по происхождению названия: х. Шулька имеет русское по происхождению название — Коммунар, д. Новоядгаровская — Новогорбатовская, д. Кутлююлово — Припущенник и др.

В связи с укрупнением колхозов, совхозов, а также деревень исчезают малонаселенные пункты (деревни), вместе с ними и их названия. Например, в одном только Зилаирском районе исчезли такие населенные пункты, как Федоровка, Чибзавод, Оренбуркино, Александрийск, Крым, Матвеевка, Дедюхино, Киево-Никольск и др.; а некоторые топонимы с течением времени заменяются другими названиями. Например, в 1748 г. началось строительство Преображенского медеплавильного завода симбирскими купцами Твердышевым и Мясниковым на башкирской земле, купленной за сто рублей в количестве 100 000 десятин (ныне территория Зилаирского района). Документы о покупке земли были оформлены 6 августа 1748 г. на христианский праздник Спас Преображение, а поэтому завод стал называться Преображенским, а селу дано название Преображенск. И только в 1922 г. село стало называться по названию реки Зилаир¹¹.

Рассмотрим структуру славянских (русских) топонимов. Словообразовательные типы русских (славянских) географических названий разработаны в ряде трудов советских топонимистов. В соответствии с этим славянские топонимы можно разделить на простые, сложные и составные названия.

1. Простые топонимы. По своей структуре простые топонимы представляют собой: а) простые производные и б) простые производные наименования.

а) простые производные (бессуффиксные) названия. Как показывают наши исследования, в эту подгруппу относятся сравнительно меньше названий. В основном они образованы от нарицательных имен (в некоторых случаях имена собственные) в форме единственного числа: п. Луч, п. Лена, х. Заря, х. Прогресс, п. Свобода и др. Также в эту подгруппу относятся названия, оформленные как существительные множественного числа: п. Щербаки, Дубняки и др.;

б) простые производные названия. Удельный вес этой подгруппы сравнительно велик. Особенностью словообразования славянских топонимов является преимущественная суффиксальность¹². Большинство топонимов образованы от антропонимов при помощи суффиксов -ка (в форме -овка, -евка): Ковалевка, Савельевка, Ульяновка, Егорьевка, Александровка, Волостновка, Гавриловка, Кузьминовка, Ивановка, Яковлевка, Михайловка, Николаевка, Марьевка и др.

С помощью суффикса -ка (-овка, -евка, -енка) образованы также и топонимы, восходящие к названиям церквей, церковных праздников: с. Покровка, с. Михайловка, с. Воздвиженка, х. Успенка, д. Петропавловка и др.

Большой удельный вес составляют также названия, образованные с помощью суффикса -ск (-ская, -ское, -ский). Например: поселки Комсомольск, Уфимский, Гусевское, Леоновский, Чапаевский, Дедовский и др.

С помощью суффикса -ск (-ское, -ский) в бассейне р. Сакмары образованы также и перенесенные топонимы, например, Саратовский, Подольск, Самарское, Сибирский, Черниговский и др., а в бассейне р. Демы перенесенные топонимы образованы с помощью суффикса -ка. Ср.: Волынка, Владимировка, Днепровка, Тавричанка и др.¹³

2. Сложные топонимы. В основном сложные топонимы состоят из двух основ, представляющих одно единое целое. В этой группе можно выделить следующие подгруппы: а) топонимы — сложные существительные и б) топонимы — сложные прилагательные¹⁴.

а) топонимы — сложные существительные. Топонимы, относящиеся к этой подгруппе, в основном образованы с определяющим словом новый (ново-), старый (старо-) и существительным. Например: Новомихайловка, Старомихайловка, Новоукраинка, Новониколаевка, Новоалександровка и мн. др.; сложные топонимы образовались также из сложения двух основ: х. Хлебодаровка, х. Разномойка, п. Петропавловка, п. Первомайское и др.

б) топонимы — сложные прилагательные. Они представлены такими названиями: Новопетровское, Новопокровское, Старохвалынский, Новоалексеевский, Новониколаевское, Новохра-

лынский, Новомихайловский, Новоникольское, Новопокровское, Новопретраженский и др.

3. Составные топонимы. Составные топонимы представляют собой словосочетания с сочинительной и подчинительной связью компонентов. При этом составные топонимы могут быть образованы с помощью соединительного гласного, например с. Ивано-Кувалат; с помощью соединительного гласного и суффикса, например, Владимиро-Николаевский, Семено-Петровское; без соединительного гласного, но с помощью суффикса, например с. Кривляя-Илюшкино и др.

При образовании топонимов с подчинительной связью компонентов выступает какое-то слово, обозначающее вид объекта, и прилагательное, выражающее признак или принадлежность этого объекта. Например, п. Холодный Ключ, п. Горный Ключ и др.

Также имеются составные названия, состоящие из тюркских и русских основ. Появление топонимов такого образования связано с названиями рек, гор, озер и урочищ, вблизи которых появилось поселение. Так как горы и реки ко времени заселения данной территории русскими уже имели свои названия, причем в основной своей массе тюркские, то очень много топонимов типа Крепостной Зилаир, которое образовано от русск. Крепостной и башк. Йылайыр (гидроним); с. Бердяш Русский — образовано от русск. Русский и башк. Бирзэш (гидроним); д. Русский Бармак — Русский и башк. бармак 'отрог горы'; с. Русская Ургинка — Русская и Урген (гидроним), также есть с. Башкирская Ургинка, где слова русская и башкирская являются прямым указателем на преобладающий национальный состав населенных пунктов и др.

К этой подгруппе относятся метафорические в своей основе наименования населенных пунктов типа Красный Восток, Серп и Молот, Красный Кушак и др.

Таким образом, исследования русских топонимов бассейна р. Сакмары показывают, что они в основном указывают на историю заселения края. Изучение русской топонимии имеет большое значение. По ним можно судить, как адаптировались русские топонимы к башкирской среде, и наоборот.

¹ Башкирская АССР. Административно-территориальное деление. Уфа, 1980. С. 52—58.

² Там же. С. 152—160.

³ Там же. С. 207—219.

⁴ Словарь топонимов Башкирской АССР. Уфа, 1980. С. 6.

⁵ Хисамитдинова Р. Г. К вопросу о русских топонимах края // Вопросы топонимики Башкирии. Уфа, 1981. С. 78.

⁶ Шакуров Р. З. По следам географических названий: Топонимия бассейна реки Демы. Уфа, 1986. С. 86.

⁷ Словарь топонимов Башкирской АССР. Уфа, 1980. С. 69.

⁸ Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М., 1973. С. 148.

⁹ Суперанская А. В. Указ. раб. С. 149—160; Черняховская Е. М. История разработки топонимических классификаций // Развитие методов топонимических исследований. М., 1970. С. 55—65; Мурзаев Э. М. География в названиях. М.,

1979; Никулина З. П. Топонимия междуречья Оки, Прони и Осетра (лингвистический анализ): Автореф. дис... канд. филол. наук. Кемерово, 1964; *Словарь топонимов Башкирской АССР*. Уфа, 1980. С. 6; Хисамитдинова Р. Г. *Указ. раб.* С. 79; Шакуров Р. З. *Указ. раб.* С. 21—82 и др.;

¹⁰ Маглиров В. У. «Дивану лугат-ит-тюрк» Махмуда Кашгарского и вопросы тюркской топонимики // *Тюркская ономастика*. Алма-Ата, 1984. С. 155.

¹¹ Полевые материалы автора. Командировка в Зилаирский район. 1987 г. Тетрадь 14.

¹² Никонов В. А. Введение в топонимику. М., 1965. С. 68; Шакуров Р. З. *Указ. раб.* С. 92.

¹³ Шакуров Р. З. *Указ. раб.* С. 92.

¹⁴ Там же. С. 96—97.

ТОПОНИМИЧЕСКИЕ ЛЕГЕНДЫ АСКИНСКОГО РАЙОНА БАШКИРСКОЙ АССР И ИХ РОЛЬ В РАСКРЫТИИ ЗНАЧЕНИЯ ТОПОНИМОВ И ЭТНОНИМОВ

Географические названия своими корнями уходят в незапамятные времена. Для последующих поколений эти названия становились малопонятными или даже совсем утратили свое былое (первоначальное) значение.

Возникшие в эти времена топонимы претерпевали изменения не только в морфологической структуре, но и в семантике. Поэтому сейчас раскрытие значений и установление структуры суперсубстратных топонимов вызывают большую трудность. Учет этих особенностей, обращение к живым и неживым языкам народов, населяющих определенную территорию, дают возможность этимологизировать субстратную номенклатуру. Еще одним средством, помогающим раскрыть значение некоторых географических названий, выступают топонимические легенды и предания. Связь топонимики с фольклором очевидна. По справедливому утверждению В. А. Никонова, «географические названия — щедрый источник для изучения народного творчества, быта, верований»¹. Число легенд и преданий, посвященных раскрытию значения топонимов, велико. Видимо, из-за многочисленности таких легенд и преданий некоторые исследователи фольклора выделяют их в особую группу². Известный фольклорист А. Н. Киреев также выделяет в особую группу «легенды и предания, в которых этнонимия выступает как часть топонимии (оронимии, гидронимии и т. д.)»³.

Выделение топонимических легенд и преданий в особую группу обусловлена тем обстоятельством, что они представляют значительный интерес для изучения истории народа. «Как произведения народного творчества, — пишет В. А. Никонов, — подобные предания сами — история, отражающая народные взгляды и представления»⁴. Однако абсолютизировать роль легенд и преданий в топонимических исследованиях не следует. Ко-

нечно, предания и легенды не передают истинного значения топонимов, но могут стать стимулом к проверке этимологических гипотез, к исследовательским поискам.

Как возникли топонимические легенды и предания? Древние люди были сильно зависимыми от окружающей среды. Непонятные или малопонятные явления объяснялись порою по ассоциативной связи с предметами каждодневного пользования, которые были освоены на протяжении многих столетий. Большинство топонимических легенд возникло в результате образного мышления людей. Например, за постоянный гул, исходящий из горы, древние люди назвали ее «Горой-мельницей» и сложили легенду, в которой повествуется о жизни дью-пэрэй (дивов, нечистых духов) под этой горой, занимающихся денно и ночью кованием при помощи огромного сопеля и стопудового молотка. Или другой пример: один холм возле деревни Суюш Аскинского района Башкирской АССР носит название «Алпамша кэбер өстө» (букв. «Надгробная насыпь Алпамши»). По легенде, сложной местными жителями, захоронен здесь Алпамша. Алпамша — мифический герой, наделенный огромным телосложением и гибким умом. Он избавитель народов от злодеяний нечистых духов и дивов, с которыми он входит в единоборство и всегда побеждает. Но в одной из схваток он погибает. Люди хоронят его огромные останки. Поэтому, утверждается в легенде, образовался этот холм.

Возникновению топонимических легенд и преданий послужили не только большие исторические события, но и трагические, а также забавные и случайные явления в жизни. По одной легенде, например, название горы «Бэкер» (близ дер. Кубиязы Аскинского района) осталось от того, что некий джигит Абу-бакир на полном скаку на иноходце сорвался с крутой горы и полетел в реку.

Связь легенд и преданий с конкретным фактом действительности дает им долгую жизнь и бытование в народе в различных вариантах.

По тематике топонимические легенды и предания разнообразны. Среди них можно выделить легенды, отражающие мифологические представления древних людей, а также легенды, отражающие крупные исторические события. В особую группу тяготеют легенды и предания, где говорится о социальном гнете, бесправии женщин и горькой участи джигитов, борющихся за справедливость и свободу своего народа. В регионе бытует легенда о заступнике обездоленных, бедняков в их борьбе с алчными старшинами, баями и их прислужниками. Его зовут Баязит-батыр (а в некоторых вариантах Баязит-каска). Долго охотились за ним стражники власти, но никак не могли застать его врасплох. Баязит-батыру всегда помогал его лучший друг — быстроногий жеребец. Народ укрывал своего заступника, дав ему и его коню приют и убежище. Когда враги не могли поймать Баязита, тогда они прибегли к коварству и убили его.

Народ никогда не забывает своих героев-батыров. Он запечатлел их образы в легендах и преданиях, тесно связанных с географическими названиями. С именем Баязита также связано множество топонимов. Например: Баязит урманы 'лес Баязита'; Баязит яланы 'поляна Баязита'; Баязит кәбере 'могила Баязита' и др.

Хотя топонимические легенды не дают полного исчерпывающего объяснения географических названий и порою уведут нас от истинного их растолкования, но они ценны тем, что в них отражается своеобразное историческое прошлое народа. В этой связи хочется обратить внимание на привлечение топонимических легенд и преданий, в которых отражается формирование родины прадедов, их борьба за свою независимость, против иноземных захватчиков, воспитание у молодежи чувства патриотизма и любви к своей родине.

Для науки и практики топонимические легенды и предания являются значительным подспорьем. В них можно найти интересный материал для историков, исследователей народной культуры, географов и геологов.

В топонимических легендах и преданиях легко обнаруживается одна интересная деталь. Народ в целях освящения названия того или иного места, а также населенных пунктов старается связать их с именами популярных батыров, их деяниями или же со значительными историческими событиями. Например: холм «Алпамша кәбере өстө» («Надгробная насыпь Алпамши»); поле «Яу кыры» («Поле брани»), деревня Кышлау-Йылга (букв. 'Зимовка-река') и др.

Из всего обилия топонимических легенд не все доходят до сегодняшних дней. Некоторые из них стерлись. Вместо них на известном отрезке хронологической колонки возникли ассоциативные легенды, тесно связанные с внешними признаками объектов и часто уводящие от правильного объяснения происхождения того или иного названия.

Древние переселенцы, после переезда на новые территории, старались увековечить за собою эти земли, они давали свое название рода или племени важным, значительным объектам: гидронимам, оронимам и ойконимам. Если до переезда уже существовали населенные пункты, то пришельцы старались давать им названия своего племени, рода, показывая этим свое могущество над местными жителями. «Совпадение некоторых топонимов с этнонимами,— пишет профессор А. Н. Киреев,— отражает стремление древнебашкирских племен утвердить себя хозяевами данного края или гор, озер, объявить себя исконными обитателями конкретной местности»⁵.

Исторические судьбы таныпских и балыксинских племен нашли свое отражение в легендах и преданиях, бытующих до наших дней в северных районах Башкирии. Р. Г. Кузеев довольно убедительно раскрыл миграционные потоки и процесс расселения древнебашкирских племен, привлекая археологические,

этнографические и фольклорные данные⁶. У потомков когда-то могущественного таныпского племени существует легенда, повествующая о приходе их предков с «Мензелинских сторон» в поисках свободных земельных и охотничьих угодий, когда на «старых землях» стало «много народа и очень тесно». Эта легенда отражает реальную основу, «иначе трудно было бы объяснить присутствие в составе юго-восточных башкир рода сэнкем-кыпчак родового подразделения танып, а также деревни с таким же названием в долине Нугуша в составе тамьянцев»⁷.

В восточной окраине таныпского расселения сложены другие легенды, рассказывающие о происхождении местных жителей из марийцев. В одной из них говорится, что село Кубияз обосновано в незапамятные времена марийцем Куби (а у Р. Г. Кузеева Кёби). После прихода башкир деревня разрослась. Через некоторое время в деревню приходит мулла, который призывает население построить мечеть. Марийцы не принимают его призыва и между ними и башкирами возникает вражда. Спустя некоторое время марийцы оставляют деревню и поджигают вокруг дремучий лес (тогда вокруг этого селения был сплошной густой лес) (Информатор З. Ахматдинов, 1894 г. рождения. Записано автором в 1974 году).

В легенде отражаются ассимиляция и взаимодействие башкирских племен с древнейшими местными племенами среднего и верхнего течения рек Тюя и Таныпа. Здесь же мы обнаруживаем то, что мусульманское вероисповедание для древних башкир и для ассимилированного башкирами булгаро-угорского населения явление позднее.

В другой легенде, в частности записанной Р. Г. Кузеевым, на Тюе до прихода башкир жили «черемисы-мусульмане»⁸. Позже он высказывает предположение, что в XIII—XIV вв. «черемисами-мусульманами» могли быть лишь юрмийцы и предки кубайминцев (куби-мин), оторвавшиеся от древних башкир и переселившиеся подобно гайнинцам и таныпцам на север»⁹.

Переселение на север Башкирии отдельной части племен юрми и кубай-минцев нашло, видимо, отражение в таких названиях населенных пунктов, как Кубиязы и Урмиязы (у местных жителей бытуют названия Юрмияз и Кобияз).

Таким образом, топонимические легенды и предания хранят в себе и данные истории, этнографии. Являясь неотъемлемой частью устного народного творчества, они обрамлены узорами творческой фантазии, своеобразным миропониманием древних людей. При бережном и осмысленном подходе к ним можно извлечь много ценной информации для науки.

¹ Никонов В. А. Введение в топонимику. М.: Наука, 1965. С. 14.

² Башкорт легендалары. Өфө: Башкортостан китап нәшриәте, 1969. С. 21.

³ Киреев А. Н. Этногенетические легенды и предания башкирского народа // Археология и этнография Башкирии. Уфа: БФ АН СССР, 1971. Т. IV. С. 60.

⁴ Никонов В. А. Введение в топонимику. С. 15.

⁵ Киреев А. Н. Указ. раб. С. 63.

⁶ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа: Этнический состав и расселение. М.: Наука, 1974.

⁷ Там же. С. 347.

⁸ Научный архив БНЦ УрО АН СССР, ф. 3, оп. 12, д. 451—417; Полевые записи автора 1953 г.

⁹ Кузеев Р. Г. Указ. раб. С. 350.

А. П. Грибановский, И. А. Халиков

К ВОПРОСУ О СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПАРАДИГМАХ В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ

Анализируя структуру слова, нельзя не отметить ее тесную связь со словообразованием. Пополнение словарного состава языка обычно реализуется различными способами словопроизводства. Наиболее продуктивными и активно производящими являются суффиксальный способ и словосложение. Однако если в языке имеется большое количество одноморфемных слов, то способ словообразования оказывается и частотным. Данный тип словообразования широко представлен в английском языке и составляет отличительную черту его строения¹.

Глаголы преобразующего механического действия именуют многообразные аспекты деятельности человека. Лексико-семантическая группа (ЛСГ) глаголов преобразующего механического действия характеризуется отношениями импликации с ЛСГ глаголов движения и действия и стоит на пересечении семантических областей глаголов конкретных действий и изменения состояния. Номинативная функция анализируемых единиц предполагает обозначение глаголами действий динамических ситуаций. Данные глаголы реализуют координацию эксплицируемых или имплицитных в их значениях материальных объектов и их состояний, моделируют типовую ситуацию преобразующего механического воздействия на объект. Первичные значения этих глаголов относятся в основном к разряду конкретной лексики и им свойственны такие особенности идентифицирующих слов, как комплексность, многопризнаковость, гетерогенность семантических компонентов. Структура ситуации глаголов преобразующего действия предопределяет наличие таких элементов, как субъект (агент) действия, инструмент и результат действия. Каждое действие, выраженное глаголами рассматриваемой ЛСГ, каузируется импульсом, исходящим от субъекта, и направлено на объект воздействия. Субъект характеризуется такими свойствами, связанными с различными

способами действия и состояния, как движение, созидание объектов, изменение объектов, каузация контакта предметов, каузация функтивных отношений, локализация и каузация перемещения объектов и т. п.² Каузация служит средством выражения отношений между субъектом и объектом ситуации. Специфика объекта воздействия этих глаголов состоит в том, что данный параметр представляет собой две переменные: объект до воздействия — и объект после воздействия. Результат действия является свойством объекта³.

Настоящие глаголы предполагают наличие двух обязательных актантов — субъекта и объекта, а также факультативного — инструмента действия. Их первичной семантической структурой является предикатное выражение, где действие — конкретное механическое, субъект — инициатор действия, объект — конкретный материальный объект, подвергающийся воздействию. Глаголы преобразующего действия, обозначая процессы, выполняемые с помощью инструмента, требуют агента, выраженного существительным или местоимением. Объект воздействия, не являясь конкретизированным по способу действия в парадигматике, при реализации в речи требует указания на средство, определяющее механический способ действия.

Таким образом, актуализация субъекта в ситуации глаголов действия реализуется через синтаксическую роль агента, выраженного существительным или местоимением, а объект воздействия, как правило, представляет собой либо инструмент, предмет обихода, окружающий человека, либо объект окружающей человека среды, подвергающийся механическому воздействию.

Глаголы действия имеют многочисленные и распространенные словообразовательные парадигмы. При этом необходимо подчеркнуть, что семантическая функция отглагольных словообразовательных дериватов в разных языках однотипна, и это свидетельствует о наличии словообразовательной универсалии в языках различных типов.

Регулярными в словообразовательных парадигмах глаголов являются номинативные значения субъекта, объекта, инструмента действия и т. п. Характерно, что способы образования перечисленных дериватов, как правило, одинаковы (в основном — суффиксация, дезаффиксация, а в английском также и конверсия). Ср. русск. *пахать* → *пахня*, *пахарь*; *ткать* → *ткань*, *ткач*; англ. *to load* 'грузить' → *load* 'груз', *loader* 'грузчик'; *to buy* 'покупать' → *buy* 'покупка', *buyer* 'покупатель'; башк. *тукуьма* 'ткань', *тукуьусы* 'ткач'; яз- 'писать' → *язма* 'запись, надпись', *язьусы* 'писатель' и т. д.

Наиболее частотными в словообразовательной парадигме глаголов действия являются деривационные образования со значением субъекта-производителя действия, так как в значение названных глаголов входит лексическая сема, указывающая на активность производителя действия. Причем в русском язы-

ке данный словообразовательный тип выражается при помощи таких суффиксов, как *-тель, -щик, -ник*, реже — *-ец* (*учитель, носильщик, взрывник, творец*), в английском преимущественно с помощью суффиксов *-er, -or* (*hammerer* 'молотобоец', *creator* 'создатель'), в башкирском с помощью аффикса *-се// -сы* (*төзөүсе* 'строитель', *укытыусы* 'учитель'). Как видим, в словообразовательной парадигме глаголов действия деривационные образования со значением субъекта-производителя действия в каждом языке имеют свои конкретные словообразовательные типы.

Для глаголов активного действия характерны также словообразовательные дериваты со значением объекта действия (в том числе и результата как особой разновидности объекта), которые связаны с таким функциональным признаком глаголов действия, как переходность: русск. *избранник, выписка*; англ. *plough* 'пашня', *buy* 'покупка'; *күсермә* 'копия; выписка'. Следовательно, словообразовательные дериваты со значением объекта действия выступают также в языках различных типов. И в каждом языке это грамматическое значение выражается определенными формальными показателями.

В словообразовательной парадигме глаголов действия большое место занимают отглагольные дериваты с инструментальным (орудийным) значением. Объясняется это тем, что значение активного преобразования объектов тесно связано с семой орудия и способа действия. Ср.: русск. *будильник, дробилка*; англ. *rouster* 'жаровня; сушилка для кофе', *scull* 'весло'; башк. *кайрак* 'точило', *каптырғыс* 'крючок (на одежде)', *киптергес* 'сушилка'. Словообразовательные дериваты со значением инструментальности в русском языке передаются с помощью суффиксов *-к, -ник, -тель*, в англ. при помощи конверсии, а в башк. с помощью аффиксов *-гес// -ғыс// -кес// -кыс, -к*⁴.

Выделяются также производные со значением остатков действия: русск. *обломки, обрезки*; англ. *slops* 'помои', *dregs* 'отбросы', *peelings* 'очистки'; башк. *кәйәк* 'гарь; перегар', *һығынды* 'выжимки'. В данной группе существительных, в семантике которых содержится сема остатков действия, в русском языке продуктивен суффикс *-к*, английском *-s, -ings* (а также конверсия), башкирском *-к// -к, -нды(к)*.

Таким образом, сравнение словообразовательных парадигм глаголов действия позволяет сделать вывод, что в функциональном плане в разных языках они однотипны, различия же обнаруживаются лишь в формальных средствах их выражения.

¹ Кубрякова Е. С. Деривация, транспозиция, конверсия // ВЯ. 1974. № 5. С. 68.

² Кильдибекова Т. А. Структура поля глаголов действия. Уфа, 1983. С. 34.

³ Webster's Third New International Dictionary. Cleveland and N. Y., 1963. 274 p.

⁴ Грамматика современного башкирского литературного языка. М., 1981. С. 109.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Максютова Н. Х. Ареалы грамматических показателей залогов башкирского языка	4
Камалов А. А. Отражение некоторых фонетических особенностей башкирского языка в топонимии Башкирии и их ареалы	9
Надергулов У. Ф. Отражение древнетюркской лексики в говоре иргизо-камеликских башкир	20
Дильмухаметов М. И. Об ареальных особенностях некоторых лексико-семантических диалектизмов	30
Гильманова С. Г. Ареал и структура названий пицци в башкирском языке	36
Хисамитдинова Ф. Г. Структурно-словообразовательная характеристика башкирских ойконимов XVII—XIX вв.	49
Псянчин Ю. В. Комментарии к глаголам движения «Словаря башкирских говоров»	62
Данилова Л. В. О названиях чувашских населенных пунктов Башкирской АССР	76
Гареева Г. Г. Названия головных уборов в говорах башкирского языка	83
Молчанова О. Т. Серые, красные, синие, промежуточные цвета в ономастике некоторых тюркских народов	89
Торма И. Этимология башкирского слова <i>küser</i>	104
Усманова М. Г. Славянские названия топонимов Сакмарского бассейна БАССР	121
Хабиров Л. Г. Топонимические легенды Аскинского района Башкирской АССР и их роль в раскрытии значения топонимов и этнонимов	128
Грибановский А. П., Халиков И. А. К вопросу о словообразовательных парадигмах в разноструктурных языках	133

Св. план, 1988, поз. 8.

АРЕАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО БАШКИРСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ
И ОНОМАСТИКЕ БАШКИРИИ

Редактор Р. М. Габдуллина
Техн. редактор Ф. Г. Гайфуллин
Корректор Т. И. Кудряшова

Сдано в набор 20.04.88. Подписано к печати 30.11.88. Формат 60×90¹/₁₆.
Бумага тип. № 2. Физ. печ. л. 8,5. Уч.-изд. л. 8,8. Тираж 500 экз. Заказ № 1802.
Цена 1 руб. 30 коп. Фотоабор.

Уфимский полиграфкомбинат Госкомиздата БАССР. г. Уфа-1, пр. Октября, 2.